

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-045

ПОСЛЕДНЯЯ СПЕЦОПЕРАЦИЯ «НОРМАНА»

М.Е. Болтунов

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

Эта книга о людях того великого поколения, которое освободило Европу от фашистского ига, заплатив за это десятками миллионов жизней своих лучших сыновей и дочерей. Нам есть чему поучиться у них. Особенно сейчас. Страшный удар фашистской машины выдержали, остановили и обратили вспять. Только вот жаль, что за прошедшие десятилетия мы так и не смогли до конца понять, каким образом выросло и окрепло на нашей земле поистине могучее поколение победителей. А сегодня ох как важно разобраться в этом вопросе. Ибо завтра может быть поздно...

- [Михаил Болтунов](#)
  - [От автора](#)
  - [А мы, брат, из разведки](#)
    -
    - [Поединок со злыми духами пустыни Гоби](#)
    - [«Без связи мы ноль...»](#)
    - [Секретное оружие «топтунов»](#)
    - [В центре мирового шпионажа](#)
    - [«Я всегда за твоей спиной»...](#)
  - [Тюрьма в стране тюльпанов](#)
    -
    - [«Обвиняетесь в шпионаже...»](#)
    - [За мужество и стойкость](#)
  - [Рядовой военной разведки](#)
    -
    - [«Отпустите на фронт»](#)
    - [Офицер военной миссии](#)
    - [А был ли Венк?](#)
  - [Костры на снегу](#)
    -
    - [«Сил не жалею, жизни не берегу»](#)
    - [«Нам нужны свои, преданные люди»](#)
    - [«Лесная разведшкола» капитана Черного](#)
    - [Облава продолжается](#)
    - [Изумительный фильм в Микашевичих](#)

- [«Каратели наступают со всех сторон»](#)
  - [Оплеуха из Центра](#)
  - [«Вам ставится особо важная задача»](#)
  - [Соваться за Буг опрометчиво](#)
  - [Обстановка сложная и противоречивая](#)
  - [«Сведения получены впервые и только от вас»](#)
  - [Командир оперативного центра](#)
  - [«Я люблю тебя, Россия...»](#)
  - [Наш командир боевой](#)
    -
    - [Начальник дивизионной разведки](#)
    - [Праздничный «салют»](#)
    - [Помощник военного атташе](#)
    - [«Памятливый» кадровик](#)
    - [Командирское слово — кремень](#)
    - [«Громкие» дела 13-го отдела](#)
    - [«Увидев нас, Дубчек заплакал...»](#)
    - [Убрать предателя...](#)
    - [«Афганистан» или «Авганистан»?](#)
    - [Особая территория на карте планеты](#)
    - [«Придется тряхнуть стариной...»](#)
    - [ХАД на страже безопасности](#)
    - [«Четко трудится разведка...»](#)
    - [«Не надо высоких наград...»](#)
  - [Пеленг генерала Шмырева](#)
  - [На Ленинградском фронте](#)
  - [Годы свершений](#)
  - [Наш человек в Бонне](#)
  - [Иллюстрации](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
-

Михаил Болтунов

Последняя спецоперация «Нормана»

От автора

Дорогие друзья!

Далек тот майский день победы. Великой Победы! Семь десятилетий — это не семь верст, даже по фронтовым дорогам.

Часто думаю о людях того фронтового поколения. Как это случилось? Как произошло? Страшный удар фашистской машины выдержали, остановили и обратили вспять. Только вот жаль, за эти десятилетия так и не смогли понять, каким образом выросло и окрепло на нашей земле поистине могучее поколение победителей. А сегодня ох как важно разобраться в этом вопросе. Ибо завтра может быть поздно.

Оглянитесь вокруг, отбросьте пустую болтовню и пропагандистский раж. Вглядитесь в лица тех, кто ныне скалит зубы на нас, душит санкциями, угрожает. Кем они были 70 лет назад? За редким исключением, пылью у фашистских сапог.

Да, это мы освободили Европу от фашистского ига, заплатив десятками миллионов жизней своих лучших сыновей и дочерей за то, чтобы им жилось сладко и счастливо. Помнят ли они об этом? Увы, они не очень-то желают вспоминать. Потому годами, десятилетиями, с упорством, достойным лучшего применения, перекраивают и перекрашивают историю. Так, черное становится белым, а фашистские прихвостни в соседних государствах — героями. «Слава героям!» — орут молодые националисты с пеной у рта.

Что это? Почему через 70 лет история завершает свой очередной виток именно так? Тогда, в 1945-м, мы победили фашизм. Но сейчас 2015-й, и фашизм наступает. Сам он не остановится. Но как не хочется верить в реальность новой войны. Не верьте, ваше право. Только не забывайте, в 1914-м мало кто в нее верил, да и в 1941-м тоже.

Эта книга — о людях того великого поколения, которое остановило и разгромило фашизм. Мне кажется, нам есть чему поучиться у них. Особенно сейчас.

С уважением, автор.

А мы, брат, из разведки

Поезд устало замедлил ход, жалобно заскрипев тормозами. Лязгнули сцепки вагонов, и лязг этот, словно тревожный звонок, побежал от головы эшелона к хвосту, извещая пассажиров об остановке.

Краснолицый, крупный мужик скатился с верхней полки и, протирая заспанные глаза, бросился к вагонному окну.

— Знать, приехали? Куйбышев?

— Да нет, — остановил его молодой парень в кургузой, поношенной вельветовой курточке, — какой-то полустанок.

В вагоне установилась тишина, пассажиры услышали, как хлопнула входная дверь. Мужской осипший голос поздоровался с проводницей, представился:

— Комендантский патруль. Проверка документов.

Краснолицый достал из-под полки мешок, развязал затянутый узел, вытащил документы, бережно завернутые в газетку. Парень в вельветовке запустил за пазуху руку, отыскивая паспорт. И только молчаливый пассажир на второй полке не шелохнулся. Наверное, спал.

Патруль — молодой лейтенант, еще в новой, по-видимому, недавно выданной гимнастерке, с кобурой на боку, и два солдата с винтовками — шел по вагону. Им протягивали документы, лейтенант, слегка шевеля губами, вчитывался в фамилии, иногда задавал однотипные вопросы: «Куда следуете?», «Ребенок с вами?» — и, получив ответ, удовлетворенный возвращал паспорта, двигался дальше. Солдаты молча следовали за ним.

Проверив документы у краснолицего мужика, у парня в вельветовке, лейтенант похлопал по спине лежавшего на второй полке пассажира.

— Товарищ, проснитесь. Ваш паспорт.

Пассажир повернулся к начальнику патруля и позвал его подойти ближе:

— Можно вас...

Лейтенант, с недоверием оглянувшись на солдат, пододвинулся поближе. Пассажир что-то зашептал ему на ухо.

— Да вы что? — отпрянул начальник патруля и схватился за кобуру. Солдат, стоявший за спиной, скинул ружейный ремень с плеча.

— Спокойно, спокойно... — вытянул ладонь вперед пассажир.

— Быстро одевайтесь и на выход, — скомандовал лейтенант.

Пассажира конвоировали из вагона и тут же произвели досмотр. Каково же было общее удивление, когда лейтенант вытащил из нагрудного кармана досматриваемого... пистолет. Начальник патруля отскочил от пассажира как ошпаренный, выхватил из кобуры пистолет.

— Руки вверх! — заорал лейтенант. — Руки!

Солдаты вскинули винтовки.

— Товарищ лейтенант, я вам все объясню... — пытался что-то сказать пассажир.

— Молчать! Что ты объяснишь! Без документов, с пистолетом в кармане, в поезде на Москву...

— Да это же шпион, товарищ лейтенант, — прошипел за спиной солдат, — немецкий шпион, сука. В Москву ехал. К стенке его прямо здесь по законам военного времени.

— Лейтенант, — стараясь говорить как можно спокойнее, позвал пассажир, — пусть солдаты отойдут на пять шагов. Я все тебе объясню...

— А на двадцать не хочешь? Нашел дурака.

— Отведи меня к своему командиру.

— Может, тебя еще в Москву отвезти, в столицу нашей Родины, куда ты, падла немецкая, и стремишься...

Пассажир молчал. Реакция лейтенанта была понятна. Немецкие самолеты уже бомбили советские города. Патрульных заинструктировали до посинения. Началась шпиономания.

— Вперед! — скомандовал лейтенант. — Петренко — слева, Хлопушин — справа. И если дернется, стрелять на поражение.

«Твою мать... — выругался про себя пассажир, — ну попал». Он вспомнил инструктаж перед отъездом, его беспокойство по поводу того, что отправляется в путь без документов, да еще с оружием в кармане, в штатской одежде. Но тогда командир твердо сказал: «Не волнуйтесь. Вы же по своей территории поедете. Если у кого-либо появятся вопросы, не раскрывая себя, попросите позвонить в Москву по телефону. Телефон знаете?»

Запомнил он телефон, да что толку. Тут до телефона не доберешься, поставят к забору и шлепнут.

С другой стороны, и его прежнего командира понять можно. Откуда было знать, что в тот день, когда он пересечет советско-китайскую границу, начнется война. И своя территория оцетинится штыками. И таких вот патрульных будут ориентировать на поиск шпионов. И они, как и положено дисциплинированным воинам, станут искать их в каждом подозрительном.

Правда, если пораскинуть мозгами, то ясно как белый день, что шпиона не пошлют с пистолетом и без документов в тыл противника. Если надо, немцы сделают такие бумаги, хрен подкопаешься. Но откуда знать об этом молодому лейтенанту, даже не успевшему еще обмять свою новенькую, со склада, гимнастерку, тем более солдатам. Для них он уже однозначно какой-нибудь фашистский диверсант, стремящийся в Москву подорвать Кремль. Только, видимо, приказ у них все-таки не сразу «шлепать» подобных подозрительных, а куда-то доставлять. В этом и есть его спасение.

Дорога вдоль железнодорожного полотна заняла с полчаса. Вскоре они подошли к воротам какой-то воинской части. Начальник караула проводил задержанного на местную гауптвахту.

Дверь камеры хлопнула, и пассажир остался один на один с собой. «Да уж, воин-интернационалист... — горько подумал он, — не такого приема ожидал на Родине». Впрочем, это полбеда. Его занимало другое: чтобы начальник того лейтенанта оказался поумнее да поопытнее своего подчиненного. А о том, что его вызовут к местному начальству, не сомневался. В конце концов, не каждый день здесь, в тихом тыловом Куйбышеве, ловят немецких шпионов.

И вправду, не прошло и четверти часа, как открылась дверь, на пороге вырос старшина, видимо, служитель гауптвахты.

— На выход, — устало бросил он и, сняв с плеча винтовку, предусмотрительно отступил в глубину коридора. — Руки назад!

Старшина под конвоем провел его в штаб, остановил у двери с табличкой: «Майор Тонков», постучал, распахнул дверь.

— Разрешите, товарищ майор? Задержанный доставлен.

— Заводи, старшина...

Майор Тонков по виду соответствовал своей фамилии: высокий, худой, чернявый. Стоял, склонившись над столом у окна, курил. На столе была разложена карта. Пассажир заметил: карта европейской части нашей страны.

Майор уткнулся в карту и, казалось, не замечал вошедшего.

— Пистолет твой? — спросил он неожиданно. Потом медленно повернулся, опустил на стул, достал из ящика стола пистолет.

— Мой...

— Откуда?

— Ответить не могу...

— А что можешь?

— Прикажите телефонистке набрать Москву.

— Москву? — брови майора удивленно взлетели вверх.

— Да, Москву, телефон К-5-30-00.

— Это что за номер?

— Телефон коммутатора Генерального штаба.

Майор поднялся из-за стола, набычился.

— Ты что несешь, сынок? Может, тебе еще коммутатор товарища Сталина набрать?

— Если надо будет, то и коммутатор товарища Сталина наберете.

— Ты кто такой, черт возьми? — позеленел майор. — Отвечай. Война идет. Немец уже вклинился в нашу территорию, города горят, люди гибнут. А ты с оружием, без документов...

— Я командир Красной армии. Выполнял специальное задание. Прикажите набрать номер.

— Фамилия?

— Никифоров... Александр Никифорович...

Майор опустил на стул.

— Ну, молись, Никифоров или кто ты там, чтоб на этом номере тебя знали. Иначе расстреляю собственной рукой.

Тонков погрозил костлявым кулаком и приказал увести задержанного.

Вновь та же камера, деревянные нары. Обычная армейская гауптвахта. Хотя, откровенно говоря, за всю свою службу в Красной армии ему не приходилось проводить время на «губе». В военном училище он ходил в отличниках, старался дисциплину не нарушать. В Разведуправлении, куда попал после выпуска, ни о чем, кроме службы, думать было некогда, в командировке в Китае, откуда он теперь возвращался, — и подавно. Работа днем и ночью, и гауптвахта, окажись она рядом самым фантастическим образом, могла сойти за местный санаторий. Но вот, поди ж ты, жизнь непредсказуемая штука. Сегодня только за один день он успел побывать и в роли немецкого шпиона и попариться на нарах.

Шутки шутками, а внутри затаился гадкий холодок: а вдруг действительно в управлении, на телефоне, который он оставил майору, никого не окажется. Или окажется какой-либо новенький, который и слыхом не слыхивал о нем. А может, случится что-нибудь еще нештатное, ведь все эти звонки, телефоны хороши были в мирное время, а теперь уже несколько дней идет война... И что там творится в его службе, в Москве, одному богу известно. А майор Тонков злой, ядовитый, у такого рука точно не дрогнет.

Александр брякнулся на нары. Как все-таки глупо влип. Черт возьми, действительно немцы уже топчут нашу землю. Провожая, командир

говорил: «Езжай быстрее, тебя очень ждут в Москве», а он валяется здесь, в каком-то Куйбышеве на нарах, и его в который раз обещают поставить к стенке.

Хотелось есть, но, судя по всему, кормить его не собирались. Да и какой еды предложить немецкому шпиону? Разве что яду.

А каково было этим? Он вдруг вспомнил имена царских полковников и генералов, выбитые на мраморных плитах Академии Его Императорского Величества Генерального штаба.

Никифоров сел, тряхнул головой, стараясь понять, спит ли он, бредит ли. Странная штука — память, неожиданно всплывает что-нибудь совсем не к месту.

После окончания Ленинградского военного училища связи Александр никогда не вспоминал этот случай. Как-то, будучи курсантами, они разглядывали мраморные пилоны, на которых были золотом выбиты имена выпускников — отличников прежних лет. Курсанты любили сюда приходить. Втайне каждый из них мечтал увидеть свою фамилию на этом почетном пилоне.

Сколько раз они бывали здесь, но в тот день их словно кто-то дернул за рукав. Александр вместе с товарищем по учебному взводу заглянули по ту сторону почетной доски. Сделать это оказалось не трудно, так как мраморные пилоны держались на довольно длинных металлических штырях, прикрепленных к стене.

А там словно приоткрылось окно в историю. Имена, имена... Да какие имена! Лучших выпускников Академии Генерального штаба. Ведь именно в здании их училища до революции 1917 года и располагалась эта академия.

Друг Роман, пытаясь прочитать фамилии, вдруг ахнул и, понизив голос, взволнованно прошептал:

— Сашка, смотри, кто тут учился... Юденич Николай Николаевич, год выпуска 1887-й, Алексеев — 1890-й. Ба! Врангель! 1910 год.

Они еще долго стояли, уткнувшись носами за мраморные пилоны, читали фамилии, вспоминали, что же об этих «беляках» рассказывали им преподаватели. Ну, то, что они были врагами советской власти, само собой. Разгромили их красные полководцы Буденный, Ворошилов... А еще? Оказалось, более ничего дурного. Как же так? Роман и Александр виновато переглянулись. Забыли, что ли? Стали вспоминать.

— Генерал Алексеев. После Октябрьской революции выступил против советской власти, создал на Дону Добровольческую армию... — сказал Никифоров.

— Э, нет, Саша, так не пойдет, это же школьная программа, — поморщился Роман, — а ты завтрашний советский офицер.

— Ну, по-моему, Алексеев был начальником штаба Киевского округа, потом командовал корпусом...

— А до этого? Заметь, очень важная деталь. Он в этой академии преподавал, преподавал?.. — Роман с улыбкой заглядывал в глаза другу.

— Историю русского военного искусства!..

— Точно!.. Был профессором.

— Но главное не это. Весной 1915 года Алексеев сорвал замысел германского командования по окружению русских армий в Польше.

— А Врангель? — продолжал подначивать Ромка.

— Что Врангель? Контра твой Врангель, — ответил в сердцах Никифоров.

— Не спорю, все они контра! — тут же нашелся друг. — Но что нам Савелий Иванович на той же истории военного искусства рассказывал?

И Роман стал загибать пальцы.

— Участник Русско-японской войны, раз. В Первую мировую уже командовал корпусом, два. А между прочим, был из вольноопределяющихся, получил офицерский чин, Академию Генштаба эту же закончил, генералом стал.

Друг загадочно огляделся и, придвинувшись поближе, горячо зашептал на ухо Никифорову.

— Слушай, а как думаешь, мы с тобой генералами станем?

— Вряд ли... — спокойно ответил Александр.

Роман отшатнулся, обиженно надул губы.

— Это почему же?

— Да потому, что связисты мы с тобой.

— А что, среди связистов генералов не бывает...

— Бывает, Рома. Только не забивай себе голову разной чепухой.

Александр обнял товарища за плечи. Но тот, уходя, еще раз оглянулся на мраморные пилоны.

— Нет, Сашка, не скажи. Скоро твою фамилию выбьют на той почетной доске. Интересно все-таки. С одной стороны генерал Алексеев, с другой — лейтенант Никифоров.

Собственно, так и случилось, как предсказал сослуживец. В 1939 году Александр Никифоров с отличием закончил военное училище, и его имя золотом выбили на мраморном пилоне.

Только почему этот случай вынырнул из памяти именно сейчас, казалось бы, в самый неподходящий момент, он, откровенно говоря, в толк

не мог взять.

Ответить на этот вопрос самому себе он не успел. В коридоре слышались шаги, повторились все те же звуки — взвизгнул засов, распахнулась со вздохом дверь, и знакомый старшина шагнул в камеру.

— Пойдемте, майор ждет...

По тому, как старшина сказал эту фразу и не отступил в коридор, не сдернул с плеча винтовку, Никифоров почувствовал: дозвонился майор до Москвы, дозвонился.

Майор Тонков ждал его у дверей кабинета. Он распахнул свои длинные, худые руки, словно желая обнять Никифорова, и почти потечески пожурил:

— Что ж вы сразу толком ничего не объяснили? Мы хоть здесь и тыловые крысы, но тоже не без понятия.

Никифоров молчал. Майор так и не понял, что лейтенант Разведуправления Красной армии сказал все, что мог.

Майор тем временем вытащил из стола конфискованный пистолет Никифорова и протянул какую-то бумагу. Александр взглянул. На ней было написано, что он является командиром Красной армии и имеет право на ношение оружия. Все заверено подписью и печатью.

«Наконец-то, — с облегчением подумал Никифоров, — а то ведь еще полстраны проехать надо. Сколько таких резвых патрульных лейтенантов наберется на каждом полустанке, а уж о вокзалах и говорить не приходится».

— Ладно, будьте здоровы, — протянул костлявую ладонь майор Тонков, — не держите зла. Сами понимаете, война.

Его отвезли на вокзал, а вечером он опять забирался на верхнюю полку вагона поезда, следующего в Москву. «Надеюсь, этот перегон будет более спокойным, чем прежний. Скорей бы уж в управление, да делом заняться. Настоящим делом».

Намаявшись за день, лейтенант Александр Никифоров уснул сном праведника, еще не зная, что и Москву, и управление, и настоящее дело он увидит нескоро. Долог оказался путь. Почти месяц добирался он до столицы. Но пока ничего этого лейтенант не знал. Он просто спал.

Поединок со злыми духами пустыни Гоби

Летом 1939 года все выпускники Ленинградского военного училища связи знали места своей будущей службы. Все, кроме 18 «счастливицков». С ними еще в мае побеседовал какой-то майор из Наркомата обороны, и... тишина. Александр Никифоров, попавший в это число, даже стал волноваться: как бы не забыли про них.

Но после выпускного вся группа получила предписания: явиться в распоряжение 5-го управления Наркомата обороны. Что за 5-е управление, никто из них толком не знал. Друг Александра Рома Гончар где-то пронюхал, что якобы под этим наименованием и засекречена военная разведка.

Ну что ж, прибыли они в Москву по указанному адресу. Как позже узнали, в дом Саввы Морозова на бывшей Басманной улице. Их принял военинженер 1-го ранга Артемьев. Увы, все, что сказал начальник, повергло молодых лейтенантов в уныние. Они были готовы хоть завтра по заданию партии, комсомола и разведки лететь к врагу в тыл, им мерещились самые опасные секретные задания, которые они, разумеется, блестяще выполнят... Но военинженер произнес по сути своей очень досадные слова, и сводились они к одному: «Вы, ребята, пока не готовы выполнять самые секретные задания... Надо еще подучиться».

— И сколько надо подучиваться? — осторожно спросил кто-то из них.

— Шесть месяцев, — развел руками военинженер 1-го ранга.

Вздых сожаления вырвался одновременно из груди Александра и его товарищей. Артемьев это понял по-своему.

— Понимаю, программа очень обширная, трудоемкая, сложная, но на большее нет времени, — попытался успокоить он молодых лейтенантов.

Впору бы обидеться, почему их, высококлассных специалистов связи, красных командиров, которых учили три года кряду, опять сажают за парты? Да вот обидеться они не успели. На следующий день с ними провели первое занятие. Кое-что рассказали, показали, и выпускные амбиции слетели с них, как пух с тополей под майским ветерком. Теперь, реально оценивая свои знания и умения, лейтенанты с тревогой прикидывали, а хватит ли им тех самых шести месяцев, о которых говорил военинженер Артемьев, для освоения предложенной программы.

А программа, выражаясь современным языком, оказалась очень «крутая». Они должны были научиться поддерживать связь на дальние

расстояния, успешно работать в условиях радиопомех, на больших скоростях. Что касается, например, скоростей работы на ключе, то лучшие выпускники военного училища связи с трудом могли представить, что вообще существуют такие скорости.

Им предстояло изучить новую коротковолновую приемо-передающую аппаратуру, специальные правила связи.

По поводу досконального изучения аппаратуры их преподаватель военинженер 3-го ранга Парфенов на первом же занятии сказал:

— Никого агитировать не буду. Попрошу запомнить только одно и потом не говорить, что не слышали: если ты командир взвода связи, к примеру, в полку или в дивизии, над тобой куча начальников. Плохо это или хорошо?

Лейтенанты деликатно промолчали.

— И то и другое, — ответил преподаватель. — Могут спросить, проконтролировать, но и помогут в трудную минуту. Ну, не разобрался в поломке молодой командир, спросил — разъяснили, разжевали, помогли. А кто тебе поможет за сотни километров в тылу врага? Ты один на один со станцией. Ты самый большой спец. Кроме того, это единственная ниточка связи с Центром, с Большой землей. Значит, от твоих знаний, умений, мастерства зависит не только твоя жизнь, но и жизнь десятков, а может, и сотен, людей.

Эти слова потом часто будет вспоминать Никифоров. Военинженер в две минуты объяснил самую суть работы разведчика-радиста.

Учились они, откровенно говоря, не просто с упорством, учились с неистовством. Грызли науку спецрадиосвязи и днем и ночью. Понятие «личное время» было весьма условным. Никто из них тогда еще не знал, какую проверку на прочность устроит им судьба, но то, что устроит — не сомневались.

В марте 1940 года обучение закончилось. С апреля началась стажировка на Центральном радиоузле Разведуправления. И тут они, к счастью, попали в руки истинных мастеров-радиооператоров, которые работали в Испании, в Китае. Многие из них были награждены боевыми орденами и у стажеров пользовались большим авторитетом.

Позже события тех дней друг Никифорова — Роман Гончар будет оценивать так: «По окончании курсов усовершенствования и стажировки все мы были твердо уверены, что обеспечим радиосвязь в любой обстановке, на любые расстояния, в условиях помех и на больших скоростях. Здесь, на курсах, мы теоретически и практически освоили связь на коротких волнах, на маломощных радиостанциях и твердо убедились в

возможностях коротких волн.

Я никогда не забуду декабрь 1939 года, поздний вечер, первое дежурство на коллективной радилюбительской радиостанции. Обнаружил работу радилюбителя с острова Лусон (Филиппины) и под руководством Л. Долгова установил с ним двустороннюю радиосвязь.

На следующий день отыскал этот далекий от Москвы остров на карте и с трудом поверил в реальность случившегося. Подобные дальние связи придавали уверенность в работе, практически подтверждали теоретические выкладки о возможностях связи на коротких волнах на такие большие расстояния».

Нечто подобное переживали все стажеры. На передающем радиоцентре ГРУ им поручали работать с разными корреспондентами. Так, лейтенанту Александру Никифорову чаще всего, под руководством опытных операторов, приходилось принимать радиограммы некоего корреспондента с забавным (как ему казалось тогда) позывным «Жмеринка». Разумеется, он и знать не знал, кто эта «Жмеринка». Только после войны Никифорову станет известно, что, будучи еще стажером, держал связь с легендарным советским разведчиком, резидентом ГРУ Шандором Радо.

1 мая 1940 года вся группа молодых офицеров-радиооператоров участвовала в военном параде на Красной площади. Они чеканили шаг в составе сводного полка офицеров Народного комиссариата обороны. Замерзли, откровенно говоря, крепко.

Ночью неожиданно выпал снег, и в Москве было холодно и знобко. А участники парада все как один одеты в гимнастерки.

После прохождения по площади их отвели на соседнюю улицу, прозвучала команда: «Разойдись!», и они, словно дети, стали прыгать, толкаться. Всюду звучал смех. Было шумно. Шумно...

...Никифоров открыл глаза. По вагону, галдя и шаркая обувью, шли новобранцы. Их можно было сразу отличить от других пассажиров — молодые ребята, видимо, вчерашние школьники, с вещмешками под мышкой, за спиной.

Лейтенант спустился с полки. Поезд стоял у перрона. А на перроне — военные, военные... Гимнастерки, сапоги... Командиры, солдаты. Напротив их вагона в две шеренги выстроилось какое-то странное подразделение. Из соседнего купе донеслись удивленные девичьи голоса:

— Ой, смотри, смотри, Лидка, китайцы!..

— Где китайцы?

— Да вот же, разуй глаза. Они в нашей форме.

Александр усмехнулся, поглядывая в окно. «Не китайцы, а корейцы. Уж он теперь китайца за версту узнает, не ошибется. Год с лишним с ними прожил, бок о бок. Впрочем, прожил — это громко сказано, точнее — выжил».

...После того памятного, как они его прозвали, «ледяного парада», несколькими офицерам-радистам из числа стажеров приказали убыть в командировку. В Китай.

Что они знали тогда о Китае? Не многое. В июле 1937 года японские империалисты напали на Китай. Китайский народ сражается за свободу страны. Советский Союз не бросил в беде своего соседа.

Мы поставляли Китаю боеприпасы, топливо, боевую технику — самолеты, артиллерию. В штабах китайской народной армии и в районах боевых действий работали наши советники, в небе сражались советские военные летчики.

Через 30 с лишним лет в своей книге «Боевые маршруты» известный советский летчик, Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Ф. Польшин напишет: «Японские бомбардировщики разбойничали в небе Китая, по существу, безнаказанно. От бомбардировок особенно страдали крупные города. Скученность народа там была ужасная, от зажигательных бомб возникали пожары, и люди в огне гибли тысячами».

Было объявлено, что лейтенантам предстоит служить в Сучжоу, в Кульдже, в Урумчи и в Ланьчжоу. Посмотрели на карте. Кульджа, почитай, рядом с советско-китайской границей, до Алма-Аты рукой подать, Урумчи подальше, а до Ланьчжоу ехать и ехать, а лучше лететь самолетом. Этот город в центре Китая.

Им, отправившимся в командировку, рассказали, что в 1938 году главным направлением, по которому стала поступать советская помощь, был путь от Алма-Аты, через Джаркент (теперь он именовался городом Панфиловым), пограничный пункт Хоргос, и далее через различные селения китайских провинций Ганьсу и Синьцзян в центральные и южные провинции Китая.

Услышав названия этих провинций, лейтенант Александр Никифоров тогда еще не знал, что в одной из них, Ганьсу, он проведет ближайший год.

А год этот выдался тяжким. Казалось, он, деревенский парень из Смоленской губернии, повидал разное. Выросший в самые сложные, неблагоприятные 20-е — 30-е годы, познал и холод, и голод, и крестьянский труд. Чем его можно удивить, а тем паче напугать? Оказалось, можно. Следуя к месту службы, на подъезде к Сучжоу, где должен был располагаться его радиоузел, они остановились, чтобы

передохнуть, из горных пещер к ним высыпали китайцы. Он до сих пор помнит мурашки, побежавшие по спине: нечесанные, немытые, в грязных лохмотьях, больные. Китайцы окружили их. Никифоров был потрясен.

А дальше — не дорога — одно название. Ориентиров никаких. Не дай бог сбиться с пути, попасть в песчаную бурю. Да и что тут, собственно, удивительного. Пустыня. Деревьев нет, редкие кустики. Иногда вдоль дороги попадают дома-мазанки. Вместо стекол в окнах рисовая бумага.

На всем этом очень невеселом пути, именуемом автомобильной трассой, стояли автомобильные базы. Их цель — техническое обслуживание автотранспорта, на котором доставлялась военная техника, боеприпасы, горюче-смазочные материалы в Китай и уже непосредственно по стране.

Эти базы были развернуты на перевале Кинсай, в местечках Шихо, Урумчи, Пичан, Анси, Сучжоу, Ланчжоу.

Кроме автодороги функционировала и авиационная трасса. Она брала свое начало в Алма-Ате и проходила по населенным пунктам Кульджа, Шихо, Гучен, Хами, Анси, Сучжоу, Ланчжоу и далее на юг Китая. Здесь работали аэродромы, обеспечивающие дозаправку самолетов.

Еще в 1937 году, когда только начинали разметку автомобильной и авиационной трасс, закладывались аэродромы, сюда вместе с первыми специалистами прибыли и разведчики-радисты, оборудовали радиоузлы, развернули радиостанции. Это помогло штабу руководства обеспечить управление всем процессом доставки боевой техники и вооружения в Китай.

Однако с каждым месяцем поставки росли, перегон авиационной техники увеличивался, а значит, должна развиваться и вся действующая система радиосвязи. Надо было разворачивать новые радиостанции на промежуточных аэродромах и автомобильных базах, создавать радиосеть между аэродромами для передачи метеорологической обстановки, а также между аэродромами и самолетами. Опытных операторов не хватало. Потому после переподготовки, стаж на центральном узле они долго в Москве не задержались.

Лейтенант Александр Никифоров ехал в Китай, волновался. Вроде и подготовку прошел неплохую, но что там ждет, кто знает. И надо сказать, что волновался не зря. Проблем, прежде всего профессиональных, оказалось хоть пруд пруди.

Первый тяжелый сюрприз преподнесла природа провинции Ганьсу, где располагался его радиоузел. Дело в том, что здесь трассы проходили по пустынной местности. Автомобилистов и летчиков встречала самая

холодная на земле пустыня Гоби.

Весной, летом, осенью здесь свирепствовали песчаные бури. Чем они страшны для радистов? Тем, что наэлектризованный песок создавал в антеннах высокие электрические потенциалы, что приводило к сильным разрядам. Радиосвязь резко ухудшалась, возникали помехи, в наушниках были слышны только оглушительные хлопки. Прием даже небольших радиogramм длился во много раз дольше, чем обычно. А стихия могла бушевать от трех до пяти суток. Песок заносил трассу, наметал барханы. Как противостоять песчаным бурям, ломали голову все радисты, работавшие в Китае. И выход был найден: приемные антенны стали располагать внутри помещений, тем самым изолируя их от наэлектризованного песка. Поединок с духами злой пустыни Гоби военные разведчики-радисты выиграли.

Сколько таких, образно выражаясь, злых духов встречали они там! Порой не знали — после чашки риса, преподнесенной улыбчивым, учтивым китайцем, проснутся ли? Своих поваров на их пункте не было, слишком мало личного состава — три радиста, во главе с ним, лейтенантом Никифоровым, шифровальщик, синоптик, фельдшер. Вот и весь контингент. Естественно, повара — китайцы. Как выяснилось позже, во многих пунктах поварами у советских работали завербованные японцами агенты.

Так ехал он в поезде и вспоминал в подробностях прошедший год. Эшелон стоял на запасных путях, в тупиках, принимал и выгружал новобранцев. На станциях пассажиры первым делом бросались узнавать новости: как фронт, где немцы? А новости были неутешительными. В середине июля, когда после долгой дороги он впервые ступил на твердую, желанную московскую землю, радио сообщало: в районе Смоленска продолжаются упорные бои. 20-я армия генерала Курочкина сдерживать превосходящие силы 9-й немецкой армии не смогла. Танковые дивизии обошли ее и приблизились к Смоленску.

16 июля противник ворвался в южную часть города. Идут ожесточенные бои. Возросла угроза прорыва немцев к Москве.

Прямо с вокзала он поехал в Разведуправление. Как оказалось, его уже давно ждали. 2 июля Директивой начальника Генерального штаба в системе военной разведки было создано первое подразделение по подготовке разведчиков-радистов — 55-я отдельная радиорота.

У войны свои законы. В соответствии с ними ежедневно, ежечасно требовался большой объем развединформации. Разведуправления фронтов засылали в тыл противника десятки, сотни разведгрупп и отрядов. Позже

будет подсчитано, что только за первые семь месяцев войны в тыл врага были заброшены 10 тысяч разведчиков и партизан. А в состав каждой группы должен входить как минимум один, но чаще два радиста. Спрос на радистов был просто огромен.

«Без связи мы ноль...»

Ночь на 16 октября 1941 года выдалась холодной. Шел мокрый снег, под утро ударил морозец. Дороги, улицы, тротуары покрылись коркой льда.

Вторая радиорота с рассветом покинула Чернышевские казармы, которые на три месяца стали их родным домом.

Радиоинструктор лейтенант Александр Никифоров еще раз оглянулся на их временное прибежище, которое поначалу казалось ему таким угрюмым и неприветливым. Теперь от этих стен веяло теплом, чем-то родным и очень близким.

Он не заметил, что вместе с ним замедлили шаг последние шеренги роты. На левом фланге, как всегда, шагали самые маленькие и юные курсанты. Вернее — курсантки. Они также обернулись и остановились, а рота ушла вперед. К реальности их вернул требовательный голос командира:

— Лейтенант Никифоров! Не отставать, подтянись!

И последние шеренги, во главе с лейтенантом, бросились догонять уходящих товарищей.

Промозгло. Сыро. Гололедица. Дорога забита грузовиками, легковыми автомобилями, автобусами. Кто-то стоит, кто-то пытается ехать, скользя и сползая в кювет.

По обочине, увязая в грязи, идут люди — мужчины, женщины, дети. На плечах, на спинах, под мышками тащат мешки, свертки, рюкзаки. Жители столицы покидают город.

Государственный Комитет Обороны, в связи с приближением фронта к столице, принял решение об эвакуации правительственных учреждений, дипломатического корпуса, оборонных предприятий, культурных и учебных заведений. Поток эвакуированных хлынул из Москвы.

40-му отдельному радиобатальону, который развернулся на базе 55-й радиороты, тоже было приказано убыть из столицы. Маршрут: Москва — Покров — Владимир — Ковров — Горький.

Утром 16-го вышла вторая рота, 17-го и 18-го должны убыть другие подразделения и службы батальона.

Курсанты — вчерашние выпускники школ, студенты — девушки, юноши, самому молодому — шестнадцать лет, старшему — девятнадцать, несли на себе все ротное хозяйство: постельные принадлежности, телеграфные ключи, головные телефоны и, разумеется, оружие —

карабины, патроны.

Командиры, которые были не намного старше курсантов, как могли, поддерживали свои подчиненных.

Прошло почти четыре месяца войны. Разведуправление надеялось на них — командиров взводов, рот, радиоинструкторов батальона, пусть еще и молодых по возрасту, но уже опытных, знающих специалистов связи, прошедших дорогами Испании и Китая. Что же они успели сделать? Оправдали надежды?

Лейтенант Александр Никифоров шел по обочине дороги, то и дело помогая увязающим в грязи девчонкам-курсанткам, слушал, как хлюпают десятки сапог, ощущал, как давит на плечи мокрая, набухшая от влаги шинель.

Нет, они не подвели командование, за эти месяцы сделано немало. Уже к 10 сентября на базе роты развернули батальон в 400 человек. Легко сказать, развернули... Идет война, и в стране, в Москве формируется множество частей. Потребность в людях, в вооружении, в технике велика. Каждого человека приходилось буквально выбивать. А ведь в спецрадиосвязь не каждого возьмешь. Тут способные, грамотные люди нужны. Поэтому искали их в секциях радиолюбителей, в институтах связи, в других вузах, где прежде до войны работали кружки коротковолновиков, в школах Осоавиахима. Но таких, подготовленных, натасканных, разумеется, не хватало. Зачастую приходили те, кто порою об азбуке Морзе ничего и не слышал, и телеграфный ключ в глаза не видел.

С ними приходилось повозиться. Сначала теоретическая часть — изучить саму азбуку Морзе. Да не просто тупо зазубрить, а научиться понимать. Очень трудоемкая, кропотливая работа.

Дальше — освоение материальной части. Станцию радист разведки должен знать как свои пять пальцев, и если уж не на уровне инженера, то хотя бы техника. То есть быть готовым не только к ее бережной, грамотной эксплуатации, но и ремонту. И еще полбеды, если этот ремонт предстоит провести в партизанской землянке, а если в лесу, в поле, в стогу сена?

Но и это не все. Надо научиться «жить» в эфире: работать, принимать радиограммы, передавать их, заниматься шифровкой, дешифровкой.

Словом, требования к разведчику-радисту высоки. Ибо послать разведгруппу в тыл без радиосвязи или с плохой связью — это значит обречь бойцов на верную смерть.

И наконец, последнее. Вернее, это стало первым, с чего, собственно, и начинали командиры радиобатальона отбор курсантов — с объективного рассказа о том, что ждет будущих разведчиков-радистов, попади они в руки

врага. А ждать их могли издевательства, пытки и возможная гибель. Никакой романтики, красивых слов, только жестокая правда. В общем, даже в это тяжелое время брали только добровольцев. Тех, кто отказывался, просто откомандировывали в другие части, например, в войсковую связь. Справедливости ради надо сказать: отказников было не много.

Обучение проходило в интенсивном режиме. Занимались по 10–12 часов в сутки. А ночью приходилось вскакивать по воздушной тревоге. Немцы усиливали налеты на Москву, и воющий сигнал звучал почти каждую ночь. Это изнуряло командиров и курсантов батальона, но иного было не дано.

В одном из учебных классов висела карта Москвы и близлежащих областей. Никифоров сам черным и красным карандашами наносил обстановку. Трудное это было дело — наносить обстановку осенью 1941 года.

3 октября черная стрела накрыла Орел — немецкие танки ворвались в город, 6 октября пал Брянск, 12-го — Калуга. 14 октября стрела вонзилась в Калинин. И вот теперь, 16-го, они в дороге. Где-то там впереди Владимир... Но до него еще надо дойти.

— Эй, лейтенант! — услышал Никифоров окрик. — Помог бы инвалиду.

Александр оглянулся. Шагах в пяти от него стоял седой, небольшого росточка старик и пытался поднять с земли набитый, видимо, домашним скарбом, мешок.

Никифоров возвратился, подхватил мешок, забросил его на спину старику.

— Ну вот, — пробурчал недовольно из-под мешка дед, — и на том спасибо...

— Что так неласково, отец? — спросил лейтенант.

— А за что вас ласкать, сынки? — оскалился дед. — Видать, заблудились вы...

— То есть как заблудились?

— Как? Да очень просто. Немец на Москву прет, а вы в обратном направлении маршируете.

Александр даже на мгновение растерялся. «Вот тебе раз, без вины виноватые». Но потом представил, верно ведь возмущается дед, со стороны так оно и видится — бегут солдатики, спину немцам показывают.

— Знаешь, дедуля, — сказал Никифоров, — у каждого свой фронт. — И зашагал дальше, подняв повыше полы длинной намокшей шинели.

Потом они еще не раз будут слышать подобные упреки на всем пути

до Горького. Да и в Горьком их никто с пирогами не встречал. Здание средней школы на улице Коминтерна, голые стены, цементные полы, да двадцать парт, оставшиеся от прежних хозяев. Здесь и должен был разместиться батальон. Всю последующую жизнь предстояло устраивать самим. Что ж, не раскачиваясь, быстро взялись за дело. Сколотили нары, столы, скамейки, отрыли бомбоубежище. В городе найти что-либо необходимое для учебы — инструменты, радиодетали, бумагу, карандаши — было почти невозможно. И тем не менее вскоре батальон возобновил обучение.

Пополнение теперь приходило в основном из девушек. Парней набирали в действующую армию, да и Разведуправление понимало: молодым людям труднее легендироваться в тылу врага. На занятой фашистами территории, в городе ли, деревне, появление юноши вызывает подозрение. У гестапо возникает естественный вопрос: молодой и здоровый, почему не в армии, не на фронте? Не шпион ли?

А события на фронте развивались таким образом, что требовалось все большее число разведчиков-радиостов — активизировалась деятельность оперативной разведки, увеличивалось количество сеансов, рос объем радиообмена. Снижать качество подготовки операторов было нельзя, наоборот, действительность заставляла готовить классных специалистов. Увеличивать же срок подготовки курсантов не позволяла обстановка. И поэтому режим учебы в батальоне становился все более напряженным — занятия проводились уже по 14–16 часов в сутки, а практические тренировки шли как днем, так и ночью. О выходных днях, отпусках для курсантов никто и не помышлял.

Об интенсивности подготовки разведчиков-радиостов Горьковской школы может говорить такая цифра: в начале 1943 года из ее стен на фронт ежемесячно уходили 80–90 специалистов. Они были не только радиооператорами, но, прежде всего, бойцами, защитниками Отечества, мужественными людьми.

Представьте себе: разведгруппа в 5–7 человек — песчинка во вражеском океане, маленькая горстка людей, против мощной, контрпартизанской жестокой машины. Каждый выход в эфир — это вызов врагу — обнаружение себя, «засветка»... Позывные радиостанции, как магнит, притягивают к себе пеленгаторные подразделения фашистов. Кольцо сжимается.

Это только в кино радиостов долго и упорно обучают прыгать с парашютом, а потом там, внизу, партизаны несколько суток расчищают площадку, жгут костры. Так вот, жизненная правда, в отличие от киношной,

в том, что разведчиков-радистов во время войны никто не обучал прыжкам с самолета. В той же Горьковской школе вообще не было парашютной подготовки, и радисты видели парашюты в первый раз в жизни только перед полетом.

Александр Никифорович Никифоров о том времени вспоминал так: «Направлялись радисты в тыл врага вместе со своими разведчиками по воздуху или морским путем, а то и пешим порядком через линию фронта. Пожалуй, наиболее сложными и опасными были парашютные прыжки “вслепую”. Внизу в этом случае разведчиков часто не встречали друзья, как правило, заранее не готовились приемные площадки с сигнальными кострами, детально не известна была и обстановка в районе приземления. В этих условиях разведчики нередко попадали в сложные ситуации: приземлялись непосредственно в расположения гарнизонов противника, зависали на деревьях, высоковольтных линиях электропередач, на шпилях различных башен и церковных крестах, попадали в реки, озера, болота и нередко тонули в них. Случалось, что некоторые разведчики после прыжка, не достигнув земли, были прошиты автоматными очередями или сразу после приземления попадали в плен... и тогда тюремные застенки и пытки в гестапо».

Многие из тех, о ком говорил Александр Никифоров, были его учениками и ученицами. Он обучал этих юных девушек и юношей не только профессии, но и смелости, расчету, умению действовать в самых тяжелых, опасных ситуациях.

Так, из-за ошибки пилотов радистку А. Быковскую из разведгруппы «Воронкин» десантировали далеко от места сбора. Было это на вражеской территории, в Польше, в районе города Бяльска. Радистка оказалась в лесу одна. Утром она вышла к селению, заглянула в крайний дом. Поляк, хозяин дома, выдал советскую разведчицу фашистам. Но она действовала решительно и смело — уничтожила предателя и скрылась в лесу. Неделю блуждала по незнакомому болоту, без еды, боевых товарищей. И все-таки нашла свою разведгруппу, успешно выполнила задание и была награждена орденом Красной Звезды.

Радистки разведгруппы «Арап» Лидия Вербовская и Галина Сущева были выброшены с парашютами в 70 километрах от запланированного места встречи в районе Перемышля. Две недели они шли по лесу и горам. Двигались в основном ночами, обходя фашистские засады. Встречались с польскими и украинскими бандами националистов. А как известно, такие встречи для наших разведчиков были крайне опасны. И все-таки они выжили, вышли в намеченный район, подключились к работе разведгруппы

и передали в штаб фронта более 100 ценных разведдонесений.

Позже, во время действий группы в Чехословакии, радиостанция Галины Суцовой была дважды пробита пулей. Но радистка и командир разведчиков восстановили рацию и наладили связь с Центром.

Таких примеров множество. Есть совершенно уникальные. Радистка Галина Степанишина вела радиосеансы, укрываясь по ночам в русской печи. Но самое поразительное, что печь эта находилась в общежитии, расположенном на территории гитлеровской дивизии СС.

Елизавета Вологодская, радистка разведгруппы «Львов», девушка маленького росточка, по виду почти ребенок, забиралась в собачью конуру и под носом у фашистов передавала радиogramмы.

Радистки разведгруппы капитана Крылатых Анна Морозова и Зинаида Бардышева долго уходили от преследования. За четыре месяца они прошли по прусской земле более 500 километров. 14 раз сталкивались с фашистскими засадами и облавами, передали в Центр свыше 100 радиogramм. Но в кровавых, жестоких схватках погибли все разведчики. Анна Морозова, раненная в руку, подорвала себя гранатой вместе с радиостанцией. Зинаида Бардышева, не желая сдаваться в руки фашистов, застрелилась из пистолета.

После войны в архиве Гимmlера было найдено донесение шефа безопасности СД № 156 от 16 января 1942 года. Гимmlеру докладывали о беспрецедентном случае. Безоружная арестованная 19-летняя радистка Валентина Чеботарева убила двух эсэсовских офицеров из их же оружия во время допроса.

Оказывается, гитлеровские офицеры угрожали двум захваченным разведчикам расстрелом. Но допрос шел плохо, партизаны молчали, и фашист, в сердцах бросив пистолет на стол, стал избивать допрашиваемого. Радистка схватила пистолет и выпустила обойму в обоих истязателей.

...В мае 1943 года старший лейтенант Александр Никифоров назначается начальником штаба Горьковской школы, а в следующем, 1944-м, его переводят в Москву. Теперь до конца войны он готовит разведгруппы для заброски в тыл противника уже в Центре. Оперативные квартиры, где идет подготовка, располагаются в Косино, в Серебряном Бору и основная — на Соколе, в городке художников на улице Левитана.

Нередко Никифоров сам вылетает на разные фронты, в тыл к партизанам, особенно если надо наладить связь в сложных условиях.

Как-то ночью его подняли по тревоге, поставили задачу и срочно отправили на аэродром. Оказалось, в партизанском отряде Героя Советского Союза Ивана Банова вышла из строя радиостанция. Отряд

располагался в белорусских лесах. Александр Никифорович доставил партизанам радиостанцию «Север», два комплекта питания, новую программу. Сам установил связь с Центром.

Таких вылетов было много.

...После окончания войны, в 1946 году майора Александра Никифорова направили на учебу в Академию имени М.В. Фрунзе, на разведфакультет. Он оказался в первом послевоенном наборе. Знатный был набор. Все фронтовики, орденосцы, Герои. На параде академия выставляла целый батальон Героев Советского Союза. Знамя академии нес трижды Герой, прославленный воздушный ас Александр Покрышкин, ассистировали ему дважды Герои Советского Союза.

Разведфакультет — большой, 100 человек. Подготовку давали крепкую, основательную. Никифоров учился хорошо, но особенно здорово шел у него английский язык. Александр увлекался им еще в училище, теперь в академии, а по окончании академии и на Высших академических курсах.

Когда в 1951 году обучение закончилось, его пригласил на беседу начальник управления ГРУ Павел Мелкишев, известный разведчик, бывший во время войны резидентом в Нью-Йорке.

— У вас хороший английский язык, вы закончили училище, академию, ВАК, воевали. Словом, жизненный и профессиональный опыт есть. Не хотели бы сменить амплуа? Я имею в виду из спецрадиосвязи перейти в оперативное управление.

Предложение, откровенно говоря, было неожиданным. И хотя Никифоров сказал, что не желал бы расставаться с техникой, Мелкишев подытожил:

— Вы и не будете расставаться. Эти знания очень помогут в оперативной работе.

Как в воду смотрел начальник управления. Так и получилось. Слияние технических знаний и оперативного опыта сделают из Александра Никифорова очень ценного специалиста, по-своему уникального, который внесет неопределимый вклад в развитие нашей военной разведки.

В 1951 году его кандидатуру предложат назначить в военный атташат Советского Союза в Великобритании. Англичане будут думать почти год и откажут во въезде в страну. Почему? До сих пор неизвестно, отчего его так невзлюбили британцы. Зато американцы согласились принять, и в 1952 году подполковник Александр Никифоров убыл в США на должность помощника военного атташе. Вскоре, правда, американцы пожалеют о своем решении. Но это будет потом.

Секретное оружие «топтунов»

Итак, 1952 год. Прошло семь лет со времени окончания Второй мировой войны. О том, что СССР и США были союзниками в той самой страшной войне XX века, на Североамериканском континенте стараются скорее забыть.

В 1946 году в Фултоне премьер-министр Великобритании, по сути, дал отмашку на развязывание «холодной войны», в 1949-м — создан агрессивный блок НАТО, направленный своим острием против СССР и его союзников, в 1953-м США начали боевые действия в Корее.

В Америке развернута широкая антисоветская пропаганда, осложнилась агентурная обстановка. Ограничено передвижение советских граждан по территории США, за сотрудниками дипломатических и торговых представительств усилилось наружное наблюдение. Под плотную опеку контрразведки попали работники аппаратов военных атташе.

Провокации стали постоянными спутниками деятельности американских контрразведчиков. Если не получалось «насолить» по-крупному, делали мелкие пакости: засыпали сахарный песок в бензобаки автомобилей, в магазинах подбрасывали в товарные корзины различные вещи, чтобы потом организовать шумное разбирательство и обвинить в воровстве. Нередко устраивали необоснованные задержания граждан СССР при покупке общедоступных товаров: книг, справочной литературы, топокарт, аэрофотоснимков.

Особенно тщательно готовились и подставлялись провокаторы. Сотрудникам совпредставительств нагло предлагали стать невозвращенцами в Советский Союз, а если получали отказ, представители американских спецслужб прибегали к запугиванию, шантажу, давлению.

Такому же моральному давлению подвергались и американские граждане. Несмотря на широковещательные заявления о свободе и демократии, американцы были запуганы массированными рассказами средств массовой информации и видели в каждом советском человеке «шпиона» и врага США.

«При первом знакомстве, естественно, человек спрашивает: “Кто вы? Откуда?” — рассказывал Александр Никифоров. — Зная напряженную обстановку в стране, поначалу пытаешься уйти от вопроса, отвечаешь, мол, из Европы. Не проходит. Чаще всего приходится конкретизировать. Говорить, что ты “советский”, нельзя. Учитывая, что русских из Европы

там немало, представляешься: “Рашен”. И человека словно кипятком ошпаривает. Пот на лбу выступает, невольно по сторонам озирается. Ну еще бы, к шпиону попал».

В таких условиях и приходилось работать. Если выразиться официальным языком — в начале 50-х годов в США складывалась тяжелая агентурная обстановка.

Что означала она для разведчиков? С одной стороны, антисоветская риторика американских политиков, враждебная деятельность спецслужб требовала активизации усилий, расширения круга доверительных лиц, добывания ценной информации, с другой — разведработа в таких сложных условиях требовала умения сочетать повышение активности разведдеятельности с максимальной осторожностью, умением легендироваться, не допускать ошибок. Ибо даже малые ошибки и просчеты никто не собирался прощать. Это означало, что каждое агентурное мероприятие должно было готовиться самым тщательным образом, с учетом детального изучения оперативной обстановки.

Однако подобная атмосфера холодной войны не была новостью, чем-то неожиданным для военных разведчиков, работавших в этот период в США. Начиная с 1945 года, она постепенно ужесточалась, как говорили в атташате, «подмерзала», улучшения ее не предвиделось, и потому принималась, как данность, как, к примеру, плохая погода. Однако и в плохую погоду надо работать, делать свое дело. И все бы ничего, но в последнее время как-то странно повела себя «наружка». Такое впечатление, будто агентов-«топтунов» (как называют порой сотрудников службы наружного наблюдения), стало как минимум вдвое больше. Они появлялись внезапно, как черти из табакерки, в самых разных точках. Хотя на маршрутах движения к этим точкам все было, как обычно, ничего подозрительного не происходило.

Поначалу доклады оперативников руководители резидентуры воспринимали с улыбкой, мол, что для солдата самое неприятное на поле боя? Неприятель. Так и для оперативного офицера — наружное наблюдение. Стало быть, в этот раз «топтуны» вас обыграли.

Однако вскоре подобные доклады стали поступать постоянно, и руководству было уже не до улыбок. Всем стало ясно: резко возросшая оперативность и мастерство американской «наружки» на чем-то основывалось. Кто-то или что-то помогали им в работе. Словом, контрразведка придумала, изобрела нечто новое, и это «нечто» значительно повысило эффективность их деятельности.

Перед военными разведчиками встала серьезная задача. Возможно,

самая серьезная и важная за последние десятилетия — разгадать этот секрет, понять, что за оружие в руках «топтунов». Иначе их работа будет сводиться на нет эффективными действиями американских спецслужб.

Ломали голову все — от рядового оперативника до резидента. В ходе анализа выяснилось, что в контрразведке произошли большие, а возможно, и кардинальные изменения в управлении ее силами и средствами. Но какие? Чтобы ответить на этот вопрос, следовало изучить, выявить все новое, что позволило американцам сделать такой качественный скачок.

Вашингтонская резидентура вплотную занялась этой проблемой. Вместе со своими товарищами ответ на волнующий всех вопрос искал и помощник военного атташе подполковник Александр Никифоров. Теперь он был оперативным работником, однако всю свою предыдущую службу, а это ни много, ни мало — 15 лет, Александр Никифорович посвятил связи. Ну разве что в последние несколько лет, во время обучения в академии, потом на высших академических курсах, занимался другими проблемами, но и там спецрадиосвязь, как первую любовь, не забывал. Потому мысли его и были обращены к техническим средствам. Если другие сотрудники резидентуры искали разгадку в оперативных приемах, то Никифорову казалось, что «собака зарыта» не здесь. Скорее всего, американцы усилили транспортную составляющую службы наружного наблюдения, а это невозможно сделать без совершенствования технических средств связи. Но это была лишь гипотеза.

Однако Александр Никифорович чувствовал, что он на правильном пути. В декабре 1952 года в Вашингтоне, в гостинице «Статлер», проходила конференция американского института радиоинженеров. Прежде подобные мероприятия не очень интересовали нашу разведку. Посещали оперативники, конечно, подобные конференции, собирали рекламные буклеты. На этом, собственно, работа и заканчивалась.

Но Никифоров пришел туда не как простой оперативник — походить, поглазеть, собрать рекламки. Задача стояла конкретная — определить диапазоны частот, используемых различными службами США. Он был уверен, что где-то среди множества переговоров врачей скорой помощи, такси, противопожарной охраны, полиции в эфире работают и радиостанции спецслужб и, в первую очередь, «наружки». Но где, на каких частотах, под какими кодами, псевдонимами скрываются «заклятые друзья» советских разведчиков?

Александр Никифорович понимал: кроме него, в этом хитросплетении разобраться некому. И тут не было никакой бравады, просто в резидентуре, среди оперативных работников он оказался единственным инженером-

связистом такого класса. А ведь оказался, почитай, случайно. Не обрати на него внимание Мелкишев, не подтолкни к переходу в оперативное управление, и сегодня сотрудники резидентуры безуспешно искали бы ответ на злосчастный вопрос — что придумали американцы.

Хотя, судя по всему, радоваться рано. Он тоже пока не нашел ответ. Однако нашел другое — диапазон частот. Потом при прослушивании Никифоров засек какие-то радиопереговоры с использованием сокращений, кличек, жаргонных выражений. Возможно, это и «наружка», а возможно, и нет. Как говорят, «бабушка надвое сказала». А пока это лишь слова в эфире. Да, они носили сугубо конфиденциальный характер, но ничто не указывало на язык «топтунов». Впрочем, тогда, в начале 50-х, мы и языка-то такого не знали. Были слепые, как котята. Но твердо приняли решение прозреть. Однако, как говорят в народе, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Для такой работы требовалась тяжелая, кропотливая, каждодневная вахта. Важность ее, безусловно, понимали в резидентуре. Но одного понимания оказалось мало. Чтобы осуществить такое, разведчик должен хорошо знать английский язык, ориентироваться в городе, иметь определенный навык оперативной работы, уметь обращаться с радиоаппаратурой, а лучше — работать в эфире.

Но, как показала дальнейшая практика, даже при этих навыках разведчик вряд ли сможет успешно действовать, если не знает методы работы контрразведки, не в состоянии правильно оценить обстановку и поведение «наружки».

Конечно, сразу таких подготовленных людей трудно было найти. Каждый из них обладал определенными знаниями, опытом, в чем-то разбирался хуже или лучше своего товарища, но это не остановило сотрудников вашингтонской резидентуры. Учились, как говорят у военных, на марше. И вскоре у подполковника Александра Никифорова было достаточно умелых помощников. Им-то и удалось раскрыть операцию американских спецслужб по внедрению радиомаяков в автомобили оперативных работников резидентуры.

Это теперь любой мальчишка, начитавшийся шпионских романов и наглядевший голливудских кинофильмов, расскажет вам в цветах и красках, куда и как монтируются радиомаяки. А тогда, в 50-е годы, так называемые миниатюрные радиопередатчики были новым словом в науке. Американцы быстро взяли их на вооружение.

А обнаружил-то эти тональные сигналы Александр Никифоров со своими помощниками. Сигналы вели себя как-то странно: сначала их слышимость была вполне удовлетворительной, потом со временем

становилась слабее, в дальнейшем и вовсе пропадала. Но случалось и наоборот.

Следовало выяснить происхождение этих сигналов. В резидентуре, по предложению Никифорова, было разработано и проведено несколько спецопераций. Офицеры разведки выезжали по разным маршрутам и выполняли заранее оговоренные маневры. В результате удалось установить: американская служба наружного наблюдения сумела вмонтировать в автомобили наших оперативных работников радиомаяки. Отсюда и эффективность обнаружения автомашин нашей разведки.

Маяки умело и скрытно размещались в различных местах автомобилей: под сиденьем, за приборной панелью, в багажнике, за обшивкой салона, под бензобаком. Электропитание этих миниатюрных передатчиков осуществлялось от аккумуляторных батарей самого авто. Включалось зажигание, и начинал свою работу маячок. Просто и гениально.

А поскольку сотрудникам резидентуры приходилось на ночь парковать свои машины на улице, стоянках, агентам наружного наблюдения не составляло труда установить такие нужные в их работе маячки. Делали они это и на автосервисах, куда советские разведчики доставляли свои автомашины для техосмотра и ремонта. «Применение радиомаяков американцами, — рассказывал мне Александр Никифорович Никифоров, — значительно затрудняло советской разведке выполнение задач в США. Особенно трудно было обнаружить за собой наблюдение. Наш сотрудник, совершая вынужденные поездки по прямым вашингтонским улицам, порою не мог определить не только количество автомашин, ведущих за ним слежку, но даже установить сам факт слежки».

Но тайна маячков была раскрыта. Никифоров и его помощники со всеми мерами предосторожности в гараже военного атташе снимали маяки, осматривали их, фотографировали и возвращали назад.

Теперь у них было оружие противодействия. А поскольку американская «наружка» часто подключала радиомаяк к электропитанию автомашины через плавкий предохранитель, в нужный момент (к примеру, во время проведения операции) наши разведчики заменяли этот предохранитель на неисправный. После проведения операции прежний предохранитель возвращался назад. Если же сделать это по каким-то причинам не удавалось, неисправный предохранитель оставался на своем месте. Со временем американцы сами его заменяли. Что поделаешь, перегорел.

Мы уже упоминали, что американские спецслужбы были большими

мастерами по устройству провокаций, шантажа. Этот случай достаточно известен в кругах военных разведчиков старшего поколения, однако с ним не знаком наш читатель. А он, кстати говоря, очень красноречиво повествует, какими «демократическими методами» действовали американцы.

Но рассказываю я об этом только потому, что Александр Никифоров оказался непосредственно причастен к спасению нашего офицера.

А иначе как спасением эту историю и не назовешь. Дело обстояло так. Американские спецслужбы разработали коварную спецоперацию. В основе ее лежало жгучее желание склонить помощника военно-морского атташе Советского Союза в США И. Амосова к предательству. Они использовали сложную ситуацию, сложившуюся в семье офицера. Жена Амосова была беременна. Протекала беременность тяжело, положение ребенка в утробе матери вызывало опасение медиков, словом, женщина нуждалась в медицинской помощи в стационаре.

Об этом пронюхала американская контрразведка. Агенты вели себя нагло и бесцеремонно. Амосов был взят под плотное и жесткое наблюдение, «контрики» делали ему предложения предать Родину, не возвращаться в Советский Союз. Однако офицер отвергал домогательства. И тогда американцы перешли к прямым угрозам. Агент спецслужб заявил Амосову: «У вас два варианта — если останетесь в США, будете иметь счастливую семью: жену и ребенка, если откажетесь — потеряете и жену, и ребенка».

Но запугать разведчика не удалось. «Не тратьте время, господа, ваши надежды никогда не сбудутся!» — ответил тогда Амосов.

Разумеется, все, что происходило с нашим офицером, было под постоянным контролем резидентуры, докладывалось послу и непосредственно в Москву. Семья Амосова переехала в другой дом, где проживало несколько семей советских сотрудников. У жены дежурил врач посольства, сам офицер находился под охраной офицеров резидентуры.

В спецоперации по противодействию американской контрразведке по спасению Амосова и его семьи принял участие и подполковник Александр Никифоров. У него были свои методы, и они оказались весьма эффективными. С его помощью стали известны многие грязные планы и намерения американцев.

Комплекс мероприятий, проведенный нашей вашингтонской резидентурой, дал возможность сорвать замысел американских спецслужб, а Амосову благополучно возвратиться на Родину.

Что ж, причастностью к такой победе можно гордиться. Однако у

подполковника Никифорова были и другие победы. Как-то обобщив сведения, полученные от своих источников, Александр Никифорович послал в Центр доклад, поскольку в его обязанности входило изучение численности и боевого состава Вооруженных сил США.

Сразу же после получения доклада его срочно вызвали в Москву. Из-за океана добираться не ближний свет, но тем не менее руководство решило разобраться с помощником военного атташе. Оказалось, его доклад сильно разнится с докладом управления информации ГРУ. Генерал, пригласивший его на беседу, долго расспрашивал, откуда такие данные, а потом резюмировал:

— Так что, Никифоров, ты настаиваешь на своих цифрах, выводах? Уверен в них?

— Уверен, потому и настаиваю...

Генерал хмыкнул:

— А кто партбилет на стол выложит? Ты или я?

...Никифоров вернулся в США. Он не знает, выложил ли свой партбилет генерал, скорее всего, нет. Но в отставку вскоре ушел. А подполковник продолжал служить. Правда, служить ему в Америке оставалось недолго. Слишком много хлопот доставлял он американцам: то наладит отношения с генералом из оперативного управления Пентагона, то познакомится с личным врачом президента Эйзенхауэра. Пусть к тому времени в Белом доме сидел другой президент, и врач у него был другой, да и каких-то дурных намерений от этого знакомства они не заметили, тем не менее активность подполковника Никифорова утомляла контрразведку. И тогда они устроили изощренную ловушку помощнику военного атташе. Когда тот уехал в поездку, разумеется, с разрешения властей и под присмотром контрразведки, американцы объявили его персоной нон грата. Однако Никифорову об этом не сообщили. Наверное, решили посмотреть на поведение во время поездки, теперь ведь, лишённого дипломатического статуса, его могли ненароком побить, искалечить, оскорбить.

А он добирался из Аризоны в Неваду, Калифорнию, потом в Колорадо. Конечно же, эта поездка — не прогулка по Америке, а разведздание. И, несмотря на плотную опеку контрразведки, он его выполнил. Когда возвратился — обрадовали: он объявлен персоной нон грата. Ну что ж, собрал чемоданы и гуд бай, Америка.

В декабре 1955 года Никифоров уже был в Москве. Мог остаться в управлении, вернуться в родную службу спецрадиосвязи, но его попросили поработать в Военно-дипломатической академии. Посчитали, что опыт, который он приобрел в США, будет полезен молодым слушателям. Дали

ему англо-американскую группу, преподавал он самый важный предмет — агентурную работу.

Пять лет отдал Александр Никифорович Никифоров преподавательской деятельности. Из его учебной группы вышло немало хороших разведчиков, многие обогнали своего учителя в должностях, в званиях, стали генералами.

В 1960 году полковника Никифорова позвал к себе генерал Иван Яковлевич Петров. Он возглавлял службу спецрадиосвязи ГРУ и предложил Александру Никифоровичу должность заместителя. Никифоров согласился.

В центре мирового шпионажа

В 1969 году в Ливане случилась трагедия: пятью выстрелами в упор был расстрелян резидент советской военной разведки полковник Александр Хомяков. Однако, несмотря на тяжелейшие ранения, резиденту чудом удалось выжить. Ливанские врачи сделали все возможное и невозможное, чтобы спасти полковника, а через сутки специальным рейсом он был доставлен в Москву.

Но, как говорят на Руси, пришла беда, открывай ворота. В это же время у нашего военного атташе в Ливане полковника Ивана Пупышева заболела супруга, и он срочно убыл на Родину.

Советская военная разведка в этой стране, по сути, оказалась обезглавленной.

Человеку стороннему, не сведущему в делах разведсообщества, возможно, покажется странным столь пристальное внимание нашей разведки к этой маленькой стране. Все население Ливана в ту пору составляло около 2,5 миллионов человек. По сути, это один город Киев — столица Украины. Казалось бы, о чем тут говорить. Для огромного Советского Союза и его мощной разведки совсем не те масштабы. Оказывается, все обстояло иначе.

Агент ГРУ швед Стиг Берлинг (по некоторым источникам — Берглинг) в интервью одной из российских газет так охарактеризовал обстановку в Ливане: «Если бы вы видели Бейрут (столица Ливана) начала 70-х! Это был центр мирового шпионажа. Островок относительного мира в центре арабо-израильского конфликта. Каждая уважающая себя разведка держала там свою резидентуру, бары были полны шпионов. Самым престижным считался бар при гостинице “Сент-Джордж”. Обычных людей там не было — одни шпионы. Новичка наперебой угощали, стараясь выяснить, чем он может быть полезен и на кого работает. Все продавалось и покупалось».

Думается, Стиг Берлинг, который провел на Ближнем Востоке не один месяц своей службы, весьма точно охарактеризовал разведобстановку в Ливане. Да, действительно, там сошлись интересы разведок ведущих стран мира. Очень сильные позиции были у американцев. Как всегда, им противостояли советские разведчики.

Полковник Александр Никифоров в одной из наших бесед сказал: «С точки зрения разведки, Ливан — это трамплин в любую страну. Ливан располагается на пересечении путей из Европы в Азию и в Африку, из

Америки — в остальной мир. Отсюда идет постоянный транзит по морю, по воздуху. Там и развернулась наша «битва с американцами»».

Остается добавить к словам Александра Никифорова, что резидент ГРУ Хомяков едва не погиб в этой «битве». Теперь его предстояло срочно кем-то заменить. Но кем? Ведь освободилось и место военного атташе. Это означало, что офицер, который приедет в Бейрут, должен стать и военным атташе, и резидентом ГРУ одновременно.

И им стал полковник Александр Никифоров. Девять лет прошло с тех пор, как он перевелся из академии в службу спецрадиосвязи. Теперь полковник вновь возвращался на оперативную работу.

Американцы не забыли его. К их большому неудовольствию, энергичный, хитроумный, опытный разведчик «Норман» (такой псевдоним присвоили Никифорову американцы еще во время его пребывания в США) вдруг неожиданно «всплыл» в Ливане. Подняв архивные документы контрразведки, они поняли: перед ними опасный противник. Неспроста четырнадцать лет назад «Нормана» объявили в Штатах персоной нон грата и постарались поскорее выпроводить из страны.

В свою очередь и полковник Никифоров, трезво оценивая обстановку, осознавал — американцы держат в Ливане аппарат разведки, как минимум в несколько раз превышающий его резидентуру. Так, например, только военных атташе США в Бейруте было трое, а он — один. Да и аппарат у него по своему составу был весьма скромным.

Первое, что сделал Никифоров, — пересмотрел штат аппарата военного атташе. Сначала отказался от переводчика (языком он владел вполне успешно) и попросил Центр заменить его оперативным работником. Потом подобную процедуру проделал с водителем. Сообщил в Москву, что управлять машиной будет сам, а на освободившееся место предложил прислать еще одного оперативника. Таким образом, аппарат «прирос» двумя офицерами. А это уже заметная «прибавка в весе».

Многое из того, что сделал в Бейруте полковник Александр Никифоров, раскрыть сегодня, да и в ближайшие годы, вряд ли удастся. Но кое-что рассказать возможно. Например, о том же агенте Стиге Берлинге, которого арестовала израильская разведка Шин Бет. Было это в марте 1979 года, и руководил Берлингом совсем другой офицер ГРУ.

...Стиг спешил в аэропорт. Заказал такси, попросил шофера поторопиться. Он, объяснил таксисту, боялся опоздать встретить свою подружку. Но Стиг лукавил. Торопился он совсем не на свидание. В кармане у Берлинга лежал билет на самолет, улетающий в Копенгаген.

Шесть лет прошло с тем пор, как он начал работать на русскую

разведку. В Париже Стига предупредили, чтобы не ездил в Израиль. Он не прислушался к совету. И вот теперь Берлинг надеялся как можно скорее исчезнуть из этой страны.

Но все пошло не так: водитель такси почему-то остановил машину у зала вылета, хотя Стиг ясно сказал, что спешит встретить прилетающую подружку. Потом он собрался позвонить в Стокгольм, но ему заявили, что международной связи нет. Неожиданно вспомнились начищенные до блеска ботинки таксиста. Такой блестящей обуви Стиг не мог припомнить у местных таксистов.

Берлинг не на шутку разволновался. Поспешил зарегистрировать билет и не мешкая прошел к стойке паспортного контроля. Улыбающаяся женщина-полицейский полистала его паспорт и попросила пройти с ней: мол, есть какие-то вопросы по оформлению документа. Она провела Стига коридорами аэропорта, остановилась у одной из дверей, постучала. Ей открыли. Берлинг вошел в комнату.

На стульях сидели трое мужчин. Один из них предложил Стигу присесть и пододвинул рюмку водки. Берлинг сказал, что с утра не пьет. Тогда другой мужчина с усмешкой спросил: «Разве в Советском Союзе не пьют так рано?»

Наконец, один из троих, видимо старший, сказал, что они сотрудники израильской контрразведки Шин Бет, и им все известно. Стиг молчал. Тогда старший уточнил: они знают, что господин Берлинг является агентом советской военной разведки и ведет работу против Израиля. Далее ему предложили продолжить беседу в номере отеля, если он согласится сотрудничать с Шин Бет, или в камере тюрьмы, в случае отказа. Стиг, недолго думая, выбрал отель. Старший из контрразведчиков наполнил рюмки водкой. На этого раз Берлинг не отказался.

Водка обожгла ему гортань, и Стиг вдруг вспомнил предупреждение Алекса о том, что на Ближнем Востоке шпионы нередко исчезают бесследно. Он даже представил свое безжизненное тело в контейнере для мусора...

Однако Стиг Берлинг не исчез бесследно. Более того, когда дело его получило широкую огласку, он стал одним из самых известных людей в Швеции. О нем много писали, говорили, спорили, называли «самым крупным и опасным шпионом» в истории страны.

Дело другого советского агента, полковника Веннерстрема, к тому времени уже порядком забылось, и журналисты «ухватились» за Стига. Надо признать, что к таким заявлениям прессу подталкивал и приговор, который был крайне суров, если не сказать — жесток. Суд приговорил

советского агента к пожизненному заключению.

Так кем же он был на самом деле, Стиг Берлинг, — крупнейшим и опаснейшим шпионом во всей истории Швеции или, наоборот, как считали некоторые, авантюристом и болтуном, бахвальство которого и привело к пожизненному заключению, а то и вовсе жертвой заговора в шведской контрразведке (СЭПО), как писала газета «Дагенс Нюхетер».

Однако чтобы ответить на этот вопрос, следует прояснить ситуацию: почему, рассказывая о военном разведчике Александре Никифорове, мы вспомнили вдруг об агенте Стиге Берлинге? Оказывается, не вдруг. Тот самый «крупный и опасный шпион» как раз и был завербован полковником Никифоровым. Алекс, о предостережении которого во время ареста вспоминает Стиг, есть не кто иной, как резидент ГРУ в Ливане.

А теперь все по порядку.

...В мае 1996 года Стиг Берлинг написал свое пятое письмо на имя премьер-министра Швеции Иерана Перссона. Он отсидел в тюрьме уже более 10 лет и просил о помиловании. В этом послании Берлинг сравнивал свою шпионскую деятельность на военную разведку Советского Союза с работой Стига Веннерстрема. Разумеется, как всякий провалившийся агент, да еще отбывающий срок в тюрьме, он очень скромничал, доказывая, что возможностей по добыванию секретной информации не имел и потому вреда родной стране особо не нанес. Зато в сторону Веннерстрема кивал, доказывая, что тот сделал намного больше.

Никто не спорит — полковник Стиг Веннерстрем агентом был ценным и должности в Вооруженных силах Швеции занимал немалые. Он служил военно-воздушным атташе в Москве, потом в Вашингтоне, работал консультантом по вопросам разоружения в МИДе. Действительно, материалы и документы, которые он передавал в ГРУ, носили секретный и совершенно секретный характер и оценивались очень высоко. Следует согласиться, что и возможности у Веннерстрема были достаточно широкие.

А что же Стиг Берлинг? Неужто шведское правосудие допустило такую трагическую ошибку и приговорило к пожизненному заключению почти невинного человека? И по какому поводу неистовствовала пресса, пытаясь лепить из «пустышки» крупнейшего в истории страны шпиона?

Выходит, зря корпел над своей книгой «Враг врага» писатель Я. Гиллоу, выписывая характер главного героя Сандстрема — рубахи-парня, выпивохи, охотника за женщинами, в котором так угадывался Стиг Берлинг.

Нет, все обстояло, конечно же, иначе. Шведское правосудие не ошиблось, и пресса была недалеко от истины. Стиг Берлинг работал на

советскую военную разведку и работал весьма эффективно. Да, он не занимал крупных государственных постов, и его служебный рост ограничился всего лишь званием капитана. Но, как говорят в разведке, не надо вербовать министра, достаточно, чтобы на нас работал скромный шифровальщик министерства.

Достаточно сказать, что в армии Стиг служил в полку береговой артиллерии, а через несколько лет, уже работая в полиции, поступил в элитный вуз — военно-морское училище в Нэсбю.

«Впервые в истории полицейский, — напишет позже о себе Берлинг, — стал слушателем престижного вуза, победив в большом конкурсе других кандидатов». Правда, после окончания училища ему не нашлось должности в армии, но образование Стиг получил основательное.

Потом в течение последующих лет он постоянно будет возвращаться в армию — проходить стажировку в 10-м танковом полку, учиться на курсах офицеров резерва, где проходил подготовку по разведке и безопасности в высшей военной школе в Стокгольме.

В 1971–1972 годах Стиг Берлинг работает в штабе обороны Вооруженных сил Швеции. Если его должность в полиции называлась всего лишь «криминальный ассистент», то теперь он был «первым чиновником». Да еще каким чиновником! Стиг трудился в отделе безопасности.

Это что касается армии. В полиции Берлинг тоже прошел немалый путь и обрел солидный опыт. Начав с рядового полицейского на участке Естермальм в Стокгольме, Стиг учился в высшей полицейской школе, служил в Главном полицейском управлении в отделе пикетов, в международном отделе, в паспортном контроле, в охране аэропорта. Так что и полицейскую службу он знал неплохо.

Не чурался он и отношений со спецслужбами. Еще в 1968 году, перед отъездом на Кипр в состав шведского батальона ООН, от сотрудников СЭПО он получил задачу: информировать их о незаконной деятельности шведского персонала войск ООН. И Стиг делал это добросовестно.

А по возвращении на Родину без особых проволочек он был зачислен непосредственно в штат СЭПО, в отдел контрразведки, который, кстати говоря, работал против СССР. В обязанности Берлинга входила слежка за сотрудниками советских диппредставительств в Стокгольме.

После очередной командировки он вновь в январе 1974 года возвратится в СЭПО.

Так что можно с уверенностью констатировать: Стиг Берлинг отлично изучил и работу шведской контрразведки.

И наконец, его деятельность за рубежом. В 1968 году служил в войсках ООН на Кипре в звании лейтенанта. В 1969–1970 годах — шеф военной полиции шведского ООНовского батальона, в 1972–1973 годах Берлинг — военный наблюдатель на Ближнем Востоке, уже капитан, следующий 1974 год он проводит тоже на Ближнем Востоке, заключив контракт с транспортной службой ООН. Таким образом, Стиг Берлинг за время своих командировок прекрасно изучил Ближний Восток, Кипр, посетил другие страны, такие как Эфиопия, Танзания, Кения.

Возникает естественный вопрос: какая же разведка не обратит внимание на человека с таким жизненным и профессиональным опытом? Кстати говоря, советские военные разведчики были не первыми, кто привлек Берлинга к работе.

Еще в 1968 году, в свою первую командировку на Кипр он познакомился с военным атташе США полковником Гильдерсливом, и даже просил его содействия в поступлении на службу в армию США. Однако из этого ничего не получилось.

В 1969–1970 годах, опять же на Кипре, будучи шефом военной полиции шведского батальона ООН, он поддерживал тесные контакты с западными разведслужбами, особенно с английскими СИС и МИ-6. Выполнил их задание, совершая морское путешествие на советском туристическом лайнере «Украина». Следил за британским военнослужащим.

Однако по-настоящему завербовать Стига Берлинга удалось советским разведчикам и, в частности, полковнику Александру Никифорову.

В своих воспоминаниях Берлинг пишет: «Здесь все продавалось и покупалось, от ковров до орудий и ракет. Разведслужбы различных стран имели в Бейруте свои резидентуры, а разведчики действовали как с легальных, так и с нелегальных позиций. Этому способствовало то, что ливанская служба безопасности практически не чинила им препятствий.

Некоторые разведслужбы пытались открыто вербовать офицеров войск ООН, так как именно они имели право неограниченного передвижения в регионе и посещения различных военных и закрытых объектов и территорий. Прежде всего, этим занимались американцы.

Примечательно, что американские офицеры-наблюдатели не имели разрешения на посещение территории Сирии, а советские наблюдатели ООН, находившиеся в Сирии и Египте, не могли посещать Ливан и Израиль».

Далее Стиг Берлинг рассказывает, как он сам, инициативно, обратился к советским дипломатам и предложил свои услуги.

«В период службы в Бейруте, — рассказывает Берлинг, — я неоднократно слышал, что в советском посольстве работает очень симпатичный и активный военный атташе, который имеет контакты с персоналом ООН. Выяснил его имя — Алекс, узнал, что он был объявлен персоной нон грата в США.

Октябрьская война заканчивалась, и я решил, что имею все основания встретиться с советским военным атташе».

Алекс, как называет его Стиг, или Александр Никифоров трактует те события несколько по-иному.

«Я Берлинга приметил давно. Он общительный, хотя в кругу разных людей нередко говорил такое, что ему, как офицеру ООН, говорить не положено. Это нацелило меня на него. Как-то на приеме подошел к нему, предложил встретиться, поговорить. Он не отказался.

Откровенно говоря, для меня Стиг был очень важен. Он вхож в разные места, как офицер ООН».

Так или иначе, они встретились, и Берлинг начал работать на военную разведку Советского Союза.

Уже вскоре после первой встречи Стиг предложил некоторые документы.

— Они в Бейруте? — спросил Никифоров.

— Нет, в Стокгольме, хранятся в сейфе одного из банков. Но я могу доставить их сюда, если вы заинтересованы, — ответил Берлинг.

— Мы заинтересованы, — подтвердил атташе.

На следующий день Стиг приобрел билет на самолет и вылетел в Стокгольм. Там в банке на улице Эрик Дальбергсгатан забрал из сейфа документы, заехал на квартиру и вскоре отправился обратно в аэропорт Арланда. Через Копенгаген, Амстердам и Будапешт возвратился в Бейрут. И тут узнал, что как раз в тот день, когда он находился в Стокгольме, умер его отец. Но возможности лететь обратно в Стокгольм уже не было.

Документы он передал Никифорову.

Через неделю состоялась их новая встреча на квартире Алекса. Стиг познакомился с женой атташе — Татьяной. Никифоров сказал, что Москва довольна полученными материалами и надеется на дальнейшее сотрудничество. Затем вручил Стигу 8 тысяч ливанских фунтов, что соответствовало 18 тысячам шведских крон.

Позже Берлинг напишет, вспоминая эту встречу:

«Моя тайная жизнь началась. Теперь я стал настоящим шпионом».

«Я всегда за твоей спиной»...

...1973 год подходил к завершению. Заканчивалась командировка Стига на Ближнем Востоке. Вскоре ему предстояло убыть на Родину. Но для Александра Никифорова Берлинг необходим был в Бейруте. В ноябре они встречались несколько раз, обсуждали перспективы сотрудничества. Выход был найден. Договорились, что Стиг возвращается в Швецию, оформляет отпуск, подает заявление в Женеву с просьбой на работу по линии ООН.

Так он и сделал. В начале января нового 1974 года Стиг вышел на службу в СЭПО, а уже 22 января выехал на машине обратно в Бейрут.

Через неделю Берлинг позвонил Никифорову. Они встретились. Александр был рад возвращению агента. «Однако время шло, — скажет потом Стиг, — а ответа из Женевы не было. За время вынужденного бездействия мы сблизились с Алексом. Мы стали действительно друзьями».

Чтобы подтолкнуть контракт с транспортной службой ООН, Берлингу пришлось слетать в Женеву. Проблема разрешилась. Стиг получил дипломатический паспорт ООН и мог беспрепятственно передвигаться по всему Ближнему Востоку. В его обязанности входило сопровождение большегрузных автомашин в Ливан, Иорданию, Израиль.

Теперь Стиг имел широкие возможности для разведработы, и нет сомнения, вместе с полковником Никифоровым они сделали бы многое, но судьба распорядилась по-своему.

Александра Никифоровича и его супругу постиг неожиданный и страшный удар — в Москве при родах умерла их единственная дочь. Ребенка удалось спасти. Предстояло срочно возвратиться домой и заняться внуком. Кстати говоря, Никифоровы воспитали внука как собственного сына, но горечь утраты всю жизнь преследовала их. Как истинный военный, боевой офицер, Александр Никифорович не любил жаловаться, но однажды с горечью признался: «Моя жизнь — бесконечные командировки. Помотался по свету порядком. Дочь потерял. Будь я в Москве, а не в далеком Бейруте, все было бы по-иному».

Возможно и так. Кто знает? Но тогда ему пришлось попрощаться со Стигом и передать агента другому офицеру.

«Алекс сообщил, что завершает свою командировку в Ливане, — напишет в своих воспоминаниях Берлинг. — Для меня это было

неожиданно и тяжело. Инстинктивно я чувствовал, что с новым руководителем будет хуже. На мои комментарии Алекс заметил: “Не беспокойся, Александр Никифоров всегда за твоей спиной”».

Скорее всего, эти слова были сказаны, чтобы успокоить Стига, настроить на перспективную работу. В конце концов, резидент военной разведки в Ливане потратил немало сил на то, чтобы заполучить такого агента. Теперь этот агент должен был хорошо потрудиться, пусть не с ним, под руководством другого разведчика, но во имя и во благо их родного государства.

Вряд ли полковник, покидая Бейрут, рассчитывал когда-нибудь еще встретиться со Стигом Берлингом. В 1979 году Никифорову исполнилось 55 лет, и он уходил в запас. Но слова: «Я всегда за твоей спиной», как ни странно, оказались пророческими.

Стиг Берлинг неплохо поработал, особенно по военным объектам Израиля, таким как военно-воздушные базы, научные учреждения. Например, по секретной лаборатории биологического оружия. «Как-то в туалете на одном дипломатическом приеме, — рассказывает в своем интервью Берлинг, — Сергей Ермолаев (он принял на связь Берлинга у Никифорова. — Авт.) передал мне записку. Там было написано: “Сверхсекретная лаборатория Несс Ziona, ЦРУ, но ведут дела израильтяне. Исследования биологического оружия”.

Мне предлагалось съездить в этот городок и разузнать о лаборатории подробнее. Легче сказать, чем сделать. Но я все же отправился туда. Подъехал к ограде с надписью: “Ness Ziona Research Institute”. Выходит охранник, я представился исследователем из Каролинского института в Стокгольме, сказал, что хотел бы поговорить с кем-нибудь из коллег... Прием глупый, но именно потому, возможно, и сработал.

Охранник попросил подождать в комнате для гостей, позвонил куда-то, ко мне явился ученый, похожий на молодого Эйнштейна. Ему я сообщил, что мой брат работает в Каролинке, хотел бы завязать научные контакты. Эйнштейн жутко заинтересовался. Весь научный мир, связанный с медициной и биологией, знает, что Каролинка выдвигает на Нобелевские премии, и этот парень решил, что такой полезной связью нельзя пренебрегать...

Он притащил целую кипу бумаг. В том числе отчет о годовой деятельности института! Он рассказал, что они экспериментируют с африканскими болезнями.

Когда я привез Сергею документы, он был поражен...»

Стиг Берлинг продолжал работать на военную разведку Советского

Союза и после своего возвращения с Ближнего Востока в конце 1974 года. Тем более, что он опять трудился в шведской контрразведке. И, судя по всему, делал это неплохо. В 1976 году он получает повышение по службе — теперь Стиг начальник группы контрразведки, работающей против СССР. Отныне все доклады, сообщения по этой теме проходят через него.

Вскоре такое сообщение заставило его порядком понервничать. В одном из документов он прочел: «Советский военный атташе в Стокгольме полковник Георгий Федосов планирует перейти на сторону НАТО». Более того, Берлингу и его подчиненным предписывалось не препятствовать выезду советского атташе из столицы.

«А если атташе что-то знает об агенте Берлинге?» — возник закономерный вопрос, и Стига прошиб холодный пот.

Переход Федосова на Запад планировался на 7 мая. Отправлять письменное сообщение не было времени, ехать в ГДР, где находился теперешний его куратор, далеко, да и небезопасно, об обращении в советское посольство в Стокгольме не могло идти и речи.

Стиг решил двинуть в Польшу. Прикинувшись больным, взял билет до города Юстада, затем пересел на паром до Польши. В Варшаву прибыл 6 мая, приехал в советское посольство.

Его приняли. Капитан, помощник военного атташе, сказал, что с ним будет беседовать представитель Центра. Стиг обо всем рассказал этому представителю, показал копию телеграммы, которую привез с собой из СЭПО.

...По возвращении в Швецию Берлинг узнал, что советского военного атташе неожиданно арестовали, и на ближайшем самолете «Аэрофлота» он был отправлен в Советский Союз.

До марта 1979 года, когда Берлинг окажется в руках агентов Шин Бет, остается еще три года. Стиг успеет поработать в СЭПО, послужить сменным начальником полиции в аэропорту «Арланда», пройти курсы военной полиции в Дании, и уезжает в штаб-квартиру ООН в Египте. Будучи начальником военной полиции, он вновь обретает право свободного передвижения. Посещает Иерусалим, Бейрут, провозит контрабандой золото. В это время он замечает за собой «хвост». После окончания командировки в Египте уже в Европе, в Брюсселе, снова «вскрывает» слежку. Его очередная подружка Тамар Голан, израильская журналистка, признается: ее допрашивали в Моссаде, интересовались их отношениями. Она советует Стигу не ездить в Израиль.

Далее события развивались так: допросы в израильских спецслужбах, возвращение в Швецию, суд, пожизненное заключение.

Первые три года Берлинг провел в камере-одиночке, как особо опасный преступник. У него начались психические расстройства, он неоднократно лежал в тюремном лазарете, лечился в психбольнице, протестовал против такого жестокого содержания, объявлял голодовку, но его упорно держали в одиночке. Такой режим содержания предписывала его бывшая «контора» — СЭПО. Она же строго следила за исполнением этого режима.

Только через пять лет, в 1984 году, он был переведен на содержание общего режима, получил возможность общаться с заключенными тюрьмы в г. Норрчёнинг. На следующий год Стига стали отпускать из тюрьмы на свидания с матерью. Однако при этом контрразведка всегда очень пристально следила за его передвижениями.

В 1986 году Берлинг стал планировать побег в Советский Союз.

Когда-то один из его руководителей заверил Стига, что ГРУ никогда не бросает своих агентов. Что ж, теперь Берлинг решил проверить правдивость этого заявления. Он не знал, где находится его первый резидент Алекс, чем занимается, но верил: Никифоров всегда за его спиной.

Побег Стиг планировал совершить во время суточного увольнения либо из квартиры матери, либо из дома своей нынешней подружки Элизабет. К лету 1987 года он уже подумал маршрут побега через Финляндию. Был еще один вариант — через Данию, ГДР, но Берлинг отказался от него. В этих странах существовал более строгий паспортный контроль.

Во время своих увольнений из тюрьмы Стиг хорошо изучил особенности наружного наблюдения у дома Элизабет. Можно считать, ему повезло: стационарных постов Берлинг не обнаружил. Это означало, что до момента обнаружения побега у него будет около 12 часов. Неплохая фора.

В это время он подает второе прошение о помиловании, но получает отказ. Такой ответ шведских властей окончательно утвердил его в правильности выбранного решения.

Вместе с Элизабет начали активную подготовку к побегу. Она приобрела контактные линзы, парик, скромную, неброскую одежду, коротковолновый приемник, арендовала три машины — «Форд-Эскорт», «Опель-Аскания», «Вольво-344».

5 октября Стиг получил увольнение. Его сопровождал надзиратель тюрьмы Янне Естер. Они добрались на такси до железнодорожной станции, потом на поезде от Норрчёнинга до Стокгольма. Остановились в гостинице «Англаис».

Берлинг сразу же определил слежку: две машины столичного отдела СЭПО заняли место на стоянке у главного входа в отель.

Из гостиницы Стиг отправился в сопровождении надзирателя на квартиру Элизабет. Потом надзиратель уехал, но к вечеру возвратился, чтобы сопровождать Стига и его подружку на ужин в ресторан. По дороге Берлинг заметил машины СЭПО.

После ужина они возвратились домой к Элизабет. В 23 часа Естер уехал. Следующая встреча была намечена на 13 часов завтрашнего дня. Сам Берлинг без надзирателя покинуть квартиру не имел права.

Около часа ночи 6 октября переодетая, в парике Элизабет покинула квартиру. Она вышла из подъезда и двинулась к автомобилю «Вольво», который был припаркован в двух километрах от дома. Стиг наблюдал за ней. Ничего настораживающего не произошло, и тогда через 15 минут он спустился в гараж под домом и направился к выездным воротам, выходящим на другую сторону здания.

Выждав несколько минут, выбежал, замер у кустов. И вовремя. Совсем рядом стояли трое агентов контрразведки. Они обсуждали, почему Стиг не ложится спать. Берлинг забыл выключить на кухне свет.

Вскоре агенты ушли, и он продолжил путь. Элизабет ждала его в машине. Стиг издали осмотрелся, хотел было двинуться, но вдруг заметил машину СЭПО. Автомобиль остановился невдалеке от «Вольво», контрразведчики включили фары, но Элизабет сделала вид, что смотрит на подъезд соседнего дома, курит, ждет кого-то. Машина с контрразведчиками уехала, Стиг вышел из кустов и прошел рядом с автомобилем Элизабет не останавливаясь. Это был заранее оговоренный сигнал: машина «засвечена», встречаемся у другого авто — «Опель-Аскания».

Вскоре он добрался до места парковки «Опеля», Элизабет ждала его уже за рулем автомашины. Они двинулись в сторону Грисслехамна, что примерно в ста километрах от Стокгольма. Оттуда утром уходил паром на Аландские острова.

Прибыв на Аланды, приехали в советское консульство. Здесь их встретил молодой дипломат, который очень разволновался, услышав, что Стиг — агент ГРУ и просит политическое убежище в СССР.

Вскоре из Хельсинки прибыл советский генконсул. Стиг вместе с Элизабет на пароме «Викинг Лайн» переправились в Новендаль, оттуда в Хельсинки. По дороге они услышали сообщение о своем побеге.

Их разместили в советском торгпредстве, и, пока повар готовил обед, накрывали на стол, Стиг рассказал помощнику военного атташе обстоятельства своего побега. По телевизору в это время тоже сообщали о

побеге «крупнейшего шпиона» и говорили, что полиция оцепила район Юрхольм, обнаружила машину «Вольво», а стало быть, поимка Стига Берлинга — дело времени.

В последующие дни по телевидению, радио Стиг и Элизабет слушали, как полицейские чины рассказывали об успехах в их поимке. Тиражи шведских газет сильно выросли за одни сутки. Теперь они только и делали, что писали о государственном преступнике, шпионе и враге Швеции номер один Стиге Берлинге. «Его нужно взять живым или мертвым», — заявил один из полицейских чиновников.

Четыре дня находились они в посольстве. Перед отъездом Элизабет вручили советский дипломатический паспорт, на Стига документы не готовились, его собирались вывезти в багажнике автомобиля.

Операция началась. Посольские машины стали выезжать и въезжать с повышенной частотой. «Хонда», в которой сидел водитель, военный атташе с супругой и Элизабет, также выехала в этом потоке машин. Стиг расположился в багажнике. В его распоряжение предоставили подушку и одеяло. Так что ему было вполне комфортно.

Через некоторое время, уже за городом, Стиг пересел в салон. За пять километров до границы он вновь занял место в багажнике. Пограничный контроль прошли быстро и спокойно. Уже на советской территории автомобиль остановился, военный атташе открыл багажник и молча вытащил портфель. Стиг похолодел. «Сейчас убьют», — подумал он.

Но полковник с легким поклоном вынул из портфеля бутылку водки, разложил на капоте закуску.

Холодной октябрьской ночью состоялся этот необычный пикник. Все были возбуждены, смеялись. Атташе наполнил бокалы и сказал: «Добро пожаловать в Советский Союз, Стиг!» Берлинг почувствовал, как перехватывает горло и влажнеют глаза.

Так агент военной разведки бежал из тюрьмы и оказался в Москве. Здесь его встретил генерал ГРУ. Их поселили в большой квартире. За ними ухаживала домработница, а холодильник был забит отборными винами, шампанским, деликатесами: вырезкой, икрой, лососем.

Вскоре им сделали советские паспорта. Он — Ивар Страутс, рожденный в Риге, они — Элизабет Страутс, из Клайпеды. По легенде ГРУ, семья переехала из Прибалтики, из района, где был совершенно утрачен русский язык.

«На семью выдавалось 350 рублей в месяц, — напишет позже Стиг Бирлинг, — что вполне хватало. Такой уровень имели генеральские семьи. Деликатесные продукты всегда были на столе, причем в основном

зарубежного производства».

А однажды дверь квартиры открылась, и на пороге предстал... Александр Никифоров. Это была встреча! Старые друзья обнялись. Александру Никифоровичу было уже 68 лет, он страдал болезнью Паркинсона, но мужественно скрывал это. Сбылось его собственное предсказание: жизнь сделала фантастический кульбит — Никифоров вновь был рядом со своим агентом.

Вчерашние агенты — люди сложные. Завербованные там, на Западе, многие из них лишь отдаленно представляли жизнь в Советском Союзе. Да и представления были, как правило, далеки от истины. Попадая в страну, которой служили, ради которой работали, они оказывались в другом мире. Неведомом, незнакомом. Родственники, друзья остались там, куда уже нет возврата. Дело, подобающее их образованию, опыту, интеллекту, найти было очень трудно. Многие из них не знали русского языка. Как их вписать в советскую действительность? Особенно если эта действительность конца 80-х годов прошлого столетия. Ведь речь идет о горбачевском времени с его пустыми прилавками, обозленными тяготами и невзгодами людьми.

Вот в такую жизнь и предстояло Никифорову «внедрить» своего бывшего агента. Думаю, это было намного сложнее, чем из ООНовского офицера сделать агента советской военной разведки.

Не забудем, что к тому времени Никифорову уже под семьдесят, и он действительно серьезно болен. Откажись, сошлись на возраст, состояние здоровья (а это вполне соответствовало действительности) — его бы поняли, поручили бы Берлинга молодым коллегам. Но он не отказался. «Это ведь мой агент», — признается однажды Александр Никифорович в разговоре со мной.

Поняла, поддержала мужа и Татьяна Ивановна.

А проблем было немало. Кроме сугубо бытовых (а они в ту пору решались крайне сложно) — хорошего питания, благоустроенного жилья, подбора одежды для самого Стига и особенно для Элизабет — возникал естественный вопрос, где их поселить на постоянное место жительства, чем занять. Ведь они не говорят по-русски. Поэтому после первых их встреч Алекс сказал Стигу: «Теперь займемся вашим будущим». А пока, откровенно говоря, занять Стига и Элизабет было нечем. Алекс иногда давал Берлингу для перевода какие-то справки об австрийской пенсионной системе, инструкции по шведским лекарствам. В конце концов, Берлингу это надоело, и он сказал Никифорову: «Должно найтись более серьезное занятие в соответствии с моими знаниями». Никифоров это понимал, но поделать ничего не мог.

Они встречались семьями, ходили вместе в цирк.

В своих воспоминаниях Берлинг напишет, что интересной поездкой стало для них посещение Загорска. Но чего стоила эта «интересная поездка» для Никифорова!

После осмотра прекрасных церквей Загорска Стиг и Элизабет, естественно, захотели перекусить. Понятно, в Швеции это обычное дело. Но у нас в горбачевские времена — большая проблема.

«Пришли мы в закусочную, — рассказывал мне о той поездке Никифоров, — а там пустые полки, водка в разлив, вобла с загнутыми хвостами. Ею хоть гвозди забивай. Да еще яйца вкрутую. Вот такая наша жизнь».

Пошел я искать что-нибудь, встретил священника, объяснил, мол, нельзя ли купить покушать, со мной иностранцы. Сжалился батюшка, отвел в трапезную. Там удалось купить несколько пирожков».

Что и говорить, к такой жизни Берлинг и Элизабет привыкали трудно.

Однако надо было заниматься будущим агентов. Сначала решили показать им Прибалтику. Никифоров сопровождал их в поездках по Эстонии, Латвии, Литве. Позже, летом, еще один визит в Латвию, в Ригу, отрабатывали легенду четы Страутсов. Когда-то настоящий Ивар Страутс жил в Латвии, но исчез по время войны. Теперь Стиг вместе с сотрудником ГРУ искал свои «корни»: они были у дома, где жил Ивар, делали снимки, изготавливали фото семьи, свадебных торжеств, школы, где он учился. Стиг заучивал даты, имена, адреса. Алекс проверял Стига, заставлял работать, пока тот не усваивал мельчайшие подробности легенды.

Потом они уезжают в Литву, в Клайпеду. Теперь «оживляют» легенду Элизабет.

Однажды после возвращения в Москву их спросили: «Где бы вы хотели жить?» Стиг ответил, что в Венгрии или в ГДР.

В сентябре 1988 года Стиг и Элизабет в сопровождении Никифорова и его жены Татьяны выезжают в Венгрию. Они поселились в Будапеште. Поначалу все шло неплохо, но потом отношения с соседями испортились. Прямо напротив балкона их квартиры появилась надпись: «Страутс, еврейская свинья. Русские евреи, убирайтесь домой».

Иногда в Будапешт к ним приезжал Алекс.

Тем временем обстановка в Венгрии осложнялась, и ГРУ начинало беспокоиться за безопасность Стига и Элизабет. 9 ноября на советском военном самолете они вылетели в Москву. Их новая квартира располагалась на улице В. Ульбрихта. Вскоре получили новые паспорта. Теперь они были Артуром и Эммой Шнайдер, немцами Поволжья.

Опять встречались с Алексом и Татьяной. У Стига и Элизабет была новая служанка и деликатесы со склада ГРУ. Но денег уже не хватало. Вскоре Берлингу поднимают зарплату до 500 рублей в месяц.

Наступает 1990 год. Принято решение о выезде Стига и Элизабет за границу. Куда? Им предлагают три страны: ЮАР, Египет, Ливан. Берлинг останавливается на Ливане. Начинается подготовка к отъезду. Вновь идет работа по легенде. Теперь Стиг — выходец с Британских островов, воевал в Родезии, был ранен. С Элизабет они познакомились в госпитале, где она работала санитаркой.

«23 ноября 1990 года, — напишет потом Берлинг, — квартира была полна генералами, которые давали советы, шла погрузка багажа. Алекс предупредил меня воздержаться от контактов с западными посольствами, в противном случае ГРУ ничем не сможет помочь.

Я понимал, что Алекс сыт по горло заботами обо мне и Элизабет...»

Да, это действительно так. Три года полковник в отставке Никифоров старался накормить, напоить, одеть, обуть, развлечь, найти занятие, поселить своего бывшего агента и его гражданскую жену. Это было целое оперативное мероприятие, которое не так уж часто проводят наши спецслужбы. Ко времени убытия Стига и Элизабет в Ливан Александру Никифоровичу исполнился 71 год.

Хотел было написать, что это последняя, заключительная спецоперация военного разведчика, но на всякий случай решил проверить. Спросил об этом самого Никифорова. Тот улыбнулся, вытащил из шкафа коробочку, открыл. На красном сукне лежал орден Мужества.

— За прошлые заслуги, Александр Никифорович?

Он молча выложил на стол еще несколько орденов — два Красной Звезды, Отечественной войны.

— Вот эти — за прежние заслуги, а Мужества — за нынешние.

Право, странно слышать такое. Передо мной сидел человек, которому было за восемьдесят. Видимо, Александр Никифорович почувствовал мое замешательство и постарался успокоить.

— Орден Мужества мне вручил помощник Президента России в 1998 году.

— За что? — не удержался я, в ту же минуту осознавая несусветную глупость своего вопроса. Ни одна мышца не дрогнула на лице старого, мудрого разведчика.

— За выполнение специального задания Главного разведывательного управления.

Что ж, теперь, по крайней мере, все стало на свои места. Остальное —

государственная тайна. Пока.

Тюрьма в стране тюльпанов

Тот апрельский день в Амстердаме выдался на редкость весенним. Для голландцев он был обычным, будничным днем, а вот для генерального представителя компании «Аэрофлот» в Нидерландах Владимира Глухова — праздничным. Шесть лет назад 12 апреля полетел в космос советский человек Юрий Гагарин, первый землянин.

В эту великую победу нашей науки и техники внес свой вклад и он, Владимир Алексеевич Глухов. Во всяком случае, так было сказано в Указе Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красной Звезды по итогам первого полета человека в космос. Правда, на указе стоял гриф «секретно», и потому о нем не знали не только голландцы, но даже его коллеги, сотрудники представительства «Аэрофлота».

Так что праздник был скорее семейный. Вечером с женой они непременно бы его отметили, но пока на дворе стояло утро — солнечное, ясное, и Владимиру Глухову предстоял долгий, хлопотный рабочий день.

После завтрака Владимир Алексеевич уже собрался спуститься к машине и отправиться в представительство, да жена попросила зайти к молочнику. Лавка молочника находилась рядом с их домом, в пятнадцати шагах. Набросив на плечи плащ, Глухов вышел из дома.

На улице было тихо и дремотно. Генпредставитель вспомнил Москву. К этому часу столица уже гудит, как улей, бежит, спешит. А тут жизнь словно остановилась, замерла. Но это только кажется. Уж он-то знает старушку-Европу. В Голландии скоро без малого три года. Все здесь делается, крутится-вертится, правда, без родного ухарства, без извечной русской «эй, ухнем», однако не хуже нашего. А, признаться, зачастую и лучше. Размеренно, основательно, планоно. Что поделаешь, такие уж, видимо, у нас разные характеры: русский никогда не станет голландцем, голландец — русским.

Владимир Алексеевич отмерил привычных пятнадцать шагов, потянул дверь магазина и вдруг почувствовал: холодок, предвестник тревоги, пробежал по спине, между лопаток и утих где-то на затылке, в волосах.

Глухов знал этот холодок. Интуиция еще никогда не обманывала его. Он оглянулся уже на пороге. Нет, ничего необычного. Улица, залитая весенним солнцем, редкие прохожие, те же, что и каждый день, машины,

припаркованные у обочины дороги. Разве что новый, незнакомый черный автомобиль с тонированными стеклами, замерший на полпути от дома до лавки молочника. Глухов заметил его еще из окна своей квартиры. Да мало ли кто приехал и оставил автомобиль?

Он вошел в лавку, поприветствовал молочника, у которого каждое утро покупал творог и молоко, и только теперь понял причину своей тревоги. С другой стороны магазинчика, на улице, у витрины увидел высокого, крепкого, но очень напряженного мужчину, который всем своим видом старался казаться случайным прохожим, якобы поджидавшим своего опаздывающего товарища.

«Это слезка...» — мелькнула мысль. Он не мог ошибиться. Глухов купил молоко, яйца и вышел из магазина. Но не успел сделать нескольких шагов, как услышал за спиной быстрые шаги, сопение и кто-то крепко обхватил его сзади за руки и туловище.

Первая попытка освободиться не дала результатов. Молоко, яйца упали на тротуар, он почувствовал, как ему сгибают голову вниз.

«Ах, мать твою, — в душе взорвалось возмущение, и в следующую секунду он осознал: его грубо вяжут. Без предъявления обвинений, не представившись, не предъявив документов. — Да вы бандиты! А с бандитами говорят по-другому».

Первый ответный удар он нанес каблуком ботинка тому, кто обхватил его за туловище и руки. Хороший получился удар. «Смачный», как сказали бы на Украине, где он учился в военном авиационном техническом училище. Башмак был новый, качественный, голландский, каблук крепкий, острый, как нож. Он вошел в плоть ноги нападавшего, разрубив ее до кости. Словом, приложился от души. Голландец взвыл, как дикий зверь, и отпустил хват.

Однако освободиться генпредставителю не дали, навалился один, другой, третий. Потом оказалось, в его аресте участвовали одиннадцать голландских контрразведчиков.

Глухов ударом в челюсть свалил одного. Хрустнула коленная чашечка у другого, и тот с перекошенной от боли физиономией отполз на обочину дороги. Но Владимира Алексеевича уже мутузили со всех сторон. Разорван плащ, и он валялся на асфальте, брызнули дождем оторванные пуговицы с пиджака, последней сорвали рубашку.

Владимир Алексеевич остался по пояс голый. Напавшие заломили правую руку и пытались надеть наручник, второй — на запястье контрразведчика. Только вот хиловат оказался голландский «контрик» супротив Глухова. Раскрутил он «контрика» вокруг себя, да так, что тот

едва удержался на ногах. Однако силы были неравные. Они все-таки теснили Владимира Алексеевича к машине.

В это время испуганная жена молочника бросилась в дом Глуховых сообщить, что какие-то неизвестные люди напали на хозяина.

Мария Михайловна, не задумываясь, выскочила защищать мужа. Она прыгнула на спину одному из «контриков» так, что у того пиджак слетел через голову. Ее тут же схватили несколько человек, один стал душить за горло, прижал лицом к капоту машины.

С тех пор прошло сорок лет, но этот момент Владимир Алексеевич не может вспоминать без слез. Однажды в разговоре он скажет мне: «Стоит эта картина до сих пор перед глазами. Мне очень жалко стало ее тогда. Как бесчеловечно повели они себя с женщиной».

Злость подкатила к горлу. Сколько хватило сил, Глухов отбивался от наседающих «контриков», однако его затолкнули в машину. Автомобиль рванул с места. Последнее, что увидел Владимир Алексеевич, — жену, неподвижно лежащую на тротуаре.

Контрразведчики держали его за руки, за горло, были свободны только ноги. В молодости Глухов много и успешно занимался лыжным спортом, ноги у него тренированные, сильные. Приходили мысли одним ударом ног выбить руль из рук водителя. Но это была бы явная смерть. Скорость, с которой летел автомобиль, — 140 км/час, да еще голландская дорога, по которой ехали, шла по возвышенности. С обеих сторон овраги метров в восемь — десять.

Решил пока не делать этого. Опять же в горячке драки времени подумать не было, но теперь, слегка отдышавшись, задался вопросами: «Где прокололся? Что они имеют на меня?»

Ответ, как говорится, отрицательный. Но тогда жгло другое, которое вовсе нечем крыть! «Просто так не арестовывают. Да еще нагло, по-хамски, бандитскими методами. Нет, чтобы вести себя так, голландским “контрикам” нужны основания. Но какие у них основания? Значит, что-то есть. Но что, что?..»

В этот момент он мог успокоить себя только одним: «Потерпи еще немного, Володя. Основания, надо думать, тебе скоро предъявят».

Голландия — страна маленькая, минут сорок в дороге, и перед ними распахнулись ворота тюрьмы. «Контрики» вытащили Глухова из машины. Судя по всему, там, на улице, они явно были не готовы к такому яростному его сопротивлению. Первым делом стали осматривать свои раны. А посмотреть было на что — разрубленные голени, лиловые в подтеках колени, синяки под глазами, порванная одежда.

Пожалев себя, контрразведчики принялись за арестованного. Его подвесили за руки на высокую скобу в стене, почитай, на средневековую дыбу, раздели, сняли брюки. Откровенно говоря, Глухов подумал тогда: «Сейчас вломят за все синяки и раны».

Однако, тщательно обыскав, бить не стали. И только теперь предъявили ордер на задержание, в котором указывалось, что он, Глухов Владимир Алексеевич, обвиняется в шпионаже против Голландии.

Потом сняли с дыбы и отвели в камеру-одиночку.

За спиной захлопнулась дверь, и Глухов вдруг почувствовал, как страшно устал за это утро. На грудь давила непомерная тяжесть, мешала дышать, он прислонился в стене, медленно осел на пол. Мысли путались, пытался остановить дрожь в теле, не получалось.

«Шпионаж...» — стучали в висках слова переводчика, зачитывающего текст ордера. «Государственный преступник...» Надо было успокоиться, взять себя в руки. Но не хватало сил подняться с пола.

«Провал. Ясно было, что это провал. Но где он ошибся, где прокололся? Почему не почувствовал слежки? Время от времени наружка, конечно, повисала на хвосте. Но все как обычно, в пределах нормы. Ни ажиотажа, ни усиления интереса к себе не заметил. В том-то и дело, что не заметил. Но это совсем не значит, что ее не было».

Он устало прикрыл ладонью глаза. Свет в камере был такой яркий, что пробивался сквозь ладонь, проникая под закрытые веки, словно пытался выжечь яблоки глаз.

«Что ж, неплохой метод психологического давления. Держись, Володя, — усмехнулся он про себя, — сколько подобных сюрпризов тебе еще уготовано».

Глухов поднялся с пола, подошел к столу, машинально подвинул к себе табурет. Рука ощутила непонятную тяжесть. Пригляделся. Ай да голландцы... Ай да засранцы. Табурет был сколочен из кривых, неструганых досок, сбит кое-как, сидеть на нем, видать, жестко и неудобно. Только ведь нас нестругаными досками не удивишь, господа.

Владимир Алексеевич опустил на табурет, если его можно было таковым назвать, и вновь попытался вернуться к анализу своей работы, особенно в последние месяцы.

Анализа не получалось. В голову лезли какие-то совершенно посторонние мысли. То вдруг всплывало из небытия лицо районного военкома из родного городка Александровск, что в Пермском крае. Он устало, по-отцовски глядел на девятиклассника Вовку Глухова и охрипшим голосом давил из себя слова: «Ты, парень, не спеши, заканчивай школу».

Война только началась, и на твою долю хватит». Или ни с того ни с сего в ушах звучал голос диктора с давних лыжных окружных соревнований: «Команда номер тридцать девять закончила третий этап». А следом — хохот его друзей-офицеров по лыжной сборной Харьковского военного авиационного технического училища. Они уже финишировали, а кто-то в судейской коллегии решил, что прошли только очередной этап. Настолько далеко позади оставили своих соперников.

Он давно уже забыл военкома из сорок первого года, лыжные гонки сорок восьмого и много лет не вспоминал их. А тут, поди ж ты, то ли от душевного потрясения, то ли еще от чего-то полезло из всех углов памяти. Не вовремя, не к месту.

Владимир Алексеевич опять возвращал себя к работе, но вспомнилась почему-то жена. Однако теперь он вряд ли мог пожаловаться, что воспоминание не по теме. Очень даже по теме.

Было это в 1955 году. Училище он окончил в 1954-м и попал служить в 43-й истребительный полк, что в Прибалтийском военном округе. И жена, доселе молчавшая, рассказала однажды случай, над которым он потом долго смеялся. Как теперь оказалось, зря.

Ей, тогда еще совсем молоденькой студентке, за всю стипендию в целых 30 рублей цыганка нагадала, что выйдет она замуж за красавца-военного, блондина, но жизнь у нее окажется непростой: много переездов, испытаний, а мужу будет грозить тюрьма на пять долгих лет.

Владимир Алексеевич тогда часто подшучивал над женой: мол, выманила цыганка всю «степуху», а теперь вон как обернулось. Правду, выходит, нагадала: и про блондина, и про военного, и про долгие дороги-переезды, не было до сих пор только тюрьмы. А теперь и тюрьма сбылась.

Глухов зябко повел плечами, встал, постучал в дверь камеры. Долго не открывали, потом дверь распахнулась. На пороге стоял тюремный чиновник в мундире, рядом — второй в штатском. Он оказался переводчиком.

— Я генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии. Я протестую. Требую пригласить посла Советского Союза или консула, — сказал Глухов.

Тюремный чиновник в ответ только отрицательно покачал головой и бросил несколько слов.

— Мы к вам никого не допустим, — услышал он слова переводчика.

— Дайте мне бумагу и ручку. Я напишу письмо послу и протест королеве в знак нарушения моих прав, избиения и незаконного задержания.

— Господин Глухов, вы являетесь государственным преступником, и

потому вас арестовали.

Тюремщик повернулся и вышел из камеры. Следом за ним за порог шагнул переводчик.

...Однако минут через пятнадцать надсмотрщик принес в камеру допотопную чернильницу, ручку и бумагу.

Глухов написал письмо на имя посла о том, что без предъявления постановления схвачен, избит и насильственно доставлен в тюрьму.

«Обвиняетесь в шпионаже...»

Письмо унесли, и вновь наступила тишина. Однако она продлилась недолго. Лязгнули запоры, и тюремщик махнул рукой: «Выходите!»

Его повели длинным коридором — камеры слева, камеры справа. В конце коридора — комната, тюремная каптерка. На полках арестантская полосатая одежда.

— Переодевайтесь, — скомандовали.

Владимир Алексеевич оглядел себя с ног до головы. Видок у него был не очень. Грязные, помятые брюки, разорванная рубашка в кровавых подтеках. Что говорить, для генпредставителя советской компании вид далеко не презентабельный. Пусть так, решил Глухов, но я не преступник и полосатую одежду не надену.

— Нет, — ответил он, — разве что на мертвого на меня натянете.

Но тюремщики были настроены решительно, тут же бросились на него, пытаясь переодеть силой. То ли они не разглядели ран и синяков своих коллег из контрразведки, то ли родные, тюремные стены вселяли в них уверенность. Правда, уже первый, самый шустрый, получил удар такой силы, что отлетел к противоположной двери, остальные остановились в нерешительности.

Обстановку разрядил начальник тюрьмы. Он бежал по коридору и орал благим матом, чтобы русского оставили в покое и в его же одежде.

Глухова вновь провели коридором и впихнули в камеру. Этот непредсказуемый «рашен» начинал их порядком раздражать.

Опять залитая ярким, слепящим светом камера, табурет и кровать из неструганых досок, все те же вопросы, на которые у него не было ответов.

Но в этот раз ему размышлять наедине пришлось недолго. Опять лязгнул ключ в двери, и на пороге вырос тюремщик.

— Пошли, — махнул он головой.

«Вот теперь, судя по всему, на допрос», — догадался Глухов. Он не ошибся. В комнате, куда его привели, полукругом сидели пять человек. Владимир Алексеевич узнал только одного, переводчика, другие были ему незнакомы.

Первым заговорил сидящий в центре сухощавый, слегка сутулый мужчина. Лицо у него было вытянутое, худое, щеки впалые.

Глухов усмехнулся про себя: «Что ж они следователей не кормят? А ведь благополучная вполне страна».

Он глядел на «сухощавого» и не мог освободиться от мысли, что где-то видел уже этого человека. Только где?

— На каком языке будете отвечать на вопросы следователей? — долетел до него голос переводчика. — Вы поняли вопрос, господин Глухов?

— Понял. На родном, русском языке, разумеется...

— Ваша фамилия, имя, должность. Чем занимаетесь в Голландии?

Теперь уже спрашивал следователь слева, молодой черноволосый мужчина, совсем юноша, больше похожий на итальянца, чем на голландца.

— Глухов Владимир Алексеевич. Генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии...

Когда закончились анкетные вопросы, со стула справа встал третий следователь. Он поднес к лицу Глухова фотографию.

— Вы знаете этого человека?

С фото на него смотрел улыбающийся Джек.

— Да, я знаком с ним, это Джек Лоджин, специалист по авиации.

— А откуда вы его знаете?

— Думаю, вам известно, господа, что я тоже имею некоторое отношение к авиации.

— Конкретнее... Где вы с ним познакомились?

— Он консультировал меня и мою компанию по вопросу строительства высоковольтных линий электропередачи с помощью вертолетов.

Следователи угрюмо глядели на арестанта.

— Это просто проверить. По этому поводу мы проводили большую работу, кстати говоря, взаимовыгодную, как для моей страны, так и для Голландии.

«Сухощавый» криво усмехнулся.

— В частности, с господином Клейбом я летал в Москву, где как раз и обсуждался этот вопрос.

— Прекратите, — визгливо прервал Глухова черноволосый юноша слева, — вы не сотрудничали, вы вербовали Джека Лоджина, склоняли его к измене Родине.

— Ну если так, — как можно спокойнее ответил Владимир Алексеевич, — то я отказываюсь с вами говорить. Вы получили мои протесты? Получили. Значит, я буду отвечать на вопросы только в присутствии консула или адвоката, назначенного советской стороной.

Глухов видел, как «сухощавый» метнул огненный взгляд в сторону несдержанного молодого коллеги.

Теперь они все вместе, с разных сторон старались задавать разные вопросы, чтобы разговорить его, но Глухов молчал. Прошло десять минут, пятнадцать, полчаса. Владимир Алексеевич не произнес ни слова. «Сухощавый» разочарованно махнул рукой и скомандовал:

— Уведите!..

В камере Глухов прилег на деревянный настил кровати. Теперь по крайней мере хоть кое-что прояснилось: судя по всему, они взяли Лоджина.

Ну что ж, Джек знает как себя вести. Лоджин, Лоджин... Он вспомнил их первую встречу. Для Джека она и вправду была первой, а вот для Глухова только этапной. Владимир Алексеевич долго изучал этого человека. Крупный специалист в авиации, владелец аэроклуба, эксперт нескольких крупных компаний. Как подступиться к нему? Представить их друг другу было некому, и тогда он, взвесив все «за» и «против», решил действовать напрямую. В конце концов могли они встретиться как коллеги, люди, увлеченные небом и самолетами. Тем более что Владимир Алексеевич решил представиться исследователем, который писал диссертацию по проблемам усталости самолетов. Это была, конечно, легенда. Никакой диссертации он не писал, хотя этой темой занимался давно и мог вполне компетентно вести беседу со специалистом любого уровня.

В ходе изучения Лоджина Глухов выяснил, что у Джека большая научная библиотека. Это было тоже кстати. Он и решил попросить воспользоваться некоторой литературой.

Первая поездка была неудачной, секретарь Джека сказала, что босс придет домой часа через два-три. Пришлось заехать попозже. На этот раз хозяин оказался дома. Он вышел к гостю, приветливо улыбаясь, поздоровался, пригласил присесть.

Глухов представился. Лоджин немало удивился неожиданному гостю.

— Откуда вы узнали обо мне?

— Ну что вы, господин Лоджин, — теперь расплываться в улыбке и раскатываться в комплиментах пришло время Глухову, — вы известный в стране человек. Многие мои знакомые рекомендовали вас. Мне очень близки ваши научные исследования. Я, как и вы, давно занимаюсь проблемой усталости самолетов, работаю над диссертацией.

— О! — произнес Джек, и в его глазах вспыхнули искорки. — Это серьезная тема, мистер Глухов.

Владимир Алексеевич все рассчитал точно. Лоджин, как ученый и специалист, не мог не откликнуться на призыв коллеги из Советского Союза. Он пообещал помочь материалами, литературой. Тем более что его

фирма официально занималась консультированием авиационных специалистов. Разумеется, не бесплатно.

Глухов уточнил, что готов платить наличными. «Можно, конечно, и через банк, на счет вашей фирмы, — улыбнулся он, — но я же понимаю, налоги...»

Лоджин ответил кивком головы, мол, правильно понимаете, и добавил: «Лучше наличными».

Перед расставанием Джек извинился и сказал:

— Мистер Глухов, у нас тут отношение к русским не самое теплое, так что лучше заранее назначать встречи, а секретаршу я буду отсылать.

Это была маленькая победа. Лоджин уже понимал конспиративность встреч, а главное, согласился на оплату. Правда, неясно пока, за что платить и какие материалы он предложит. Но не стоило торопить события. Важно, что первый шаг по установлению личных контактов сделан. И его можно оценить как успешный.

Владимир Алексеевич вспомнил фотографию Лоджина в руках следователя и с тревогой подумал, что Джек, возможно, сидит в подобной камере, и его так же допрашивают следователи. Но легенду он расскажет ту же. Да, с генпредставителем «Аэрофлота» знаком, работали над проблемой совместного строительства высоковольтной линии в Голландии с помощью советских тяжелых вертолетов. Тем более что в СССР к тому времени был накоплен серьезный опыт по возведению ЛЭП таким способом.

Легенда железная, к тому же такие переговоры между нашими и голландцами действительно велись, и в них активное участие принимал он, Владимир Глухов. «Так что хрен они меня расколют».

Болели бока от настила из неструганых, горбатых досок, но усталость, нервное напряжение делали свое дело. Он проваливался в тяжелую дремоту, и рядом с ним вновь появлялись следователи, и один из них сердито совал ему в лицо фото Джека, опять по коридору бежал начальник тюрьмы и махал руками, а жена, его бедная жена, лежала неподвижно на асфальте.

Он испуганно просыпался. Холодный липкий пот покрывал лоб, тюремный свет, словно локатор, резал глаза.

Владимир Алексеевич тяжело ворочался и вновь проваливался в бездну тревожного, нервного сна.

Так прошла его первая ночь в голландской тюрьме.

Утром к нему приехал советский консул. О чем они могли говорить под прицелом микрофонов прослушек? Только общие фразы.

— Как чувствуете себя, Владимир Алексеевич? — спрашивал консул.

— Да хреново, откровенно говоря. Видите, какие тут условия, — отвечал он, взглядом окидывая камеру. — Давление подскочило. Но я написал протесты.

— Мы тоже через МИД послали запрос. Так что держитесь, Владимир Алексеевич, — напутствовал консул.

А что ему оставалось, кроме как держаться и бороться!

После ухода консула Глухова опять потащили на допрос. Опять тот же круг, те же физиономии, «сухощавый», как прозвал он старшего, «итальянец» — молодой, чернявый, и просто «третий и четвертый».

Начал «сухощавый». Прошамкал что-то неразборчиво провалами щек.

— Ваши требования выполнены, консул посетил вас, мистер Глухов, теперь вы будете говорить?

— Спрашивайте...

— Вернемся к вашим отношениям с Джеком Лоджином...

— Да я, пожалуй, все сказал в прошлый раз. Ах, нет, забыл добавить, что за совместную плодотворную работу в знак благодарности я подарил ему бутылку коньяка. Хорошего коньяка.

— А вы что-то рассказывали об установке электрических мачт в Голландии?

«Н-да, — подумал про себя Глухов, глядя в лицо следователя, — зря ты меня спросил об этом. Я сейчас прочитаю такую лекцию, что у вас, ребята, мозги вскипят, назову столько голландцев, что вы задолбаетесь, пыль глотая, проверять их всех. А все они знают меня и подтвердят сказанное».

— Итак, господа, энергетиками вашей страны разработан проект возведения высоковольтной линии электропередачи через всю страну с юга на север. Но поскольку местность у вас пересеченная, лучше всего для проведения этих работ использовать тяжелые вертолеты. Такие вертолеты есть в нашей стране, и мы уже не один год с их помощью устанавливаем мачты электропередачи, например в горах, на сильно пересеченной местности.

Голландские энергетика заинтересовались советским опытом. По этому вопросу я встречался со следующими голландскими специалистами...

И он стал перечислять голландцев, с кем общался, был хорошо знаком или просто запомнил их имена и фамилии на каких-либо встречах. Получился внушительный список.

Следователи слушали Глухова с кислыми физиономиями. Они хотели услышать совсем другое. А Владимир Алексеевич рассказывал, как возил в

Советский Союз голландца из Маастрихта, представлял его министру гражданской авиации СССР.

По ходу вспомнилось, как в аэропорту Шереметьево угостил голландца коньяком. По-русски угостил. Разлил бутылку на двоих по стаканам, сказал небольшой тост за дружбу и сотрудничество Советского Союза и Голландии, выпил. Глядя на него удивленными глазами, «хлопнул» свою долю и голландец. Только слабаком он оказался. В Ленинграде, почитай, выносить его пришлось из самолета.

Однако про слабака-голландца ничего не сказал следователям Глухов. А вот о полете в Ленинград доложил подробно и в деталях.

«Сухощавый» во время его лекции все поглядывал на часы. То ли знак хотел подать Владимиру Алексеевичу, чтобы заканчивал, то ли спешил куда-то. Часы у Глухова отобрали при аресте, но по его ощущениям говорил он не меньше часа.

— Мистер Глухов, — нетерпеливо прервал его «итальянец», — давайте вернемся к делу. Как вы завербовали Джека Лоджина?

— А я вам битый час рассказываю о деле.

И он обратился к переводчику.

— Может, они не поняли, что я сказал? Вы переводили?

— Да, переводил.

— На какой язык?

— На голландский.

— А они знают голландский язык?

Переводчик растерянно оглядел следователей и пересказал им диалог.

«Сухощавый» побагровел.

— Отвечайте, Глухов, на заданный вопрос. Напоминаю, вы государственный преступник, обвиняетесь в шпионаже против Голландии.

— А меня уже осудил голландский суд?

— Пока нет.

— Ну вот, а вы меня уж записали в государственные преступники, господа следователи. Я протестую против произвола голландских властей и объявляю голодовку. Говорить отказываюсь.

В этот день на допрос его больше не вызывали.

За мужество и стойкость

Утром он отказался от завтрака, хотя зверски хотел есть. Чтобы заглушить голод, решил побить любимую чечетку.

Вообще, попав в тюрьму, в первый же день он поставил себе цель — бороться до конца. Тут сомнений не было. И все же, все же... Откуда-то неожиданно, помимо его воли, возникла та самая цыганка, которую он никогда не видел, а знал только по рассказу жены. Цыганка шептала на ухо про пять лет тюрьмы, и Владимир Алексеевич ловил себя на вопросе: что он будет делать здесь, в этих четырех стенах, все пять лет?

Полезли в голову обрывки из прочитанных некогда книг про то, как в тюрьме сидел Ленин, как он занимался физическими упражнениями. Ну, упражнения само собой, а вот чечетка?.. Надо попробовать...

Он увлекался танцами давно, а примерно год назад решил освоить чечетку. Времени там, на свободе, на ее освоение, откровенно говоря, оставалось немного. А тут бей хоть с утра до вечера, с перерывами на допросы.

Он стучал ботинками по бетонному полу камеры, а в голове, словно заезженная пластинка, крутился вопрос: «Что дальше?» Судя по всему, ни черта у «контриков» не было на него. Подозревать — подозревали, вот и схватили, авось расколем.

Расколоть не удалось. И не удастся.

Чечетка на голодный желудок шла плохо. Подкатывала тошнота, колотилось сердце. Он опустился на кровать. Скоро должны были прийти тюремщики и увести его на допрос. Что-то они сегодня придумают, какую гадость?

Однако ничего нового следователи придумать не смогли. Шли обычные вопросы про того же Лоджина, про вербовку...

Владимир Алексеевич все смотрел на «сухощавого» и пытался вспомнить, где он мог его видеть. На приеме в советском посольстве? Нет. Откуда там быть «сухощавому»? На встрече в министерстве транспорта? Ха, сам улыбнулся собственной неудачной шутке. Что там делать следователю-«контрику»? Выходит, негде им было пересечься. Тогда откуда такое чувство, якобы виделись, встречались. Наверное, ошибся... Но он редко ошибался: порукой тому свойство памяти — схватывать лица намертво.

И вдруг его осенило: «Старшина!.. Это же вылитый старшина

Глущенко! Ну как же он мог забыть? Надень на “сухощавого” выцветшую фронтовую гимнастерку — и, что называется, одно лицо».

Да уж, если бы не старшина Глущенко, неизвестно, когда бы он попал на фронт. Может, так и отсиживался бы в запасной учебной эскадрилье. Не ожидал он тогда, что угодит в тыл. В девятом-то классе районный военком его отправил домой, а через год, в 1942-м, вспомнил, направил на авиационно-технические курсы усовершенствования имени К. Ворошилова. Назывались они ленинградскими, хотя квартировали под Магнитогорском в землянках. Сюда из города на Неве была эвакуирована авиационная техника, построены цеха. Тут и занимались курсанты, осваивали профессию авиационного техника.

Учился он хорошо, курсы окончил с отличием, думал, по окончании направят на фронт как лучшего, но просчитался. Направили в далекий тыл, в Подмоскovie, на станцию Соколовская, в запасную эскадрилью.

Он не смирился. Пригляделся. Разобрался в обстановке. Оказывается, самолеты с 30-го авиационного завода, где их производили, перегоняли к ним. Здесь делали облет часов по 5–6, доводили, последние штрихи, что называется, накладывали — и на фронт. Вместе с летчиками, забиравшими самолеты, улетали на фронт и их ребята, техники.

Рассчитывал и он улететь, да не тут-то было. Отодвигали почему-то его. Ну, набрался смелости и пошел к инженеру отряда Осинцеву. Доложил — старший сержант Глухов. На фронт хочу, а меня не посылают.

Инженер отряда не моргнув глазом ответил: «Правильно делают. Это я приказал. Нам, Глухов, и самим такие люди нужны. Молодые, грамотные. Понял?»

Понял. Чего ж тут неясного. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Однако судьба, видать, тоже была не согласна с таким распределением ролей. Вскоре она дала шанс Владимиру.

А случилось это так. Сослуживец Глухова, тоже авиационный техник, Малышев отправлялся на фронт. Его уже зачислили в боевую группу, и он уехал домой, чтобы попрощаться с родителями. Ехать было недалеко, но, поди ж ты, случилась неприятность — его задержала военная комендатура и укатала на гауптвахту.

Словом, время к отъезду, а Малышева нет. Глухов почувствовал, что скоро будут искать замену, и напрямик рванул к старшине Глущенко: мол, включите меня в группу. Старшина надул впалые щеки и спросил: «А что я буду иметь?»

К счастью, Владимир Алексеевич собрал из своей скромной 40-

рублевой зарплаты техника целую тысячу, да еще ремень кожаный, командирский, подаренный братом, в нагрузку выложил.

Глущенко согласился. Повезло Глухову еще и потому, что в этот день инженер отряда находился в отъезде. В общем, быстро оформили документы, и в составе боевой группы он убыл на фронт.

Весной 1944 года техник Владимир Глухов уже находился в составе 567-го штурмового авиационного полка, который располагался тогда в Полтавской области, недалеко от знаменитого гоголевского Миргорода.

...Владимир Алексеевич еще раз оглядел «сухощавого». Что тут скажешь, похож...

— Вы слышите, мистер Глухов, — откуда-то словно издалека долетел до него голос переводчика, — вам ясен вопрос?

— Вопрос ясен, но отвечать я на него не стану.

На этом закончился очередной допрос.

А ночью ему приснился Леня Шпончиков, его фронтовой командир звена. Он что-то говорил Глухову, но Владимир Алексеевич никак не мог разобрать слов. Мешал шум, то ли от винтов самолета, то ли от артиллерийской канонады. И тогда Шпончиков указал ему на место стрелка. Глухов наконец понял: комэска брал его с собой в полет. О, какое это было счастье!

Владимир долго уговаривал лейтенанта, не раз представлял себе, как ловит он в прицел пулемета ненавистного фашиста, нажимает на гашетки и огненные пунктиры достают вражеский самолет, тот начинает дымить, кренится и сваливается в штопор. И горит, горит, уходя к земле.

Однако мечты его никак не могли осуществиться. Комэска Шпончиков был непреклонен, он наотрез отказывался взять с собой в боевой полет техника старшего сержанта Глухова.

Откровенно говоря, Владимир, случалось, терял надежду на осуществление мечты. И вот неожиданно Шпончиков смилостивился и теперь кричал ему на ухо.

— Володя, давай шустрее, занимай место стрелка.

Глухов почти не помнит, как они взлетели, прошли низко над землей. Его еще поразило: там, внизу, разбитые дома, горящие кварталы города. Такое впечатление, что горело все вокруг.

Самолеты поднялись выше, и он сразу увидел немецких стервятников. Тройка «мессеров» заходила со стороны солнца. Судя по всему, фашисты уже разглядели советские «илы» и теперь готовились к атаке.

Глухов приготовился к стрельбе, выцелил крайний левый «мессер», и тут их самолет словно стал падать в яму. Глубокую, отвесную. Это потом,

позже, Владимир понял, что комэска Шпончиков тоже увидел вражеские истребители и бросил самолет в пике. Но это было потом. А в первую секунду Глухова резко приподняло и швырнуло вниз, он опустился на парашютную лямку, на которой сидел, но та не выдержала веса и лопнула. Владимир, падая, ухватился за гашетку пулемета и дал длинную очередь.

Немецкий истребитель пролетел над ними целым — невредимым, а когда они вышли из пике, Глухов увидел, что сам, из своего же пулемета, «рубанул» по собственному хвосту. Пули попали в противовес, перебили передний лонжерон, трос поворота. Тут уж не до боя, вернуться бы домой.

Комэска Шпончиков спрашивает: «Володя, ты живой?» Живой-то, он живой, но от такого позора готов сквозь землю провалиться. Хотя до земли было далеко, и с такими повреждениями на нее еще надо сесть.

Три раза комэска Шпончиков заходил на посадку. Дважды неудачно, на третий раз с трудом приземлился.

Встревоженный командир полка примчался к ним на полуторке:

— Что случилось, ребята?

Шпончиков выпрыгнул из кабины, спустился на землю, осмотрел хвост:

— Вот сукин сын, фашист, засадил нам...

В это время техник Глухов, сгорая от стыда, говорит сверху, из кабины стрелка:

— Леонид, да это я сукин сын. По своему хвосту засадил.

А комполка, слушая диалог пилота и горе-стрелка, только головой покачивает, да ладонью подзывает к себе Глухова, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Но, как говорится, не бывает худа без добра. Техник Глухов потом трое суток не вылезал из-под самолета, а командир полка приказал усилить ту самую лямку, что оборвалась под Владимиром. И стрелки больше не падали в кабине и по собственным хвостам не били.

Таков был его первый и... последний вылет. Он помог понять молодому технику свое истинное место в боевом строю.

Старший сержант, а потом и старшина авиационно-технической службы Владимир Глухов участвовал во взятии Варшавы, а позже Берлина. День Победы встретил в 30 километрах от столицы Германии, в местечке Бухгольц. Оттуда их 567-й штурмовой Берлинский авиационный полк наносил удары по врагу.

...Его фронтовые воспоминания испуганно отлетели вместе с отвратительным лязгом тюремных запоров. Он открыл глаза. Вошел тюремщик с подносом в руках и поставил перед ним на стол завтрак.

Но Владимир Алексеевич к еде не собирался притрагиваться.

Он поднялся, умылся, присел к столу. «Что сегодня в меню у голландской контрразведки? Допрос? Ну что ж, к допросу мы готовы...»

Следователи не заставили себя долго ждать. Позвали. Усадили напротив. Опять посыпались дежурные вопросы о том, как он склонял к измене Лоджина.

Казалось, ничего нового — те же лица, те же вопросы. Но что-то изменилось. Что? Владимир Алексеевич заметил: следователи нервничали. Нервозность чувствовалась во всем — в поведении, в тональности речи. Куда-то исчезли учтивость и интеллигентность, вальяжный тон хозяев сменился раздражением, резкими, требовательными выкриками.

Потом, после освобождения, уже на родине, он узнает причины нервозности следователей — прокурор торопил контрразведчиков.

Арест генерального представителя «Аэрофлота» стал достоянием общественности, сообщения появились на первых полосах голландских газет. День проходил за днем, а власти не могли представить доказательств шпионской деятельности Владимира Глухова. Подозрения имелись, а вот фактов не было. Надеялись, что факты выбьют в тюрьме. Не получилось. И потому прокуратура настаивала — либо подтверждение, расследование и суд, либо свобода Глухову.

Но свободу давать не хотелось. Это же удар по имиджу спецслужбы. Во что бы то ни стало надо выбить признание у арестанта.

И тогда следователи пустились во все тяжкие. Они заявили Владимиру Алексеевичу, что сопротивление бесполезно, он изобличен как советский шпион.

— Это откуда такие данные?

— Ваша жена изобличила вас, — заметил «сухощавый» и торжествующе объявил: — Она и ваш ребенок находятся в наших руках.

Он пристально смотрел в лицо Глухова. Ждал реакции, испуга. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Владимира Алексеевича.

— В то, что вы взяли в заложники мою жену и ребенка, верю. Вы меня избили и затолкнули в машину, не предъявив никаких документов, а уж с бедной женщиной и маленьким ребенком точно справились. Но вот то, что она сказала якобы, что я шпион, — ложь. Грязная ложь.

Это были его последние слова. Глухова вновь препроводили в камеру. А в камере?.. Полная свобода в четырех стенах. Делать нечего. Бить степ уже нет сил. Зато вспоминать никто не мешает.

...После победного мая 1945 года их полк перевели на север Германии — в Витшток. А вскоре в штаб полка пришла телеграмма — направить на

учебу в Харьковское авиационное техническое училище одного человека.

Жребий пал на него. Владимир согласился. Хотелось учиться, ведь что у него за плечами — десятилетка да курсы усовершенствования. А тут военное училище. В июле 1945-го он уже был в Харькове, надел курсантскую форму. Занимался старательно, исполнял обязанность замкомвзвода.

Хорошо бегал на лыжах, стал чемпионом училища, потом и на городских соревнованиях занял первое место.

После окончания обучения ему присвоили звание лейтенанта и оставили в родном училище. Через два года училище преобразовали в высшее инженерное авиационное, и он вновь стал слушателем. Спорт не забросил: завоевал титул чемпиона округа, потом Украины по лыжным гонкам, успешно участвовал в первенстве Вооруженных Сил.

В 1954 году — выпуск. На мандатной комиссии ему объявляют: «Товарищ капитан, вы назначаетесь начальником ТЭЧ в истребительный полк на Сахалин».

Он пытался было сказать, что у него как у отличника право выбора, но его тут же осадили — приказ главкома ВВС не обсуждается.

Ехать на Сахалин не особо хотелось, но что поделаешь. Погрустили с женой да и стали собирать чемоданы. Однако через день его вновь вызывали в училище к начальнику курса.

«Произошла ошибка, — говорят, — это ваш однофамилец едет на Сахалин, а вы — в Ригу, старшим инженером авиаполка».

Так он попал в 43-й авиационный полк, отслужил там два года, был повышен в должности, назначен заместителем командира по инженерно-авиационной службе. Но судьба вновь сделала резкий поворот.

После беседы с представителем из Москвы (хотя никто не знал, откуда эти представители) ему сказали:

— Вы подходите для обучения в Военно-дипломатической академии.

Глухов снова стал студентом. Теперь его учили совсем другому — разведке.

В 1959 году он окончил академию и был назначен в Лондон. Официально его должность именовалась так: старший инженер торгового представительства СССР в Великобритании.

Владимир Алексеевич прошел двухмесячную подготовку в Министерстве внешней торговли и уже в ноябре вместе с семьей убыл в Лондон. По приезду попал, что называется, в среду людей гражданских. Коллегами по торгпредству были в основном инженеры, окончившие институты, Академию внешней торговли.

Сам он, если спрашивали, говорил, что окончил Харьковский авиационный институт, работал в промышленности. И вот оттуда его и выдвинули в зарубежную командировку. А язык? Язык любил давно, еще со школы, совершенствовал сам, занимался на курсах. Такова была легенда.

Торгпредской работе отдавался полностью, трудился на совесть. Понимал, важно, чтобы в первую очередь в легенду поверили свои, тогда и контрразведка поверит. Так он стал своим среди своих, торгпредских.

Что же касается разведки, то старался заводить нужные связи. Именно такую задачу ставил ему резидент. Потом эти связи Глухову очень помогут.

Из британской командировки Владимир Алексеевич возвратился в Москву в конце 1962 года. Хотя возвращаться, собственно, было некуда. Это в Лондоне у него была квартира, а в Москве пришлось снять угол. Правда, вскоре ему выделили жилплощадь, пусть «хрущевку», но зато двухкомнатную, отдельную. О большем в те годы и мечтать не приходилось.

В Центре он попал в англо-американское управление, на должность старшего офицера. В этот период как раз разоблачили предателя Пеньковского. Разгорелся скандал. Начальника ГРУ Серова разжаловали и сняли с должности. Под «раздачу» попал заместитель Серова — генерал Рогов и многие другие генералы и офицеры. Мог попасть и он. Но бог миловал. Хотя, как говорят в разведке, был в шаге от провала.

Пеньковский приезжал в Лондон на промышленную ярмарку и посетил резидента военной разведки генерала Толоконникова. Он сидел в кабинете резидента, а Глухов в это время работал над отчетом. Печатал, перечитывал... По ходу возник вопрос. Владимир Алексеевич взял бумаги и пошел к Толоконникову. Подошел, взялся было за ручку двери, да услышал громкий смех в кабинете. Стало неудобно как-то мешать шефу, все-таки гость у него. Повернулся и зашагал себе. Так их встреча, к счастью, не состоялась.

Два года проработал Глухов в Центре, а в 1964-м прошел выездную комиссию, подготовку в «Аэрофлоте» и приступил к обязанностям генерального представителя авиакомпании в Нидерландах.

...В камере было тихо. Не слышно даже шагов тюремщиков за стеной. Владимир Алексеевич медленно возвращался к реальности.

«Что они придумают еще? Неужели действительно арестовали жену и сына? Как же так, ведь первым делом ребята должны были вывезти их в посольство».

И верилось, и не верилось. «Да нет, не могло такого случиться. Врут подлые голландские контрики».

Они и действительно лгали самым наглым образом. Сразу после ареста жена и сын Глухова были доставлены в советское посольство, с ними рядом всегда находился кто-то из друзей, сослуживцев. Резидент, опасаясь за здоровье жены, запретил даже рассказывать ей, о чем пишут местные газеты.

...Семь дней провел в тюрьме Владимир Глухов. Ничего не добившись и не сумев доказать вину нашего разведчика, голландские спецслужбы были вынуждены отпустить Владимира Алексеевича на свободу.

Случилось это 18 апреля 1967 года. Утром его забрали из камеры и проводили в небольшой зал. Здесь объявили: «Господин Глухов, вы освобождаетесь за недоказанностью обвинения».

На столе в строго разложенных конвертах лежали документы, бумажник. Рядом со столом пятнадцать человек — тюремщики и та самая бригада «контриков», которая его арестовывала.

Глухов пожал руку чиновнику, который зачитывал постановление прокурора, а старшему бригады контрразведчиков руки не подал.

— Этому преступнику я руки не подам, — сказал жестко и твердо.

«Контрик» опешил, покраснел. Глухов развернулся и зашагал к выходу.

У ворот тюрьмы его встречали не только сослуживцы, но и корреспонденты. Машина быстро домчала его в посольство. После семи дней голодовки он немножко поел, слегка отдохнул и пошел на доклад к послу.

На следующий день Владимир Глухов с семьей улетал на Родину. На выходе из дома его вновь взяли в плотное кольцо журналисты. На этот раз он пообещал ответить на вопросы в аэропорту. Там в окружении фото— и телекамер Владимир Алексеевич заявил, что с уважением относится к голландскому народу и свой арест считает провокацией.

В тот же день Глухов с семьей уже был в Москве.

А вскоре появилась реакция Советского Союза на арест генерального представителя «Аэрофлота». В этом заявлении говорилось, что «19 апреля 1967 года Глухов В.А. прибыл из Амстердама в Москву, где был принят начальником ГРУ генерал-полковником Ивашутиным П.И. На другой день принят министром гражданской авиации маршалом авиации Логиновым Е.Ф.

Приказом министра обороны СССР Глухову В.А. за мужество и стойкость, проявленные при срыве провокации противника, была объявлена благодарность.

Советское правительство не стало применять к представителям

компании КЛМ жестких ответных мер, хотя на это были обоснованные причины».

Рядовой военной разведки

Гриша Михляев осиротел рано. В 1924 году, когда ему было всего девять лет, умерла мать, через год — отец. Хозяйство отца, Фрола Михляева, разделили между собой его братья. Сироту Гришу определили в семью к среднему брату Михаилу.

У брата жилось несладко. Жена Михаила Евдокия имела характер необузданный и жестокий. Работала много, от зари до зари, и подобного подхода требовала от всех членов семьи. Несмотря на юный возраст, Григорий наравне со взрослыми косил, жал серпом, вручную молотил, скирдовал снопы ржи и пшеницы.

В сельской школе уже второй месяц шли занятия, а сноха Евдокия и не думала отпускать Гришу в школу. Надо было пасти свиней. А ему так хотелось в класс, к учительнице, к ребятам, которые каждый день обучались чему-то новому.

Однажды он бросил ненавистных свиней в поле и тайком убежал в школу. Учительница Мария Николаевна встретила его приветливо, выдала учебники, тетрадки, карандаши. Григорий с наслаждением слушал все то, что она говорила, и только иногда, вспоминая брошенных свиней, чувствовал, как холодок пробежал по спине. Если что случится с поросятами, жестокая тетка Евдокия этого ему не простит.

Сразу после уроков он огородами пробрался к своему двору, спрятал в скирде учебники и тетрадки и побежал искать свинское стадо. Как назло, случилось то, чего боялся Гриша. Взрослые свиньи искалечили подсвинка, сломали ему ногу.

В слезах мальчик пригнал домой стадо. Брат Михаил, увидев такое, осерчал, схватил ремень. Гриша бросился наутек. Дотемна скрывался вдалеке от дома и лишь ночью возвратился в хату. Крадучись, забрался на полати.

В доме пахло ужином. Все члены семьи отдыхали. Гнев в сердце брата и снохи поутих. Кто-то кликнул Гришу к столу, его поддержали другие. С опаской спустившись с полатей, мальчик поел, давась от слез и обиды.

Утром брат Михаил усадил за стол напротив себя Григория, поговорил с ним ласково и по-доброму. «Ты не серчай, — сказал брат, — поработай еще недельку, а потом пойдешь в школу».

У Гриши от радости запела душа. С малолетства он хотел учиться. С

книгой никогда не расставался. Она всегда была у него за поясом. Выдастся свободная минутка, другие дети бегают, шалят, а Григорий — за книгу. Читал все, что доставал в школьной библиотеке, брал у товарищей, знакомых. Любил рассказывать о прочитанном. Знал много сказок, былин. Постоянно записывал песни, частушки, деревенские истории.

По соседству с ними жила тетка Агриппина. Она хоть и была чужая, но для Гриши роднее родных. Он часто прибежал к ней. Агриппина угощала его чем-нибудь вкусеньким: то шанежки испечет, то медку нальет. Угощала да все приговаривала: «Учись, Гришуня, сиротиночка моя. Только грамота поможет вырваться тебе из этой глухомани».

Наставления тетки Агриппины глубоко западали ему в душу.

Гриша Михляев быстро вырослел. После окончания сельской школы он считал себя уже вполне самостоятельным. Сам принял решение и уехал учиться в школу колхозной молодежи. Жил то у дальнего родственника, то в общежитии школы. Питался в школьной столовой.

После окончания школы колхозной молодежи заехал в родную Дубровку, собрал свои скромные пожитки и навсегда покинул деревню.

Поступил в Красноуфимский педтехникум. Занятия первокурсников в тот год почему-то отложили на месяц и приказали им посещать лекции для второго курса. Вскоре из его набора в техникуме не осталось никого. Видать, напугали ребят трудности. Ведь они окончили всего 7 классов, а их сразу заставили слушать лекции за второй курс.

Ушел из техникума и Григорий. Уехал в Златоуст. Там у него жил дядя. Добирался на поезде четверо суток, без денег, без еды. Сердобольные соседки по вагону иногда угощали его то кусочком хлеба, то картошкой.

Добравшись до Златоуста, первым делом решил пойти в райком комсомола. Пришел, рассказал свою нехитрую историю. В райкоме помогли, устроили на работу, на должность налогового агента.

В райфинотделе встретили по-доброму. Выдали буханку хлеба и спецодежду — валенки и полушубок.

А через полгода пришла разрядка по набору студентов в Пермский финансово-экономический техникум. Григория Михляева отправили на учебу, на финансовый факультет.

Жить и учиться было тяжело. Снабжение по карточкам. В столовой кормили скудно. Иногда доставался только стакан воды да кусок черного хлеба. К концу первого года обучения из 120 человек в техникуме задержалась лишь половина.

Но Григорию отступать было некуда. Он терпел. Учился, учился... После окончания техникума получил назначение. Теперь его должность

именовалась высоко и ответственно — инспектор бюджета Кировоградского райфинотдела.

В район входило два промышленных города, 8 поселковых советов, 16 сельских советов. Как раз, когда Григорий прибыл на работу, в райфинотделе составляли бюджет на 1935 год. Его строго предупредили — будь осторожен. На местах работают старые, опытные бухгалтеры, секретари сельсоветов, могут обмануть. И он осторожничал. Вместо того чтобы поддержать предложения специалистов с мест, придирчиво срезал расходы, завышал доходы.

Словом, в 1935 году Кировоградский район с бюджетом, сверстанным молодым специалистом Михляевым, по сути, сел на голодный паек. Жизнь оказалась намного сложнее формул, выученных в техникуме.

Однако уже в следующем году Григорий учел ошибки и новый бюджет сверстал умело. Район оказался в очень выгодном положении.

Возможно, карьера молодого инспектора и дальше развивалась бы столь успешно, но пришла осень 1936 года, а с ней и призыв в Красную армию. Районное руководство не хотело терять толкового специалиста и всячески отговаривало Григория от солдатчины, обещая освободить от службы. Но Михляев не согласился.

Проводы организовали торжественные, с оркестром, с застольем. Григория назначили старшим команды призывников в 400 человек и отправили в Нижний Тагил.

По прибытии всех распределили по командам. Михляеву сообщили, что он вскоре будет направлен для прохождения службы в город Свердловск, в артиллерийский полк. Но вскоре командиры решение свое изменили и оставили его в городском военкомате.

После серьезной нагрузки в райфинотделе служба в военкомате показалась легкой прогулкой, хотя он один заменял двух писарей. Вскоре Григория избрали секретарем комсомольской организации, делегировали на областную конференцию. Через год он уже исполнял обязанности начальника финотдела.

Предложили остаться на сверхсрочную. Согласился. А в 1938 году в горвоенкомат пришла телеграмма: «Михляева Г.Ф. срочно откомандировать в распоряжение Политуправления Уральского военного округа». Там его уже ждала должность заведующего делопроизводством. Через год присвоили звание техника-интенданта 2-го ранга, потом 1-го ранга. Накануне войны Михляев стал начальником общего отдела Политуправления округа.

«Отпустите на фронт»

...22 июня 1941-го многие офицеры Политуправления ушли на фронт. Двух помощников Григория Фроловича тоже забрали в войска 22-й армии. Но его оставили. Через полтора месяца у него должна была родить жена, да и дочь совсем маленькая.

И тем не менее он рвался на фронт. Но заместитель начальника политуправления полковник Шевченко и слушать не хотел просьбы Михляева. Вырваться удалось, когда Шевченко сам был откомандирован в действующую армию. Однако Григорий попал на фронт не сразу. Сначала был направлен на учебу в Военно-политическую академию. После ее окончания начальник резерва подполковник Золотухин, увидев его на пороге собственного кабинета, встретил как родного:

— Мне опытный помощник нужен позарез!

— Да уж, я пишу рапорта, рвусь на фронт, а вы меня опять за бумаги.

— Ладно, Григорий, осмотришь, помоги мне немного, а потом приглядишь тебе фронтную должность.

Однако осматриваться Михляев долго не собирался, допек он начальника резерва, тот только рукой махнул:

— Езжай на 2-й Украинский фронт. Подойдет?

— Да мне все равно, хоть на 1-й Украинский, хоть на 2-й.

По прибытии на фронт в первый же день его разыскал посыльный и передал приказ: срочно явиться к начальнику отдела кадров полковнику Калмыкову. Прибыл. Получил боевую задачу — вместе с начальником политотдела 6-го стрелкового корпуса, который находится на переформировании, принять политсостав соединения и доложить.

Где находится корпус? Полковник указал точку на карте. Как добираться? Попутным транспортом.

Через пять дней Михляев в третьем часу ночи докладывал полковнику Калмыкову о политсоставе корпуса. Выслушав доклад, полковник сказал: да ты толковый кадровик. И это предопределило его будущую судьбу. Михляева опять, как и в Москве, направили работать с резервом.

Получалось — чем лучше, тем хуже. Он делал хорошо порученную работу, и это отодвигало его от линии фронта, куда он хотел попасть еще с июня 1941 года.

Григорий Фролович вновь писал рапорта, просился послать комиссаром полка. Но ему отвечали: комиссаров у нас достаточно, а вот

опытных кадровиков катастрофически не хватает. Все, чего добился своими настойчивыми просьбами, — перевод из кадров Политуправления фронта в политотдел 37-й армии.

Политотдел нашел в украинской хате под Кривым Рогом, представился начальнику отделения кадров подполковнику Паплинскому.

Высокий, косая сажень в плечах, с пышной шевелюрой, подполковник встретил его радушно.

— Вот тебе рабочий стол. Принимай людей. Вечером мне на подпись приказы о назначениях, представления на награждение.

Горечь захлестнула сердце. Ну что за судьба, опять вместо фронта, вместо живой, боевой работы — канцелярия. Да, нужная, необходимая, но канцелярия.

Оглядевшись, поговорив с офицерами отделения кадров, Михляев и вовсе отчаялся. Оказалось, никто из них штабным делом в армейских частях не занимался и тонкостей этой работы не знал. Все были призваны с «гражданки» по мобилизации.

Сам Паплинский до войны трудился секретарем ростовского райкома партии, в военном деле был слабоват, изучением политсостава армии заниматься не любил и потому кадры не знал.

С документами на доклад ходить боялся, особенно к члену военного совета или к командующему армией. Те, по обыкновению, спрашивали мнение главного армейского кадровика о том или ином офицере-политработнике, интересовались, кто находится в резерве на случай срочной замены выбывших из строя. Паплинский зачастую не мог ответить на эти вопросы, терялся и получал взбучку. Так что опытный помощник ему нужен был как воздух. И отпускать Михляева в войска он, разумеется, не собирался.

Тем временем 37-я армия вела тяжелые бои за освобождение Правобережной Украины. Войска принимали участие в Никопольско-Криворожской, затем в Березнеговато-Снигиревской, а позже и в Одесской операциях.

Хватало работы и отделу кадров. Михляева вызвал к себе начальник политотдела армии полковник Мельников. До войны он занимал должность секретаря московского горкома комсомола. В политотделе знали его взрывной, необузданный характер и потому сторонились встреч с полковником. Он мог взорваться без причины, по пустяку оскорбить офицера.

— Подготовьте к утру наградной лист на начальника политотдела шестого стрелкового корпуса полковника Паньшина, — приказал

Мельников.

— К какой награде представлять? — уточнил Михляев.

Начпо задумался:

— Пожалуй, к ордену Ленина...

Григорий Фролович, как и положено, взял под козырек, вышел от Мельникова, а сам думает: на дворе десять часов вечера, наградной лист должен быть готов к утру, этого Панышина он в глаза не видел, в чем отличился, не ведает.

С чего начать? Пошел к офицерам в оперативный отдел. Они уж точно все знают про бои и походы. Те вытащили карту прошедших боев за Кривой Рог. Вот тут и пригодились знания, полученные в Военной академии им. В.И. Ленина. За ночь удалось написать весьма грамотное представление. Мельников прочитал текст, удовлетворенно улыбнулся:

— Ну что, Михляев, по такому наградному листу Панышину в пору Героя Советского Союза давать.

Вскоре начальник политотдела корпуса получил орден. Наверное, он и представить себе не мог, что кроме него высокой наградой очень радовался офицер отделения кадров Григорий Михляев.

Да, каждый на войне делал свое дело. Григорий Фролович мотался по частям, устанавливал потери, готовил документы на офицеров из числа резерва, составлял наградные листы на отличившихся в боях, писал представления на присвоение званий, работал над текстами приказов на подпись командующему армией. Словом, занимался своей, пусть и канцелярской, незаметной, но такой нужной работой.

Числился он в штате Полевого управления и нередко получал задачи, весьма далекие от его обязанностей. Как-то поручил ему полковник Мельников срочно выехать и захватить несколько украинских хат для размещения политотдела.

Выехать-то он выехал, да опоздал. Квартирьеры уже все хаты расписали между подразделениями штаба. Словом, «захват» не удался. Начальник политотдела был крайне недоволен, обругал Григория площадной бранью. Тот сильно расстроился. Успокоили товарищи по отделению кадров: мол, начпо не переделаешь, хам он и дуболом, так что волноваться из-за этого себе дороже.

...Первого мая 1944 года Михляеву было поручено довести приказ Сталина до личного состава 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Рано утром на старой лодке-плоскодонке он переплыл реку Днестр, бегом добежал до траншей, которые располагались у стен крепости Бендеры, нашел начальника политотдела дивизии полковника Воронцова и

доложил о цели своего прибытия. Полковник коротко ознакомил его с боевой обстановкой и выделил в помощь двух инструкторов.

Теперь предстояло добраться до передовой. Скрытно, используя складки местности, доползли, дошли до передовых траншей. И тут их взору предстала жуткая картина: в окопах лежали трупы наших солдат и офицеров. Видимо, по ним был нанесен внезапный артиллерийский удар, заставший воинские части врасплох: кто-то не донес до рта ложку, кто-то упал, не успев поднять автомат. В одном полку нашли лишь живого замполита да несколько солдат, в другом из офицеров остался командир, парторг и 18 бойцов.

Михляев связался с полковником Воронцовым по телефону, доложил страшную картину, сказал, что замполит полка майор Авдеенко погиб. Воронцов не поверил, недавно он с майором говорил по телефону.

Вдруг во время разговора Воронцов кричит в трубку:

— Капитан Михляев, по данным разведки, вас атакует противник, пехота с танками. Примите меры к отражению!

На этом телефонная связь обрывается. Вместе с командиром полка Михляев собрал оставшихся в живых офицеров и солдат, и они приняли бой. Немцам прорваться не удалось. Атаку отбили.

За один день 1 мая таких атак было шесть. Но десантники не дрогнули.

Поздней ночью инструктор отделения кадров Михляев возвратился в штаб, доложил обстановку, рассказал о боях. Командованием армии были предприняты срочные меры, и к утру 2 мая на Клицканский плацдарм переброшены свежие подразделения и боевая техника. А Григория Михляева, возглавившего оборону в одной из частей дивизии, за мужество и героизм наградили орденом Отечественной войны 2-й степени.

Позже ему пришлось участвовать в боях вместе с офицерами политотдела 195-й стрелковой дивизии и с передовыми частями дойти до реки Прут, где встретились воины двух фронтов — 2-го и 3-го Украинских. Тогда в котел попало 18 дивизий врага общей численностью около 300 тысяч человек.

Далее войска 37-й армии прошли Румынию, Болгарию. Штаб армии разместился в Софии. Офицеры квартировали в здании мужского монастыря, жили в кельях.

День Победы встретили 7 мая 1945 года. На офицерском собрании выступал генерал-полковник Бирюзов, рассказывал о том, как готовилась, разрабатывалась Ясско-Кишиневская операция. И вдруг в городе поднялась стрельба, фейерверк. Победа, Победа! Солдатский телеграф передал:

немцы подписали капитуляцию. Разумеется, и штаб 37-й армии подключился к торжеству. Отпраздновали, а наутро радио молчит. Оказалось, в Париже наш военный атташе генерал Суслопаров, не имея на то полномочий, принял капитуляцию.

Пришлось праздновать второй раз. Признаться, это было не менее приятно, чем в первый. Так завершилась война для Григория Фроловича Михляева. Что дальше? Он пока не думал. Служил. Но вскоре судьба сделала резкий и неожиданный поворот.

Офицер военной миссии

Летом 1945 года в штаб 37-й армии прибыли два офицера. Их задачей был отбор кандидатов для поступления в Военно-дипломатическую академию.

Из всего офицерского состава армии они выбрали всего четверых. Среди них — капитан Григорий Михляев. В те годы академия квартировала в здании бывшего пединститута на Большой Грузинской улице.

Через четыре года, в 1949-м, после окончания академии и стажировки в оперативном управлении Главного разведуправления Григорий Михляев был назначен на должность помощника начальника Советской военной миссии при главнокомандующем Британской Рейнской армией в английской зоне оккупации Германии.

Миссию возглавлял полковник Иван Степанов. В задачи миссии входило поддержание связи с главкомом Группы советских войск в Германии, наблюдение за оккупационными войсками Великобритании, Канады, Бельгии, Нидерландов, находившихся в этой зоне, а также за немецкими формированиями так называемых чернорубашечников. Офицеры миссии оказывали помощь советским гражданам-репатриантам, насильно угнанным в Германию во время войны.

Приехав впервые в Германию, Михляев еще не знал, что вся его жизнь в разведке будет связана с этой страной. Три командировки, в общей сложности тринадцать лет, отработает он на немецкой земле.

Все это время Григорий Фролович будет активно заниматься оперативной работой: проводить вербовку, руководить агентурой, разрабатывать агентурные операции.

Те годы, когда он по возвращении из командировок работал в аппарате ГРУ в Москве, в оперативном управлении, на немецком и австрийском направлениях, давали возможность оценить свою деятельность с позиций центра, изучить опыт других сотрудников, принимать непосредственное участие в разработке операций стратегической и оперативной разведки.

Однако возвратимся в те далекие годы, когда выпускник Военно-дипломатической академии Григорий Михляев работал в качестве помощника начальника Советской военной миссии.

Время было непростое. Из бывших союзников США, Великобритания, Советский Союз превратились в противников в «холодной войне». А ведь разведка, как известно, всегда на пике противостояния. На провокации

англичане не скупилась. Естественно, целью этих провокаций были в первую очередь советские офицеры, работавшие за рубежом. К примеру, сотрудники той же военной миссии.

Пришлось и Григорию Михляеву дважды побывать в роли арестованного и даже посидеть в тюрьме.

Все произошло в городе Золингене, что в Рурской области Германии. Как-то вечером, двигаясь на автомобиле, Михляев обратился к прохожему с вопросом, как доехать до населенного пункта. Мужчина ответил, что направляется туда же и готов показать дорогу.

Григорий Фролович пригласил его в машину. По дороге разговорились. Оказалось, случайный попутчик во время войны служил в вермахте, воевал на Восточном фронте, в России, на Украине. Он с удовольствием вспоминал удивительную природу Украины, где он провел больше года. Разговор оживился. Поскольку немец жил в городке, который входил в сферу интересов нашей разведки, Михляев предложил встретиться еще раз. Тот согласился.

Через неделю увиделись снова, вечером, после работы. Разумеется, об этой встрече знал и дал «добро» на ее проведение начальник миссии.

Приезжая на встречу, Михляев проверился — нет ли «хвоста». Немец ждал его в условленном месте. Наш разведчик поздоровался, передал подарки, в основном — продукты. С продовольственным снабжением в Германии тогда было туго, и растроганный немец пригласил Григория Фроловича к себе в гости.

Разговор был недолгим, а когда гость и хозяин покинули дом, вооруженные полицейские неожиданно взяли их в кольцо, схватили, надели наручники и для острастки несколько раз «перетянули» дубинками. Потом втолкнули в полицейскую машину.

В полицейском участке провели тщательный досмотр. Задержанных раздели до трусов. Ничего не найдя, полицейский тем не менее сел составлять протокол. На что Михляев заявил протест и потребовал представителя главкома Британской Рейнской армии по званию не ниже подполковника. К тому времени Григорий Фролович был уже подполковником.

Представитель не приехал, а Михляева и его водителя отправили в местную тюрьму, посадили в одиночные камеры.

Утром в камере появился британский майор. Представился, показал удостоверение личности, раскрыл блокнот, чтобы провести допрос. Но Михляев попросил его не торопиться.

— Господин майор, — сказал советский подполковник, — вы хоть и

ниже меня по воинскому званию, но я готов с вами говорить. Однако я буду отвечать на ваши вопросы только в присутствии начальника Советской военной миссии при главкоме Британской Рейнской армии.

Майор согласился и предложил проехать в соседний город Бохум.

— Как будем следовать? — спросил Михляев. — Вы меня закуете в наручники?

— Нет, — ответил англичанин, — будете следовать в своей машине следом за нами.

Полицейские проводили Михляева и его водителя до автомобиля. В дороге подполковник спросил солдата:

— Тебя допрашивали?

— Да, пытались, но я ничего не понял и послал их... Отстали.

— Вот что, Ершов, — проговорил Михляев, — попали мы с тобой в грязную историю. Что с нами будут делать дальше, не знаю. Может, силой затащат в контрразведку, арестуют и переправят в Лондон, а потом объявят, что мы попросили политическое убежище. Поэтому слушай боевой приказ. Если я замечу, что дело наше плохо, я дам команду. По этой команде крутни руль, направь машину, да так, чтобы после удара от нас осталось только мокрое место. Изменниками Родины мы никогда не будем.

— Будет сделано, товарищ подполковник, — ответил солдат, и Михляев не усомнился ни на минуту в его искренности.

В Бохуме подъехали к особняку, над входом которого висела вывеска — военная контрразведка БРА. Машина британца затормозила у дверей, Михляев приказал водителю остановиться поодаль, у обочины дороги. Однако их все-таки заставили заехать во двор, и тут же две полицейские машины блокировали выезд.

Англичанин пригласил пройти в дом. Михляев отказался:

— Вы обещали беседу в присутствии моего начальника. Но я не вижу его машины.

Майор скрылся в доме, но вскоре вышел на крыльцо.

Он помахал рукой.

— Ваш начальник ждет у телефона.

Михляев так же помахал в ответ:

— Тогда передайте ему, что я арестован и жду его приезда. Из машины не выйду. Меня незаконно задержали, били дубинкой, держали в тюрьме. Я устал и отдохну здесь, на улице. Если хотите затащить меня силой, пожалуйста, двери автомобиля открыты. Но это будет насилие над советским офицером, представителем главнокомандующего Группой советских войск в Германии.

В последующие 6 часов английские контрразведчики предприняли несколько попыток заманить советских военнослужащих в особняк. Они предлагали выпить кофе, пообедать, обсудить сложившееся положение. Но ничего не вышло.

Вечером, уже в который раз, английский майор появился у машины Михляева и, важно надувшись, объявил:

— Если вы добровольно не примете приглашение войти в дом, мы будем вынуждены отправить вас к месту пребывания с военным эскортом.

Вместо огорчения Григорий Михляев весело приветствовал такое мудрое решение. У майора сначала вытянулась от удивления физиономия, но потом он и сам не удержался, расплылся в улыбке.

После этого в машину с Михляевым сел английский подполковник, и в сопровождении двух полицейских автомобилей они были доставлены в город Бад-Зальцфлен, на место постоянной дислокации Советской военной миссии.

По прибытии Григория Фроловича проводили в кабинет начальника британской военной миссии, где его уже ждал полковник Степанов.

Возвратившись к себе, Григорий Михляев подробно доложил о случившемся руководителю. Степанов был опытным военным дипломатом, разведчиком, в свое время работал в военном отделе ЦК.

— Теперь главное — все толково доложить Центру, — сказал он, — от этого зависит твоя судьба.

Степанов сел писать телеграмму и вечером направил ее в Москву. Через два дня, показавшиеся Михляеву вечностью, пришел ответ. За мужественное и стойкое поведение при силовом задержании начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР объявил подполковнику Михляеву Григорию Фроловичу благодарность.

Советское правительство выразило протест, и англичане были вынуждены извиниться.

Однако провокации против советских военных дипломатов продолжались. Вскоре во французской зоне оккупации задержали двух наших офицеров военной миссии. В отличие от Михляева их заманили в полицейский участок, подвергли допросу, они подписали протокол.

Старший по званию, подполковник, был немедленно отозван в Советский Союз и уволен из армии. Младшего, майора, тоже отозвали, объявили строгий выговор, но оставили на службе.

Откровенно говоря, Михляев надеялся, что шум с его задержанием со временем поутихнет и он еще поработает во благо военной разведки. Но не тут-то было. Англичане не простили Григорию Фроловичу неудавшуюся

подставу. Еще бы, отпустили ни с чем, да потом и извиняться пришлось на самом высоком уровне. На этот раз они поступили иначе. Сумели заранее просчитать реакцию руководства ГРУ. Михляева вместе с другим офицером, майором Николаем Дутовым, арестовали, однако на сей раз не расспрашивали, протокол не составляли, подписывать его не просили. Они просто бросили офицеров в тюрьму, в одиночные камеры. Продержав ночь, без извинения и объяснения причин — выпустили.

Позже в разговоре с автором очерка Григорий Михляев так прокомментирует это задержание: «В общем, ни слова не сказав, отпустили. Я сразу понял, это неспроста. Англичане что-то задумали. Надо ожидать развязку. На этот раз они сами ввязываться не стали, а оставили нас лицом к лицу с дорогими начальниками. Они точно рассчитали, стоит нас задержать и посадить в тюрьму хотя бы на одну ночь, подобного руководство ГРУ не простит. Видимо, я им порядком надоел и очень хотелось убрать меня из английской зоны».

Так и случилось. Задержание Михляева и Дутова вызвало в Центре настоящий переполох. В Берлин вылетел первый заместитель начальника ГРУ генерал-лейтенант Федор Феденко и направленец полковник Борис Елсуков.

С первых же минут, как только Михляев и Дутов предстали перед очами начальства, началось расследование — тщательное, вездливое, дотошное. Десятки вопросов, письменные объяснения. На каком расстоянии была остановлена машина, как уходил на встречу, что видел, что знаешь о засаде. Нарисуйте схему расположения места встречи, привяжите ее к плану города. Сколько полицейских было при вашем аресте, как они были одеты? Что спрашивали они, что отвечали вы? Какие вопросы задавали в тюрьме? Где вы содержались?

Все закончилось разбором на заседании военного совета Группы советских войск в Германии в Вюнсдорфе. Заседание вел сам главнокомандующий маршал Василий Чуйков.

Он дал слово подполковнику Михляеву. Давай рассказывай, как ты попал в тюрьму. Григорий Фролович докладывал 35 минут. Когда закончил, увидел, как член военного совета группы войск генерал Пигунов склонился к маршалу и негромко сказал: «Да офицеры — честные работники, а вот начальники у них — дураки».

Михляева отпустили. Не успел он закрыть дверь, как маршал грохнул по столу кулаком и поднял со своего места генерала Феденко. Начинался разбор полетов.

Результат: хитрые англичане добились своего, из английской зоны

оккупации убрали двух опытных советских разведчиков. Через несколько дней они уже возвратились в Москву.

Первая командировка Григория Михляева была завершена.

После работы в Центре в 1955 году он вновь уедет в Берлин, теперь уже на долгих семь лет.

А был ли Венк?

«Знаете, — скажет как-то в беседе со мной Григорий Фролович Михляев, — в разведке можно служить по-разному. Мне доводилось встречаться с офицерами, которые под всякими предложениями уходили от вербовочной работы. Вербовка агентов — дело трудное и опасное. И не каждому под силу. Некоторые откровенно говорили: “Зачем мне рисковать? Искать новые источники, возиться с ними, вербовать, потом попадать в неприятные истории. Я буду собирать информацию, обрабатывать и регулярно посылать ее в Центр. Меня не обвинят в бездеятельности, и в то же время всегда буду “чист” перед контрразведкой”».

После этих слов полковник замолчал и потом добавил: «Но это не разведчики». Да, действительно, это не разведчики. Совсем по-иному подходил к своей работе Григорий Михляев. О нем можно сказать одно: он — вербовщик. А вербовщики — элита разведки. И не каждому суждено войти в их число.

Ведь в конечном итоге ценность оперативного сотрудника целиком зависит, если так можно выразиться, от качества подобранных им агентов. Какими чертами должен быть наделен вербовщик? Трудный вопрос. Это зависит от многих обстоятельств, например непосредственно от оперативной обстановки.

Сам Григорий Фролович среди таких качеств выделял сильную волю, веру в успех, смелость, находчивость, личное обаяние и умение мастерски вести индивидуальную беседу, не столько говорить самому, сколько слушать собеседника.

Всеми этими качествами обладал сам полковник Михляев. Об этом говорят его вербовки.

Расскажем о некоторых из них.

...Как-то знакомый Георгия Фроловича, работавший на фирме Круппа, представил советского разведчика отставному немецкому генералу, участнику Нормандской операции. Назовем его Гартманом.

После войны генерал получал хорошую пенсию, однако без дела не сидел. По предложению штаба НАТО он писал воспоминания о ходе Нормандской операции. У него в помощниках ходили два капитана и стенографистка. Ценен Гартман был тем, что он имел доступ к архивным документам НАТО, а также штаба бундесвера.

К счастью, в рабочем плане Михляева вербовка генерала по срокам

ограничений не имела. Такое в жизни Георгия Фроловича случалось редко, но тем не менее случалось.

Помнится, вызвал его к себе генерал-лейтенант Феденко и два дня (!) заслушивал соображения Михляева о ходе вербовки Гартмана. В приемной Феденко сидели в ожидании офицеры, откровенно говоря, не понимая, что происходит, но руководитель на другие дела не отвлекался.

Час за часом Феденко выслушивал доводы Михляева, почему не следует спешить с вербовкой Гартмана. К концу второго рабочего дня Георгий Фролович привел последний аргумент: срок вербовки не был ограничен по времени. И это верное решение руководства.

Генерал Феденко от удовольствия даже подскочил в кресле: «Наконец-то я дождался главного».

Ну что же, раз начальство считает это главным, так тому и быть.

Вскоре Гартман был завербован. Позже Григорий Михляев скажет: «Вербовку провел по всем правилам бюрократии того нелегкого времени: взял развернутое письменное обязательство о сотрудничестве, разработал условия личной и безличной связи, провел подготовку к документальному фотографированию, поддержанию связи по радио».

Гартман оказался весьма ценным источником. Между ним и Григорием Фроловичем установились не только деловые, но и личные, добрые отношения. Генерал очень радовался их встречам. Прошедший пламя страшной войны, он многое переосмыслил и часто говорил: «Григорий, я не хочу повторения войны. Ради этого и помогаю вам».

Наиболее памятной для полковника Михляева стала попытка привлечь к работе на советскую военную разведку генерала Венка. Того самого, на которого в последние дни своей жизни так надеялся Гитлер. Он ждал подхода его армии, чтобы отстоять Берлин — столицу Германии. Увы, мечтам фюрера не суждено было сбыться — 12-я армия под командованием Венка потерпела сокрушительное поражение и до Берлина не дошла. Ее остатки попали в плен, сам Венк бежал на Запад и сдался американцам.

После войны он был освобожден, ему назначили пенсию, устроили на работу в одну из фирм Круппа.

В 60-е годы полковник Михляев как раз курировал в Центре немецкое направление. Офицер берлинской резидентуры, назовем его Сергеем Г., вел оперативную разработку. На связи у него был источник Отто. Он как раз таки постоянно рассказывал, что получает информацию по военно-политическим вопросам именно от генерала Венка.

Таким образом, со временем в Центре выросло объемное оперативное дело. Михляев изучил его, провел анализ документов. В результате на свет

появилась аналитическая записка, итогом которой стал закономерный вопрос: а есть ли на самом деле у нас на связи генерал Венк? Или агент пытается придать вес своим сообщениям?

Записку Михляева внимательно прочли тогдашний начальник ГРУ генерал-полковник Шалин и начальник управления генерал-майор Коновалов.

Вскоре жизнь сложилась так, что Григорий Фролович сам оказался командированным в Берлин, где и принял на руководство источник Отто. Пришлось обстоятельно поговорить с агентом, напрямую задать вопрос: действительно ли информация исходит от Венка? Отто уверял, что это так. Да и в последующем информация подтверждалась.

На следующей встрече Михляев попросил Отто организовать встречу с Венком. Агент помялся, попросил дать время, чтобы обговорить эту ситуацию непосредственно с генералом. Вскоре он сообщил, что Венк готов к встрече. Определили основную и запасную даты. Доложили в Центр.

Сообщение из Берлина вызвало в Москве настоящий переполох. В Берлин срочно вылетел начальник управления ГРУ генерал-майор Коновалов.

В резидентуре, разумеется, волновались: дело непростое, не подведет ли Отто. В намеченный день Михляев встретился с источником. На вопрос, где Венк, Отто ответил, что для начала генерал прислал двух своих доверенных лиц, бывших офицеров вермахта, а потом, если мы примем и одобрим его связников, приедет и сам.

От нервного напряжения засосало под ложечкой, но Михляев старался оставаться спокойным. Спросил: «Где связники?» Оказалось, связники готовы и ожидают встречи. Один из них — подполковник в запасе, другой — капитан-летчик.

Генерал Коновалов и полковник Михляев приняли на служебной квартире агента Отто и одного из связников. Отто заметно волновался, но твердил свое: их прислал сам Венк.

На встрече с подполковником выяснилось, что он не ведает, зачем его пригласили. Ему, мол, сказали, что предстоит разговор о торговом соглашении между западногерманской фирмой и советским торговым представительством.

На следующий день Отто привел капитана. Он также ничего не знал о цели переговоров. О генерале Венке только слышал, но никогда с ним не встречался.

С Отто состоялся достаточно жесткий разговор. Генерал Коновалов

добивался правды — действительно ли он знаком с Венком или это выдумка? Но Отто вновь уверял, что работает с Венком и привез офицеров по его поручению. Он говорил, что генерал хочет обеспечить свою безопасность, а надежные связники нужны для работы в будущем. Да, эти двое не знают конечной цели. Но зачем генералу перед ними раскрываться преждевременно? Ведь Венк — известный в Германии человек, да и вопросы, которые им предстоит решать, крайне важны для его Родины. Он не хотел бы запятнать свое имя в нелегальных делах. Венк надеется на встречу с высокопоставленными лицами в СССР.

Однако, как ни старался Отто, убедить генерала Коновалова ему не удалось. Алексей Андрианович на дух не переносил тех, кто не держит свое слово, не выполняет обещаний. Не любил, когда шли какие-то отклонения от задуманного плана и ситуация резко осложнялась. Нередко он склонялся к принятию кардинальных решений.

Так случилось и на этот раз. Генерал Коновалов принял решение: источник Отто из агентурной сети исключить, передать его и связников в разведку ГДР.

Приказ есть приказ. Потом немецкие друзья очень благодарили Михляева за столь ценный подарок. Коллеги из ГДР получили толковых и преданных агентов. Признаться, и сам Григорий Фролович горько сожалел о потере.

С тех пор прошло много лет, а вопрос так и не имеет однозначного ответа: был ли Венк?

«Возможно, генерал Венк действительно намеревался вступить с нами в контакт, — говорил полковник Михляев. — В те годы нависла серьезная угроза новой войны, и Венк хотел прощупать ходы к мировому разрешению германского вопроса, воссоединению разделенной Германии».

Это лишь два небольших примера из многолетней практики опытного вербовщика военной разведки Григория Михляева. А вообще круг его «друзей» был необычайно широк. Он хорошо знал и любил их, они доверяли ему. Это и служащий из фирмы Круппа, журналисты западногерманских изданий, моряк из Куксгофена, портье фешенебельной гостиницы в г. Эрфурте, несколько нумизматов из Берлина, хозяин и хозяйка ресторана, излюбленного места встречи западников, приезжавших на лейпцигскую ярмарку, частный зубной врач, инженер завода, имеющий большие связи в ФРГ. Да разве всех перечислить! К тому же и перечислять вряд ли есть необходимость.

Важно другое: все эти люди работали на нас, на нашу военную разведку. А привлек их к этой работе один человек, настоящий разведчик

полковник ГРУ Григорий Фролович Михляев.

Костры на снегу

**«Сов. секретно
экз. единств.**

ПРИКАЗ

Капитана тов. Банова Ивана Николаевича назначаю помощником командира диверсионного отряда военинженера 1-го ранга тов. Г.М. Линькова по специальной работе. Отряд находится в 8—10 км западнее озера Червонное.

Тов. Банову И.Н. в ночь с 15 на 16 августа 1942 года вместе с грузом боеприпасов и материалом для диверсионной работы высадиться с парашютом в вышеуказанном районе на сигнал семи костров, выложенных буквой “Н”.

Присвоить Банову И.Н. оперативную кличку “Черный”.

Начальник 5-го отдела 1-го управления ГРУ

Генштаба Красной армии

подполковник Патрахальцев

15 августа 1942 года».

...Моторы самолета мерно гудели. Иван Банов прильнул к иллюминатору. Вокруг темень, хоть глаз коли. На земле — ни огонька. Изредка из-за туч выглядывала луна, и тогда в ее бледном, тусклом свете он видел лес под крылом, да редкие блюдца озер. Судя по времени — подлетали к линии фронта.

Капитан Иван Банов, а теперь он уже и не Банов, а Черный, летел в тыл. На фронте в понятие «тыл» они привыкли вкладывать иной смысл. Тыл — это отдых, хоть какое-то затишье, можно откормиться, отоспаться. Теперь все для него перевернулось — тыл становился фронтом, а фронт? Фронт по-прежнему оставался фронтом. Только теперь у него, капитана Черного, будет своя линия фронта. В тылу врага.

Он не переставал думать о предстоящей задаче. Много было неясно. Вернее, теоретически, как говорят, на пальцах, он все понимал.

В середине 1941 года парашютно-десантный отряд под руководством Григория Линькова из района Вязьмы был заброшен в тыл врага. Линькову предписывалось создать базу для длительной боевой работы партизан. И

Григорий Матвеевич ее создал.

В отряде насчитывалось около ста человек. Состав — достаточно разношерстный: десантники, выброшенные вместе с Линьковым, окруженцы, вчерашние бойцы и командиры Красной армии и местные жители.

Действовали они в очень выгодном для командования районе. С северо-запада проходила магистраль Брест — Минск — Москва, южнее — дорога Брест — Пинск — Мозырь — Гомель. Через Барановичи пролегал путь на Ленинград, и в другую сторону — на Могилев. Через Сарны шла железная дорога Брест — Ковель — Киев.

Отряд Линькова работал на этих коммуникациях, совершая диверсии, уничтожая вражеские эшелоны, останавливая движение на железнодорожных перегонах.

Батя (оперативный псевдоним Линькова. — Авт.) свою задачу выполнял. Но Центру этого было мало. От военной разведки требовали не только диверсий, но, прежде всего, разведанных. Верховный главнокомандующий, Генеральный штаб каждый день требовали новых, свежих сведений о перемещении живой силы и боевой техники противника, об их дислокации.

Нужна была четкая картина войны. Руководство хотело знать силу противника, которая противостояла советским войскам.

Но отряд Линькова исходно нацеливался на иные задачи — на диверсии. И в этом у них уже был накоплен опыт. А вот как вести разведку, добывать разведанные, насаждать агентуру, партизаны Бати не знали и не умели.

Более того, интуитивно они сторонились городов, крупных населенных пунктов — там стояли немецкие гарнизоны, в прямое противостояние с которыми партизаны вступать не могли, — пока не было ни сил, ни оружия, ни возможностей. Да и лишние контакты с местными жителями — это всегда утечка информации. Среди них могли оказаться предатели, немецкие агенты. Рисковать нельзя.

Теперь всю работу предстояло перестроить по-иному. Разведка должна была стать главным делом отряда.

Так считал Центр. Что думал по этому поводу Батя, Банов не знал. Ведь развертывание разведсети, особенно на первом этапе, дело трудоемкое, опасное и далеко не показательное. Пустил под откос поезд — есть что доложить в Москву: столько гадов погибло, столько ранено, техника сгорела, движение задержано. А что значит вырастить хотя бы одного агента? Его предстоит подобрать, да так, чтобы он работал в

нужном месте, имел доступ к ценной информации. Прежде этого кандидата следует проверить, убедиться, что он наш человек, а не подсадная гестаповская утка. Потом надо уговорить работать на партизан. Но даже если и уговаривать долго не придется (среди местных жителей было достаточно патриотов, кто горел желанием бороться с врагом), от такого агента толку мало. Его надо научить осторожности, конспирации, умению легендироваться, скрывать свои истинные намерения. Иначе он и себя погубит, и других подведет под удар.

И только после всего этого, по прошествии времени, можно надеяться на разведывательные данные от него.

Но один агент — в поле не воин. Таких агентов надо немало.

Черный вспомнил, как предостерегал его наставник в Главном разведуправлении полковник Николай Патрахальцев, когда он готовился к заброске в тыл:

— Практика показывает, Иван, в твоей работе будет много сложностей. Во-первых, в наших партизанских отрядах практически отсутствуют люди, знакомые с методами сбора данных о противнике. И отряд Линькова ничем не отличается от других. У него тоже нет таких спецов. Вот подрывники есть, а разведчиков, увы, — развел руками Патрахальцев.

Второе. В некоторых партизанских отрядах, как бы это помягче выразиться, этой работы...

— Боятся... — вырвалось тогда у него.

— Не то чтобы бояться, — усмехнулся Николай Кириллович, — но относятся с недоверием, прохладцей. Скорее не понимают ее важность. Придется переубеждать людей, доказывать... И запомни, капитан, возможности для развертывания разведки фашистов у нас очень велики. Ведь немцы находятся на нашей земле, за ними следят тысячи наших людей. У них бесценная информация, но мы не умеем ею воспользоваться.

Мы все время опаздываем, опаздываем... А устаревшая развединформация, сам знаешь, — мертвая информация.

Черный вспомнил напряженный взгляд Патрахальцева. Полковник повторял эти мысли ему изо дня в день. Видимо, эта проблема очень беспокоила руководство военной разведки.

Уже на аэродроме, перед посадкой в самолет, пожимая руку, Николай Кириллович сказал:

— Я очень надеюсь на тебя, капитан. Дело это, считай, государственной важности. Не увлекайся партизанством, диверсиями. Запомни — твое дело — разведка.

...За бортом самолета гулко ухнул разрыв снаряда, возвращая Черного

к реальности. «Проходим линию фронта», — догадался он. Банов пробрался по тюкам к кабине летчиков.

— Линия фронта, — крикнул Черному штурман в подставленное ухо, — вон там Орел. И он указал ладонью слева вниз.

По темному небу шарили лезвия прожекторов, вспыхивали у невидимой земли «плевки» огней.

Капитан возвратился в салон, к своим тюкам. Огненные «цветы» за бортом увяли, самолет начал медленно снижаться.

Опять тревожно засосало под ложечкой. Откровенно говоря, вспоминая напутствие Патрахальцева, он совсем не был уверен в успехе. И чем ближе они подлетали к базе Линькова, тем муторнее становилось на душе.

Странно, но до чего все было понятно на фронте. Конечно, натерпелся, намытарился, наголодался, но зато знал, что от него требуют, как это выполнить.

Уже 27 июня, на пятый день войны, его и еще несколько слушателей Академии имени М.В. Фрунзе включили в группу полковника Свирина, и вот так же, самолетом, доставили в Могилев, в штаб Западного фронта.

Летели в командировку ненадолго. Командировка затянулась на год.

Чего только ни вместил этот год! Первым в их боевой практике был город Рогачев. Вместе с сокурсником по академии капитаном Азаровым комплектовали первые разведгруппы, забрасывали их в тыл противника. Там же в первый раз и сам сходил в немецкий тыл, вернулся, послал первое сообщение в Центр.

А потом, как в калейдоскопе: 63-й стрелковый корпус Петровского. Позже Гомель и замок Мицкевича, где стоял штаб фронта, приказ двигаться на восток, четырехсоткилометровый марш через Дмитрий-Львовский и Орел на Карачев.

На марше наскочили на немцев, но из столкновения вышли победителями, даже с трофеем. Забрали у бежавших фашистов легковушку.

В Карачеве доложил о своем прибытии в штабе Брянского фронта и получил приказ — убыть в Курск для подготовки партизан-диверсантов.

Убыл. И уже через несколько дней разворачивал партизанскую школу, обучал бойцов тактике действий, умению вести разведку, совершать вылазки и диверсионные акты.

Однако в начале ноября враг прорвался к городу, и Курск был оставлен нашими войсками.

Вместе с частями Красной армии отступал и он, разведчик Иван Банов. На душе — паршиво, хотя в какой-то мере успокаивало то, что в

тылу врага оставались обученные им люди, агенты. Они сейчас были на вес золота.

Следующая остановка — в Ельце. Там комплектовал диверсионный отряд из местных комсомольцев, и вместе с ними убыл на фронт. Воевал.

А весной 1942 года его вызвал к себе начальник разведки Брянского фронта, напоил чаем, дал свою «эмку» и отправил в Москву. Всю дорогу до столицы Банов терялся в догадках: зачем его отправили в столицу?

Через несколько дней все стало ясно — он летит в тыл врага. И началась подготовка. Ею руководили полковник Николай Патрахальцев, участник испанской войны, финской кампании и Герой Советского Союза подполковник Валерий Знаменский.

В середине июня он был готов к отправке в тыл. Но вот куда предстояло лететь? Банов терялся в догадках.

Практически всюду, на всех фронтах, летом 1942 года складывалась тяжелая обстановка. Ленинград задыхался в тисках блокады, и войска Волховского фронта не смогли прорваться к северной столице. Центральный фронт, встретив яростное сопротивление немцев, остановился в двухстах километрах от Москвы. Наступление под Харьковом захлебнулось, и враг, перехватив инициативу, сам пошел вперед, пытаясь прорваться через донские степи к Волге, предполагая отрезать нас от кавказской нефти.

Так что послать могли куда угодно, как говорят, на все четыре стороны.

20 июля догадки остались позади. На очередной встрече полковник Николай Патрахальцев сообщил: путь капитана Банова лежит в белорусские леса, в отряд Григория Линькова. Он назначается замом по разведке.

Отряд располагался в глубине Пинских болот, в урочище Булево Болото. С востока к болоту подступало озеро Червонное, с юга — озеро Белое.

Изучая, заучивая по карте все эти урочища, леса, озера, Банов не мог предполагать, что на ближайший год вся его жизнь будет связана с этими, пока еще неизвестными, названиями.

...Самолет продолжал снижаться. Из кабины вышел командир, наклонился, спросил:

— Готов к прыжку?

— Готов...

— Сигнал — сирена. Борт надо покинуть побыстрее. Понял?

— Да, да, — махнул Черный, пытаясь подтянуть лямки парашютной

системы.

— Червонное, — крикнул командир корабля, указывая в иллюминатор. В стекле блеснула гладь озера в лунном свете.

Второй пилот со стрелком распахнули кабину и стали сбрасывать мешки. Самолет сделал разворот, штурман махнул рукой, подзывая поближе Банова.

Внизу горели партизанские костры. «А партизанские ли?» — вдруг подумал Иван.

Но времени на размышления уже не было. И он шагнул вперед, бросился в темноту.

Полет... Рывок... И белый купол заполнил почти все небо над головой.

Опустился он мягко, увяз во мху, и уже через несколько минут к нему подбежали какие-то люди.

— Я к Грише, — крикнул он.

— Я от Гриши, — ответили бегущие.

Это были партизаны Линькова. Они окружили Банова, и сразу в расспросы.

— Из Москвы? Из самой?

— А газетки привезли?

— Привез, привез, — успокаивал их Банов.

— Пойдемте, товарищ капитан, — сказал один из партизан, — сам Батя вышел, чтобы вас встретить.

Партизан повел его по болоту, остальные бросились на поиски мешков. Вскоре за деревьями замелькал огонь костра. Навстречу Банову поднялся невысокий, плотный, скуластый человек в армейской безрукавке. Иван понял — это и есть Линьков.

Поправив фуражку, Банов отрапортовал, как положено по уставу.

Линьков внимательно оглядел своего заместителя и протянул руку, крепко пожал ее.

— Рад, рад. С прибытием.

И тут же кивнул:

— Ну, пойдете...

...В командирской землянке было сухо и душно. Горела «керосинка», отбрасывая желтые блики по стенам, обтянутым парашютным шелком.

Собирались командиры, рассаживались. На печке кипел чайник, в чугушке варилась картошка, на столе расставлены кружки, порезан каравай хлеба.

Выпили по маленькой, закусили. Все смотрели на Банова. Тишину прервал командир.

— Ну что, как там в столице? Что нового на фронтах? Тебе слово...

Банов рассказал о Москве, о нынешних строгих порядках, о том, что немецкие самолеты не так уж часто прорывались к столице и не нанесли ей ущерба. И подытожил:

— На месте Москва, как и прежде. Где ж ей быть, родимой.

Его рассказ вызвал оживление. Незаметно пролетело два часа. Сопровождение закончил командир, отправил всех спать, и Банову пожелал спокойной ночи.

Однако Иван Николаевич, прежде чем уснуть, попросил доложить о задаче, возложенной на него. Получив разрешение — доложил. Линьков выслушал с вниманием, но обсуждение перенес на утро. Засыпая, Банов подумал, что командир прав: утро вечера мудренее.

«Сов. секретно

Москва. Центр, Радиостанция “Слива”. 21.8.42 г.

Черный принят отлично. Грузовых мешков прибыло только пять.

Прошу учесть наше положение. Люди есть. Они совершили четыре крушения без всякого оружия, но бойцы разуты. Таких много.

Снимаю свой маузер, отдаю людям, сам хожу с финкой. Добывать оружие в бою нечем. Мой человек дороже 50 фашистов. Терять хороших не желаем, плохие оружие не добудут.

Ссылка на недостаток оружия непонятна. Ведь много не прошу, а только 3–5 автоматов. Может быть, даже использованные на фронте. Шлите оружие хоть из музея.

Гриша^[1]».

«Сил не жалею, жизни не берегу»

«Сов. секретно»

Москва. Центр. Радиостанция “Слива”. 23.8.42 г.

Положение на фронте понимаю. Сил не жалею, жизни не берегу. Делаю все, что могу.

Возможности использования местного населения крайне ограничены. Связи с ними потеряны при переходе в другой район. Места, где нет наших людей, находятся на значительном удалении от базы. Сделаю все, что смогу.

Основное внимание уделяю железным дорогам с целью диверсий.

Под руководством Бринского направил тридцать человек в район озера Выгоневское с задачей проведения диверсий. Пятнадцать партизан ушли на минирование шоссе, организации крушений на участке 61–94.

Под командой Садовского направил двадцать четыре человека в район озера Дикое, с задачей диверсионных действий на линиях Овруч — Мозырь, Мозырь — Гомель, Бобруйск — Гомель.

Гриша».

Утром капитан Черный услышал от командира отряда Григория Линькова то, о чем его предупреждал Патрахальцев.

Они пили с командиром чай, заваренный на малине, говорили о делах партизанских.

— Вот что я тебе скажу, Иван Николаевич, — прихлебывая из кружки, произнес Линьков, — думал я над новой нашей задачей. Дело непростое. Разведчиков у меня нет. Как подойти к этому делу, никто не знает.

И Линьков лишь развел руками. Что мог ответить на это Черный? Будем учиться.

После чая, разговора Черный познакомился с месторасположением отряда. Отметил про себя, что партизанская база была развернута весьма толково, можно сказать, классически, как по учебнику. А классические требования Черный помнил почти наизусть. Она должна, с одной стороны, дислоцироваться рядом с природными ориентирами. Ну, например, такими, как озера, которые хорошо видны с воздуха, чтобы летчики могли сбрасывать груз или делать посадку.

С другой стороны — само расположение отряда должно быть достаточно удалено от этих ориентиров. Иначе противник обязательно его

обнаружит. Это что касалось воздушной связи с Большой землей.

Были и местные требования. Базу следовало разместить подальше от населенных пунктов и желательно в глухих, труднопроходимых местах. Куда, собственно, местные жители не заглядывают.

Однако при этом партизанам надо поддерживать отношения с жителями близлежащих деревень. Значит, расположить так, чтобы была возможность дойти до этих населенных пунктов и вернуться в отряд.

Еще будучи слушателем Высшей специальной школы ГРУ, Черный только улыбался над этими требованиями. Казалось, они взаимоисключающие и практически невыполнимые.

Но практика доказала иное. Он с удивлением увидел, что база Линькова именно так и расположена. Считай, как в учебнике.

Озера Червонное и Белое были хорошо видны с воздуха. Это мог засвидетельствовать он сам. Видел собственными глазами с самолета.

И в то же время от базы до озера, ни много ни мало, около двадцати километров по лесу и болоту. Расстояние вполне достаточное.

Что касается населенных пунктов, то до ближайшей деревни Восточные Милевичи на западе — верст семь, до городка Житковичи на юге — двадцать пять километров.

Штаб располагался в нескольких землянках: руководство отряда, радиоузел, охрана. Однако людей на центральной базе было немного. К дорогам и населенным пунктам выдвигались передовые заставы, прикрывающие базу от непрошенных гостей.

На заставах располагались основные силы отряда. Отсюда уходили партизаны на диверсии, сюда возвращались, отдыхали, готовились к новым выходам.

Рядовые партизаны знали только свою заставу, в центральный штаб приходили командиры групп, застав. Да и то без большой необходимости здесь не появлялись.

Все верно. Лишней предосторожности в партизанских делах не бывает. Ведь гестапо тоже не дремало.

Однако база базой, а у Черного сидело в подкорке свое — с чего начать? Стали думать с командиром. Действительно, отряд работал в основном на диверсии. Бринский — у озера Выгоновское. Его люди наносят удары по магистралям Брест — Барановичи, Барановичи — Лунинец, Барановичи — Белосток.

Садовский работает под Калинковичами, Сазонов ушел на Украину, под Сарны. Есть еще два рейдовых отряда — Перевышко и Цыганова.

Выяснилось, что в ближайших деревнях партизаны бывали. Нечасто,

правда. Боялись выдать базу. Оказалось, на сегодняшний день с местными у отряда есть всего одна ниточка — Матрена Мицкевич. Матрена — вдова с двумя детишками, печет хлеб для партизан. Об отряде мало что знает.

«Вот с нее и начнем», — решил Черный.

Однако Матрена неблизко, надо все обдумать, обмозговать перед выходом, а пока зам по разведке решил присмотреться к своим бойцам, которые жили на центральной базе, на заставах. Черный, знакомясь с людьми, присматривался, расспрашивал их о былой жизни. Он понимал — в разведке могут работать разные люди — по характеру, профессии, возрасту, вот только болтливых, хвастливых и недисциплинированных не должно быть.

Первым, на кого обратил внимание капитан Черный, был партизан Федор Якушев. Оказалось, он в прошлом начальник политотдела Оршанского отделения железной дороги, комиссар в отряде Константина Заслонова. Начинать партизанить еще осенью 1941-го. Здесь ходил в рядовых партизанах, но обойденным, обиженным себя не считал, спокойно делал свое дело. Во главе групп подрывников Якушев совершал вылазки под Барановичи и Молодечно, пускал под откос эшелоны врага. На личном счету Федора было восемь вражеских эшелонов.

В отряде его уважали. Однако он никогда не кичился ни прошлыми, ни настоящими своими заслугами.

Черный предложил кандидатуру Якушева в разведчики. Линьков согласился.

Вторым, кого отобрал Черный для своей работы, был Коля Кузьменко, боец из охраны центрального штаба. Правда, поначалу Кузьменко сомневался. Он так и ответил капитану:

— Не знаю, как это делать.

— Ничего, научишься, — заверил Черный.

— Коли так, учите... — согласился Коля.

Линьков, пытаясь помочь своему заместителю, посоветовал использовать возможности подрывников-маршрутников. И действительно, на первый взгляд, это была палочка-выручалочка. Ведь подрывники отрываются далеко от базы, проходят порою не одну сотню километров, знают и наблюдают обстановку на маршруте, да и встречи с местными жителями для них не редкость.

Как раз в это время из дальнего рейда вернулись партизаны Седельников, Лагун, Сазонов, Яковлев. Черный побеседовал с каждым из них.

Однако тут его ждало разочарование. Главная задача этих партизан —

подрыв эшелонов. И она диктовала все их поведение. Во-первых, без острой необходимости не вступать в контакт с местными жителями. Пройти тихо, прошмыгнуть подальше от населенных пунктов.

Во-вторых, маршрутники, как правило, не интересовались численностью гарнизонов, передвижением на железных и шоссейных дорогах. Это неизбежно отвлекло бы их от выполнения основной задачи.

Так что подрывники, как и партизаны на центральной базе, мало что могли сказать о противнике. Их наблюдения были отрывочными, бессистемными.

Яковлев вообще не мог взять в толк, зачем нужны сведения, куда и что везут фашисты. Взорвать их, и не довезут.

Что ж, во всяком случае было ясно — из Яковлева разведчика не получится.

Но оставались Сазонов, Лагун, Седельников. Они всей душой хотели помочь заместителю командира, но тоже мало что знали. Однако к разговору отнеслись по-иному, чем Яковлев.

Седельников оказался коллегой Черного по довоенной работе. Одно время Иван Николаевич работал в районной газете «Сталинский клич» на станции Белая Калитва, что на родине в Ростовской области.

Седельников тоже до войны был газетчиком, только в Красноярске.

Черный предложил вместе сходить к Матрене Мицкевич на хутор. За хлебом.

...Ночью, ближе к полуночи, с партизанской базы вышли четверо — Черный, Седельников, Якушев и Кузьменко. По сути, это было их первое разведздание. Впереди шел Седельников, он знал дорогу на хутор.

Тропа петляла между деревьев, идти предстояло долго, и зам по разведке мог спокойно обдумать свое положение.

Трое разведчиков у него есть. Это, конечно, еще не разведчики, им многому предстоит учиться, но важно, что они понимают задачи и, как ему кажется, хотят их решить. Правда, перед выходом на хутор, когда Черный предложил Седельникову стать разведчиком, тот засомневался. Нет, не потому, что не верил в свои силы, просто показалось, что его отодвигают от реальной диверсионной работы. А разведка... Это пока что-то неизведанное и неясное. Вроде бы удалось переубедить.

Позавчера Черный познакомился с командиром отряда, действующего по соседству, Василием Захаровичем Коржом. Угостил его московскими папиросами «Казбек», шоколадом, чем очень растрогал соседа-партизана.

Корж прослезился, глядя на эти подарки.

— Два года «Казбек» не курил... — сказал он.

— Так курите.

— Нет, капитан, я для отряда приберегу. Бойцам раздам по папиросе. Чтобы все видели подарок из Москвы.

Черный, откровенно говоря, подивился: никогда не думал, что пачка папирос может стать важным элементом пропаганды и поднятия духа партизан.

Как и предупреждал Батя, Корж просил взрывчатку и оружие. Он с обидой говорил, что Линькову с самолетов и оружие и боеприпасы бросают, а им нет. У Линькова и радиостанция, связь с Москвой есть, а они и мечтать о таком не смеют. Это была правда. И хотя Григорий Матвеевич предупреждал зама, чтобы тот больших обещаний не давал, мол, у самих каждый патрон на счету, Черный не выдержал и дал слово: поможем.

Важно было и другое. Корж — бывший работник обкома партии, его хорошо знали в здешних местах, у него налажены связи с местными жителями.

Много интересного рассказал в тот день Корж. О капитане Каплуне, который после разгрома дивизии через боевые порядки фашистов прорвался в Барановические леса, как потом чуть не попал в руки к фашистам, как организовал группу подпольщиков, которые писали листовки с сообщениями Совинформбюро и распространяли среди населения.

...Черный шел следом за Седельниковым — влево, вправо бежала тропинка. Казалось, нет ей конца. Но вдруг лес оборвался, впереди лежала полоса подлеска. Седельников остановился, предупредил шепотом — выходим.

Дом Матрены стоял одиноко в поле. Оглядевшись, партизаны подошли поближе, тихонько постучали в окно.

В распахнутую дверь первым шагнул Седельников, следом — Черный, остальные. В доме пахло теплом, уютом, квашней. Хозяйка встретила их улыбкой, усадила за стол.

— Хлеб еще не готов, — сказала она. — Отдохните с дороги.

Спросив разрешения, партизаны закурили, завели неспешный разговор — о довоенной поре, о колхозном житье-бытье.

— Ну а как сейчас? — спросил Черный.

— Да как, ладно немцы, понятно, враги. Так и ведь свои гады есть. Вон начальник полиции в Житковичах, да его заместитель — Герман, да Кацюбинский. Пьянствуют, людей запугивают.

Поговорили не только о гадах, таких, как полицаи Герман и Кацюбинский. Назвала Матрена и честных, на ее взгляд, людей из

Милевичей — Пришкеля, Павла Кирбая, который работал в рыбхозе.

— А Пашка Кирбай честный, но, выходит, на немцев работает?

— Куда ж ему деться? — спросила Матрена. — Он бы и в партизаны пошел. Да не больно вы принимаете. Не верите, выходит?

Матрену успокоили, а фамилии Пришкеля из Восточных Милевичей и Пашки Кирбая из рыбхоза запомнили. Ну и про Германа да Кацюбинского забывать не собирались.

За разговорами пролетело время. Хлеб испекся.

Партизаны поблагодарили хозяйку, взвалили на плечи мешок и двинулись в обратный путь. Войдя в лес, решили передохнуть.

— Ну вот, товарищи, наше начало. Фамилии запомнили?

— Да уж чего тут сложного, — ответил за всех Федор Якушев.

— Теперь будем искать Пришкеля и Кирбая.

Возвратившись на базу от Матрены, Черный доложил о встрече и разговоре Линькову. Командир сидел, склонившись на картой. Из-за спины Бати Иван Николаевич увидел знакомые очертания их района, штрихи, которые обозначали болота и кустарник, с островками леса. Вон оно, урочище Булево Болото. А вот и Милевичи, Барановичи, южнее Пинск, Лунинец. Да, территория немалая. Как ее охватить? Сколько же тут надо разведчиков насадить, чтобы знать, чем дышат немцы?

В это время в дверь командирской землянки постучали и на пороге появился Степан Скрипник, начальник радиоузла, сокурсник Черного по учебе в Высшей специальной школе.

— Разрешите, товарищ командир? Радиограмма из Центра.

— Давай, — протянул руку Линьков и поднес листок к глазам. Через минуту он передал радиограмму Черному.

— Читай.

Центр сообщал: «Имеем сведения, что противник из Франции перебрасывает на Западный фронт пехотные, танковые части.

Немедленно установите наблюдение за железными и шоссейными дорогами, с задачей проследить следование эшелонов, колонн автомашин. От имени Центра ставьте эту задачу партизанским отрядам.

Всемерно активизируйте свою деятельность, выматывайте немецкие части еще до подхода к фронту.

Сведения о передвижении эшелонов, автоколонн должны быть проверены, точны и подробны и передаваться всеми имеющимися у вас музыкантами^[2].

Телеграмма была подписана оперативным псевдонимом полковника Патрахальцева «Николай».

«Н-да... — подумал про себя Черный, — вот тебе и задачка. Обычная партизанская задачка из Центра, ничего особенного, но как ее решить без хорошо поставленной разведки, агентуры на местах.

Легко сказать: “немедленно установите наблюдение”, “сведения должны быть точны, подробны и проверены».

Командир и зам. по разведке смотрели друг на друга. Говорить было нечего. Все ясно и без слов.

Центр неспроста подчеркивал важность разведки. Но и они не сидели сложа руки. Однако, видимо, этого мало.

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Слива”. 26.8.42 г.

«После краткого ознакомления с работой, пришел к выводу. Шлите помощников. Большой район требует времени. Одному обслуживать трудно.

Черный».

«Нам нужны свои, преданные люди»

«Сов. секретно»

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 1.9.42 г.

Приказ об активизации действий в связи с наступлением наших войск на Западе и в районе Клетской получил.

Гриша».

Что ж, приказ об активизации был предельно ясен. Но для него, капитана Черного, это означало в первую очередь усиление разведывательных мероприятий, скорейшее насаждение агентурной сети.

Сегодня они вместе с Николаем Кузьменко и Федором Якушевым шли на очередную встречу с Павлом Кирбаем. Неделю назад с ним уже виделись Седельников с Кузьменко. Теперь Черный решил сам взглянуть на Павла.

Встретились на лесной дороге из рыбхоза в Залютичи. Кирбай, как и обещал, принес свежей рыбки.

Черный, поблагодарив за рыбу, спросил напрямую:

— А ты знаешь, кто мы?

— Догадываюсь — партизаны. У полицаев свежей газеты «Правда» не бывает.

«Верно подметил парень», — подумал Черный. В прошлый раз разведчики угостили его газетой для самокруток. Но, судя по всему, Кирбай ту газету не скурил.

— Ну, раз так, давай в открытую.

Павел был не против и в открытую.

Черный спросил, почему не в армии. Оказалось, ждал мобилизации, да повестки так и не пришли. Ходил сам в Житковичи, сказали: сиди, вызовем. Да опоздали. Немцы опередили.

— Вот что, Паша, нам нужны сведения о немцах. Будешь рассказывать то, что знаешь.

Кирбай с радостью согласился. Черный предложил в следующий раз встретиться здесь же, на дороге. Однако Павел замялся.

— Тут увидеть могут наши залютические. Надо ли лишний раз обнаруживать себя?..

Что ж, Кирбай дело говорил. Решили подумать вместе, где удобнее устроить следующую встречу.

После ухода Павла обменялись мнениями и единогласно пришли к выводу, что Кирбай вполне подходящая кандидатура. Оставалось научить его, какие и как собирать сведения о фашистах, и договориться о тайниках, где он сможет оставлять записки для партизан, чтобы исключить частые встречи со связными.

Вторым, с кем предстояло познакомиться с подачи партизанского хлебопека — Матрены Мицкевич, был Илья Пришкель.

Жил он в Восточных Милевичах, вел свое хозяйство, был женат, имел детей. К немцам на поклон не бегал.

Пришкель встретил партизанских посланцев с радостью. По всему чувствовалось — душа-человек.

Когда заговорили о партизанах, о том, почему он не ушел в лес, Пришкель резонно заметил:

— А с чем партизанить? С бабским ухватом? Оружия-то нет. Ну а коли вы пришли — я готов. Берите меня с собой.

Откровенно говоря, Илья Васильевич приглянулся Черному. И в отряде бы он пригодился, но на месте нужнее.

— Нам очень нужны свои, преданные люди здесь, чтобы давать сведения о фашистах, об их войсках.

Пришкель смекнул, в чем дело. Согласился. На прощание Черный попросил Илью Васильевича выведать о людях в Миклашевичах.

— Очень наши люди нужны там, — заключил он.

А в это время уже начинал работать Кирбай. На очередной встрече он сказал, что через его сестру Алиму ищет выход на партизан некто Гарбуз, инженер.

Черный задумался. Это могла быть немецкая «подстава». Инженер работал на фашистской лесопилке. А с другой стороны, Гарбуз жил в Житковичах. Если это действительно честный человек, он был бы ценен для партизан.

— Вот что, — сказал Черный Кирбаю, — если Гарбуз появится еще раз, сведешь его с нами.

Так и случилось. Молодой инженер вскоре снова появился. С ним на встречу пошел Седельников. Вернулся сияющий.

— Стоящий мужик. Да не один. В Житковичах есть еще несколько человек, которые готовы нам помогать, — инженер Горев, Степан Татур и бывший офицер Красной армии Николай Корж.

На встрече с Седельниковым Гарбуз дал некоторые сведения по житковическому гарнизону. Оказалось, солдат и офицеров там около ста пятидесяти человек. Отряд полевой жандармерии состоял из трех десятков

жандармов, и отряд полиции во главе с известными уже Германом и Кацюбинским.

Фашисты имели на вооружении пушки, пулеметы, солдаты — автоматы.

Это были первые, весьма важные, сведения, добытые разведывательным путем.

Порадовало Черного и еще одно сообщение Гарбуза. Оказывается, того самого Николая Коржа, который готов сотрудничать с партизанами, неоднократно звали на работу в жандармерию.

Известия были хорошие. Однако Гарбуза и его друзей следовало проверить. Вот тут пригодился Пришкель. Попросили Илью Васильевича съездить в Житковичи, узнать, что там нового.

По возвращении Пришкель сообщил — в Житковичах большой переполох — на улицах появились расклеенные листовки, а возле самой жандармерии кто-то газету «Правду» ночью вывесил. Немцы были в бешенстве.

Что ж, ребята Гарбуза не подвели. Вскоре через связных Алиму Кирбай и Евгению Матвиец группе Гарбуза — Горева были переданы две мины и пять термитных зажигалок.

Горев, Корж и Гарбуз взорвали два фашистских эшелона с горючим и подожгли склад.

Центр проникновение в Житковичи расценил как несомненный успех.

...Вскоре при очередной встрече Илья Пришкель рассказал о Ванюшке Конопатском — киномеханике в Микашевичах. Сам Конопатского он не знал, но рассудил так — в армию парень не попал, а тут немцы. Ну и заставили. Теперь вот крутит фашистам кинофильмы.

А для партизан проникновение на станцию Микашевичи было, что называется, мечтой. Станция эта маленькая, да важная — через нее проходят железнодорожные ветки из Бреста на Житковичи, из Барановичей на Сарны. И если в Житковичах у Линькова и Черного уже были свои люди, то в Микашевичах — пусто. А ведь посади своего человека, и треугольник Житковичи — Микашевичи — Барановичи был бы под дополнительным контролем. Ведь Центр все время требовал проверки и перепроверки разведданных.

Надо было прощупать Конопатского. Партизан из их отряда для такой работы не годился. В городе было полно гитлеровцев. Значит, нужно использовать только местных жителей. И использовать, как говорят разведчики, «втемную», не называя имени киномеханика. Иначе человек без соответствующей подготовки не выполнит задания, а то и провалится.

Ему будут мерещиться несуществующие опасности, слезка, он поведет себя напряженно, неестественно.

Это в свою очередь насторожит и его собеседника, который заподозрит в нем «подсадную утку» гестапо.

Поэтому в Микашевичи по просьбе партизан поехала соседка Пришкеля, разговорчивая, добродушная женщина. Никаких особых заданий партизаны ей не давали, просто попросили послушать, о чем говорят в Микашевичах, какие новости на слуху.

В то же время Черный знал, что соседка хорошо знает семью Конопатских, и надеялся, что она заглянет и в этот двор. Расчет зама по разведке подтвердился. Она зашла к нескольким своим знакомым, в том числе и к Конопатским.

Посидела, поболтала, поругала немцев, постыдила Ваню Конопатского, что тот сиднем сидит дома, а не идет в партизаны.

Киномеханик обиделся.

— Какие партизаны? Как к ним подступишься? Они небось меня давно во врагах числят.

Узнав о результатах похода соседки Пришкеля и взвесив все «за» и «против», Черный решил киномеханика взять в разработку.

Послали к Конопатскому связного, пригласили через несколько дней на встречу. Эти дни партизаны напряженно следили за киномехаником. Однако он вел себя обычно. Вскоре успокоились партизаны, судя по всему, успокоился и Конопатский, который, возможно, подумал, что посланец был из гестапо.

Накануне из района встречи с Конопатским вернулась группа партизан, посланная для проверки. Засады на месте предстоящего свидания с киномехаником не было. И тогда разведчики во главе с капитаном Черным отправились на дорогу в Залютичи.

Они встретили Конопатского на дороге не на восьмом километре, как договаривались, а раньше. Пусть знает, что партизаны и тут и там.

— Вы кто такие? — настороженно спросил Конопатский у возникших перед ним людей.

Партизаны представились. Но по всему чувствовалось, Конопатский не верил им.

— Придется поверить. Мы не полицаи. Вот газета «Правда», посмотрите дату.

Киномеханик посмотрел на титульный лист газеты. И верно, свежая газета, наша.

— А ты наш? — спросил Черный. — Фашистам прислуживаешь.

— Заставили. Да и что я один стою?

— Дорого стоишь.

Конопатский поглядел на партизан с надеждой.

— Надо выполнить задание. Сможешь?

— Смогу.

Дальше спрашивали уже по делу. Много ли полиции в Микашевичах, какое движение на железной дороге, куда идут поезда? Кое-что Конопатский знал, но, чувствуется, специально не следил. А жил он в очень выгодном месте, рядом с железнодорожной станцией.

Задача была поставлена точная — наблюдать за движением немецких поездов на станции.

— Связного пришлем сами, — сказал Черный, — ему и будешь передавать сведения.

Конопатский кивнул, но почему-то медлил. Это не ускользнуло от взгляда Черного.

— Что, Иван, не так, говори сразу.

— Ту девчонку не присылайте...

— Чем же она тебе не нравится?

— Дело не во мне. Она приметная, в глаза бросается.

— То есть как? — не понял Черный.

— Ну не местная она, не из Милевичей и не из Миклашевичей, потому и приметная.

— Ах, вот оно что! Согласен.

— Лучше, если кто-то из Залютичей будет.

— Ладно, постараемся, Иван.

Конопатский ушел, а тревога осталась. С одной стороны, судя по всему, парнем был он неглупым, думающим, а с другой стороны — робким, трусливым, что ли. А может, и ошибался капитан Черный. В душу к человеку не залезешь. А душа человеческая — океан.

Для Конопатского нашли связную, портниху из Милевичей Леокадию Демчук. Она согласилась работать. Да и он сам действовал осторожно и очень ответственно. Теперь развединформация шла в Центр проверенная, точная.

А тем временем после появления листовок и газеты «Правда» в Житковичах шли обыски и аресты. Немцы расстреляли ни в чем не повинного бывшего председателя Житковического райисполкома Бортеля.

Об этих событиях надо было знать подробнее. Стало быть, следовало послать туда кого-то. Из житковического подполья брать людей для этой цели опасно. Но тогда кого?

Мужчина для такой работы не годился. Его тут же заподозрят немцы. Женщину? В отряде были женщины, и они готовы по первому приказу выполнить задание. Но никого из них не было родом из Житковичей. Зачем же рисковать?

Черный искал выход из создавшегося положения. На помощь пришел Павел Кирбай.

— Давайте пацана пошлем. Кто пацана заподозрит?

— Какого пацана? У нас нет таких в отряде.

— Ну и что? Найдем и не в отряде. Хоть бы тот же Николка Лавнюкович из Залютичей. Отец у него на фронте. Фашистов ненавидит.

— Давай попробуем, — согласился Черный, — только надо все тщательно продумать. Мальчишка ведь!

Словом, Николай съездил в Житковичи, побродил по улицам, послушал разговоры и вернулся. Рассказал, как приехал на базар, купил соли, заехал к знакомым и, оставив лошадь, ушел в город.

Лавнюковича поблагодарили, накормили обедом и подарили сапоги. Мальчишка принял подарок и прижал его к груди.

У всех, кто видел эту сценку, как-то запершило в горле и на глазах навернулись слезы.

Коля Лавнюкович стал настоящим разведчиком, выполняя сложные и опасные партизанские разведзадания.

...В середине сентября на центральную базу пришли партизаны с озера Выгоновского от Бринского. Они принесли доклад о проведенных диверсиях.

Посоветовавшись с командиром, Черный решил пойти к Бринскому. Надо было там поднимать разведработу. А здесь он оставил за себя Федора Якушева.

И вот настал день расставания. Путь лежал долгий и опасный: сокурсник Семен Скринник обещал всячески помогать Якушеву и просил идти спокойно, не тревожиться. Несколько партизан с тяжелыми мешками — с толом, боеприпасами, продуктами, командир группы Гончарук и он, капитан Черный, двинулись в путь.

Стояло теплое и тихое бабье лето...

«Сов. секретно»

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 2.9.42 г.

Во исполнение Вашего приказа ставлю боевую задачу Бринскому пустить под откос в сентябре 18 вражеских составов. Для обеспечения

этого задания сегодня к Бринскому выходит Черный с музыкой и музыкантом «Сливой».

Это задание при освоенной нами методике вполне реально. В его выполнении Бринским и Черным не сомневаюсь. Связь со мной держите через «Скрипку».

Гриша».

«Сов. секретно

Грише. Радиостанция «Пена». 3.9.42 г.

Черного отправил к Грише напрасно. Он имеет специальную задачу по вербовке людей, работающих на различных важных объектах: заводах, электростанциях, железнодорожных станциях, портах на Припяти, складах, столовых и т. д., с целью разведки и организации там диверсий.

Невыполнение этой задачи будет расцениваться как невыполнение приказа со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Черному обязательно завербовать и посадить агентов из числа работающих на железнодорожных станциях Пинск, Лунинец, Житковичи, Барановичи. Одновременно выяснить работающие предприятия в Барановичах.

Николай».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция «Пена». 6.9.42 г.

Уважаемый товарищ начальник, совершенно не понимаю, за что Вы меня ругаете. Ваш приказ о задачах Черному знаю. Создал для него все условия, дал нужных людей, связь, по мере возможности, и сам занимаюсь этими делами.

Черный сделал кое-что здесь и заявил, что он считает необходимым для реализации данной задачи пойти в район Барановичей, где находится Бринский.

Я запретил Черному пустить под откос поезд, хотя он и просил меня об этом.

Гриша».

«Лесная разведшкола» капитана Черного

«Сов. секретно»

Черному. Радиостанция “Пена”. 20.9.42 г.

Сообщите, где, на каких объектах посажены люди. Называйте только район, предприятие или объект, а также оперативную кличку. Фамилию сообщать не надо.

Николай».

Дорога в бригаду Антона Бринского была долгой и тяжелой. Партизаны обходили деревни далеко стороной. Порою, казалось, этому пути нет конца — под ногами бесконечные болота, кочки, мхи.

На четвертый день пути они вышли к деревне Борки. Позади остались железная и шоссейные дороги Барановичи — Лунинец. Теперь до родной базы, как сказал Гончарук, рукой подать — километров шестьдесят.

Сделав привал, отдохнув, партизаны вновь двинулись в дорогу. А когда под ногами Черный почувствовал скользкие кладки, понял: пришли.

Первым делом оценил подходы к базе. Как и у Линькова, здесь все было сделано толково, по уму. Партизаны располагались на островке в глубине болот.

Пройдет немного времени, и жизнь сама докажет трезвый расчет и умение в выборе месторасположения базы. Неожиданно нагрянут каратели. Однако партизанам удастся скрыться. Но это будет потом.

А пока группа Гончарука вышла к родному отряду. Черному предстояло познакомиться с майором Бринским, которого он знал только по радиограммам.

Вот как этот момент описывает в книге «Боевые спутники мои» сам Антон Бринский.

«В пасмурный... день ждали мы возвращения с базы группы капитана Гончарука. После обеда я вышел на восточную опушку лесного острова, на котором был расположен партизанский лагерь. Часовой (с вышки наблюдательного пункта далеко видно) доложил, что по лесной дороге движется большая группа партизан во главе с Гончаруком. Вскоре они показали на нашей тропке. Шли медленно, тяжело нагруженные. Это нас обрадовало. Значит, несут нам подарки с Большой земли.

Среди знакомых фигур наших бойцов мы сразу заметили несколько новичков, одетых в одинаковые черно-синие куртки десантников. Один из

них шагал рядом с Гончаруком. Когда подошел Гончарук, доложил о выполнении задания: взрывчатку принесли, никаких происшествий в пути не было. И, отступив на полшага, влоборота к своему спутнику, представил его:

— С нами прибыл товарищ Черный, заместитель Бати.

Он и на самом деле был черным — молодой, хорошо сложенный брюнет с правильными чертами смуглого лица и густыми бровями. И новая десантка с цигейковым воротником, и добротные сапоги — все в нем было хорошо пригнано, ладно сидело.

Здороваясь, он представился четко, по-военному:

— Капитан Черный.

— Майор Бринский, — ответил я, пожимая его руку...

Возвращение связных с Центральной базы всегда было для нас радостным событием, а теперь особенно: прилетел человек из Москвы, привез радиостанцию, свежие газеты, а главное, сам он расскажет, что делается за линией фронта, как живут наши советские люди.

В тот же день вечером Черный провел беседу с партизанами о положении на Большой земле и на фронтах. Казалось, конца не будет вопросам.

Иван Николаевич никому не мешал, “не строил из себя представителя Центра”, а как-то незаметно, весело и просто вошел в наш круг. Партизаны полюбили его...»

Когда Черный познакомился с отрядом Бринского, он понял — по вопросам разведки положение точно такое же, как у Линькова месяц назад. Подрывники работали хорошо, а вот разведчиков в отряде не было. Ну что ж, следовало и здесь разворачивать эту важную работу.

Черный подобрал группу способных партизан и начал их подготовку. Открыл, как шутил Бринский, «лесную разведшколу». Учениками школы стали партизаны Караваев, Новиков, Шелест, Семенюков, Голумбиевский, Белорусс, Хрищанович.

Пока партизаны осваивали нелегкую науку разведки, Черный внимательно изучал обстановку. А она была такова. В этих районах действовало несколько партизанских отрядов — имени Щорса, имени Чапаева, «Советская Беларусь», отряд Картухина. В меру своих сил и возможностей они боролись с немцами, но делали это, как умели. Перспективы дальнейшей работы были для них неясны. В рядах партизан крепко утвердилось мнение, что надо идти на восток, на соединение с Красной армией. В худшем случае они согласны были партизанить в прифронтовой полосе. Считали, что борьба в глубоком тылу, без связи с

Москвой, со слабым вооружением не даст никакого эффекта.

Однако и Черный, и Бринский хорошо понимали ошибочность этих взглядов. Ведь движение на восток приведет к неоправданным жертвам и потере времени.

И тогда они решили побывать в отрядах и побеседовать с людьми, переубедить их. Словом, душа болела за эти «бесхозные» партизанские отряды.

В Центр Черный послал телеграмму следующего содержания: *«В районе озера Выгоневское имеются три партизанских отряда, насчитывающие 800 человек. Эти отряды не имеют ни с кем связи, нуждаются в помощи и руководстве. Они взорвали 9 воинских эшелонов, портят железнодорожное полотно.*

В Витебском районе немцы сожгли все деревни, угнали часть населения, остальные бродят по лесам, возможности для развертывания движения большие. Прошу указаний».

И он получил указание. На радиостанцию «Слива» пришла рассерженная радиограмма из Москвы.

«Вам поставлены задачи насаждения стационарной диверсионной сети из лиц, работающих на объектах, — негодовал Патрахальцев. — Пока мне ничего не известно, как вы выполняете этот приказ.

Уточняю его и ставлю задачу: создать на железнодорожном узле Барановичи не менее двух не связанных между собой диверсионных групп и руководить ими.

Их задача — сведения о воинских перевозках по этому узлу. Какие части движутся, какой идет груз, техника, когда и по каким направлениям? А также вывод из строя паровозного и вагонного парка и организация других диверсий. О ходе выполнения этой задачи доносите каждые пять дней.

Всякие другие вопросы, в том числе и партизанские, будут решать те, кому это поручено. Надеюсь, это тебе вполне ясно и ты меня не подведешь».

Центр упорно возвращал его к главной задаче — развертыванию агентуры и организации разведки — и очень болезненно относился к тому, что Черный занимался «не своим делом».

Однако как он мог оставить сотни людей в неведении. За много месяцев борьбы партизаны впервые видели посланца Москвы, и, хотя многие из них спорили, сомневались, не соглашались, слово командира с Большой земли было весомым и действенным.

Позже в своих мемуарах Антон Бринский напишет: «Выступления

Черного перед партизанами и местными крестьянами в то трудное время сыграли громадную роль. Вскоре деятельность партизан в этих районах заметно усилилась.

Особенно удачны были операции, проведенные отрядами имени Щорса, которые разгромили немецкий гарнизон в Чемолах. Отряд Картухина сделал налет на районный центр Кривошин, разрушил полотно на узкоколейной дороге Кривошин — Линок, уничтожил два паровоза на магистрали Брест — Барановичи, ликвидировал несколько бензозаправочных и продовольственных пунктов».

Разумеется, не забывал Черный и о своей главной задаче — разведке. В реальном выражении она формулировалась так — проникнуть в Барановичи, создать там агентурную сеть.

Однако Иван Николаевич ясно осознавал: Барановичи — это далеко не Житковичи. Крупнейший железнодорожный узел. Магистрали расходятся во все концы страны — в Минск, Брест, Гомель, на север в Ленинград, на юг в Киев. Именно поэтому Центр не уставал повторять: насаждение нашей агентуры в Барановичах крайне важно.

Правда, и немцев в Барановичах было значительно больше. И гестапо работало весьма активно, без сомнения, имея разветвленную агентуру.

Обсуждая этот вопрос с Бринским, своими разведчиками, Черный пришел к выводу: надо начинать с городка Кривошин, который располагался верстах в тридцати от Барановичей.

Решили сначала просто наведаться в город, узнать новости, разведать, как говорят, «кто чем дышит».

Используя житковический опыт, Черный проинструктировал разведчиков: заходить в разные дома, пока никого не агитировать, не вербовать, просто приглядеться к людям получше.

Что ж, задача ясна: приглядеться. В первую вылазку вместе с разведчиками пошел и сам Черный.

Встречали их в поселке настороженно. Кто знает, откуда они? Народ был запуган арестами и расстрелами.

Потом партизаны появились в Кривошине второй раз, третий. Люди встречали партизан уже приветливее, видно, пообвыклись, пришли к мысли, что вокруг них не одни фашисты да полицаи.

В очередное посещение поселка попали они в дом слесаря паровозного депо Ромуальда Лиходневского.

Слесарь угостил их обедом — картошкой, хлебом. Разговорились. Лиходневский живо интересовался событиями на фронте. Признались не таясь, что обстановка непростая — фашисты рвутся к Сталинграду.

Возможно, Ромуальд Викентьевич и ждал предложения от партизан, но те промолчали, поблагодарили за угощение и распрощались.

В отряде на совете разведчиков пришли к выводу, что с Лиходневским надо начинать работу. В следующий раз идти на свидание с ним поручили местному, кривошеинскому партизану-разведчику Голумбиевскому. Тот и сам подсказал: мол, хочу выяснить, где сейчас мои бывшие друзья детства, одноклассники, приятели.

Черный это предложение посчитал деловым. И Голумбиевский ушел.

Оказалось, что в Кривошине мало кто остался из друзей и знакомых Голумбиевского. Время такое — кого на фронт забрали, кто уехал, кто и вовсе пропал. Однако об одном своем товарище партизан разузнал — Иван Жихарь был жив-здоров, работал у немцев на аэродроме.

«На аэродроме — это хорошо, — подумал про себя Черный. — Эх, кабы обоих привлечь — один на аэродроме, другой в депо. Что еще надо?»

Вскоре удалось договориться с Лиходневским. Он готов был работать на партизан. Ему дали оперативный псевдоним Курилов. Теперь партизанам стало известно все, что творилось в депо, на железной дороге.

Черный радировал в Центр:

«По железной дороге Барановичи — Брест за последние числа сентября переброска живой силы, особенно танков и артиллерии, на запад увеличилась. На разъезде Бронка — Гура находится 7 артиллерийских складов.

В депо Барановичи работает мой человек Лиходневский Ромуальд Викентьевич (Курилов)».

За вербовку Курилова Центр его похвалил, за разведсообщения — упрекнул. «Ваши сообщения об увеличении перебросок по дороге Брест — Барановичи очень важны, но не конкретны, — писал в ответной телеграмме Николай. — Вы же разведчик. Надо сообщать время, сколько, чего, куда направляется.

Например: за 28.9. на участке Брест — Барановичи прошло на фронт 7 эшелонов танками (сколько танков), 5 с войсками, 3 с неизвестным грузом».

Черный лишь вздохнул над радиограммой: ничего, придет время, будет и он знать и вагоны, и сколько танков в вагонах, и даже какие шевроны на рукавах у танкистов. А пока... Пока надо работать.

Разведчикам удалось выйти на Ивана Жихаря. С ним словно случайно столкнулся в Барановичах партизан Николай Голумбиевский. Жихарь удивился: он, оказывается, слышал, что Николай уехал из родных мест.

— Да нет, как видишь, здесь, — сказал ему Голумбиевский.

— А ты где же, Ваня?

Жихарь сконфузился, но признался:

— Так... у немцев на аэродроме пашу.

Голумбиевский задал несколько провокационных вопросов об аэродроме, самолетах. Но Жихарь был настороже. От ответов ушел.

Словом, не получилась их первая встреча. Расстроенный Голумбиевский пришел в отряд, рассказал обо всем Черному. Иван Николаевич выслушал разведчика, успокоил и посоветовал:

— На следующей встрече выложишь ему все напрямую, предложишь сотрудничество.

Голумбиевский так и сделал. Жихарь обрадовался, сказал, что давно мечтал уйти в партизаны. Но тут Николай его остановил.

— Прежде надо выполнить задание.

— Какое задание, говори, — сказал Иван.

— Сможешь достать у немцев электробатарейку? Для радиостанции нужно.

— Смогу...

И действительно, вскоре он притащил на встречу батарейку.

После этого партизаны поручили Жихарю провести диверсию на аэродроме. Иван сиял — это было ему по душе. Разведчики рассказали, как надо подготовить диверсионный акт, снабдили соответствующими «средствами».

А вскоре немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88» взорвался на взлете. Через некоторое время, едва поднявшись в небо, вошел в штопор еще один самолет.

Иван был готов и на дальнейшие подвиги. Пришлось его «притормозить» и объяснить важность не только диверсий, но и развединформации.

Первые же данные от Жихаря ошеломили. Стало ясно, что в Барановичах не просто аэродром, а крупная авиабаза, где базируются до сотни самолетов, которые совершают полеты на Москву, Киев и даже на Ленинград.

Задача Центра была выполнена: в депо и на аэродроме Барановичи теперь находились наши агенты. В партизанский отряд Антона Бринского стала поступать регулярная, проверенная разведывательная информация. Ее сразу же передавали в Москву.

«Сов. секретно»

Москва. Центр. Радиостанция "Слива". 19.10.42 г.

7.10 в Барановичи с востока прибыли 2 эшелона кавалерии.
Расположились на Сенатской и Технической улицах.

7.10. с востока в Барановичи прибыли 20 вагонов зенитной артиллерии. Заняли позиции на аэродроме.

Черный».

Облава продолжается

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 8.10.42 г.

Я получил сведения, что нашу радиостанцию немцы засекли из Житковичей. Ей приходится работать по 10–12 часов в сутки. Каратели приближаются к нашему району с двух сторон. Считаю необходимым “Скрипке” сократить работу в эфире до 1 часа в сутки.

Связь с Бринским прервана, предполагаю нападение на них карателей. Гриша».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 11.10.42 г.

Каратели напали на базу Бринского. Раненые Криворучко и Максименко убиты. Ялуенков и Сидоров пропали без вести.

На задании подорвался командир группы Садовский.

Облава на людей Бринского продолжается.

Гриша».

Партизан Бринского спасли собаки и... опыт. Однажды ночью псы партизана Николая Величко вскочили, насторожились. Величко знал своих псов: просто так они тревожиться не будут. Значит, рядом чужой.

Пришлось разбудить Бринского, остальных партизан. Двинулись к западной окраине острова. Однако было тихо.

Вдруг стая птиц взлетела, загомонила. Кто потревожил их?

Еще было темно, туман укутал болото. Прислушались. Действительно, кто-то шел им навстречу. Чавканье десятков ног доносилось все явственнее и четче.

Каратели! По болоту шли каратели. По звуку определили — их было много. Партизаны стали отходить, залегли в зарослях тальника.

Немцы прочесывали партизанский островок, открывали огонь по деревьям, кустам. Они были совсем рядом. Нашли лазарет Бринского, расстреляли раненых партизан.

Антон Бринский, Иван Черный, партизаны целый день пролежали в тальнике. Они ничем не могли помочь своим погибающим товарищам — слишком мало было сил.

Когда каратели ушли, они похоронили погибших, а назавтра... Назавтра опять за дело. Свое, родное разведывательно-диверсионное дело.

Теперь их целью был комендант особого полицейского участка, который располагался в Ляховичах, — Николай Четырько. Нет, партизаны не собирались его убивать. Расправиться с этим немецким прихвостнем было несложно. Каждую неделю, в субботу комендант приезжал в деревню к родне, напивался, клял судьбу. До войны он служил в Красной армии, попал в окружение, пробрался на родину, и тут за ним пришли немцы. В общем, пошел Четырько на службу в полицию.

В очередной раз, когда комендант, уже порядком подвыпив, сидел в избе у родственников, в комнату вошли партизаны, разоружили Четырько и повели беседу.

Полицай упирался, спорил, доказывал, что не сам, не по своей воле пошел на службу к фашистам, говорил, что людей не расстреливал, не вешал.

— Если бы вешал, мы бы с тобой не разговаривали, Четырько, — сказал Черный. Уходя, он намекнул коменданту: — Ты еще, надеюсь, нам годишься. Сам подумай. Хорошенько подумай. Зайдем в следующую субботу.

Через неделю Черный и разведчик Караваяев вновь навестили Четырько. Теперь это был совсем другой человек — рассказал о своем полицейском участке, о немцах, расспрашивал о положении на фронтах, с удивлением рассматривал газету «Правда» недельной давности.

Так комендант Четырько стал агентом партизан.

В отчете о проделанной работе, написанном в сентябре 1944 года в Москве, Иван Николаевич Банов писал: «Четырько Н.Ф. — комендант особого участка полиции, осведомитель. Участок его находился в 3-х км от г. Барановичи. Давал сведения о барановическом гарнизоне.

После неудачной операции полиция раскрыла его. Немцы казнили Четырько. На допросах он не проронил ни слова о своей работе и никого не выдал. Его повесили весной 1943 года».

Той же весной случилась страшная беда и в семье инженера Николая Дорошевича, опытного партизанского агента, диспетчера железнодорожной станции Барановичи.

Еще осенью 1942 года Черный вместе со своими разведчиками, привлекая к работе Дорошевича, казалось бы, все продумали — нашли связных, стариков — мужа и жену Морозовых, научили Николая, как составлять сводки о движении поездов, как пользоваться тайником для так называемой бесконтактной связи.

Дорошевичу дали удобный, безопасный псевдоним — Варвашевич. Попади такое письмо в руки гестапо, что из того? Варвашевичей в Барановичах не одна сотня — ищи его, свищи.

Важно было и то, что Дорошевич ничего не знал о другом агенте, работавшем в депо, — Лиходневском-Курилове.

Однако беда пришла с другой стороны. В последнее время, чтобы не вызвать подозрений, диверсионные акты все чаще совершал старший сын Дорошевича — Николай. Используя магнитные мины, он пустил под откос несколько эшелонов.

И надо же такому случиться: об этой опасной деятельности отца и старшего брата прознал младший Дорошевич — Саша. Взрослые, как могли, скрывали от него правду. Но Саша поставил ультиматум и потребовал дать ему мину. Самое страшное, что он по-мальчишески мог проболтаться, ведь ему было всего двенадцать лет.

Решили: лучше научить его пользоваться миной, чем ждать, пока он что-нибудь предпримет на свой страх и риск.

Отец и брат поговорили с Сашей, объяснили важность и опасность дела, взяли с него слово о молчании. Мальчик был потрясен доверием взрослых.

Младший сын Дорошевича часто бывал у отца в диспетчерской, на станции. Он давно всем примелькался, его хорошо знали охранники. Это и использовали партизаны. Саша незаметно закладывал мину, и где-то в пути поезд взрывался.

...В тот весенний день у Саши Дорошевича вновь в кармане была мина. Механизм он уже установил: взрыв через три часа.

Однако на этот раз прибыл воинский эшелон. Весь перрон был забит солдатами. Подойти к вагону не удалось.

Он пришел к отцу, посидели. А время стремительно бежало. Прошел час, второй... Отец отправил его домой, осознавая, что сегодня совершить диверсионный акт не удастся. Саша ушел со станции, потом вернулся. Однако опять неудача, его вновь прогнали.

Подошел еще один состав, с цистернами. До взрыва оставалось четверть часа. Саша вновь прошмыгнул на перрон. Но вокруг много солдат — заметят, опять прогонят. И он уцепился за лесенку на цистерне, вытащил из кармана мину.

Его заметили немцы, закричали. И тут раздался взрыв. Он разметал все вокруг, загорелся вокзал, соседние составы. Немцы так и не смогли дознаться, что за мальчишка взорвал цистерну. А родители, если их расспрашивали, говорили, что отправили Сашку в деревню, к бабушке. Так

они работали и молчали до того самого дня, когда советские войска освободили Барановичи.

В своем отчете по итогам диверсионной работы с декабря 1942 года по ноябрь 1943 года подполковник Иван Банов приведет такие цифры: «Взорвано воинских эшелонов — 457, разбито вагонов с боеприпасами — 163, вагонов с техникой — 94».

Где-то здесь и те вагоны, которые подорвал юный герой-партизан Александр Дорошевич.

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Слива”. 2.11.42 г.

23.10. на восток через Барановичи проследовало 11 эшелонов, что составляет 390 вагонов. Из них — 77 вагонов с войсками, 5 платформ средних танков, 280 платформ грузовых автомашин, 72 закрытых платформы, 10 платформ мотоциклов, 2 платформы полевой артиллерии, 13 вагонов дерева, 3 — пустых.

На запад проследовало 11 эшелонов — 195 вагонов. Из них 113 вагонов с войсками, 16 закрытых, 3 с деревом, 10 платформ автомашин.

Черный».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Слива”. 3.11.42 г.

До 80 процентов немцев убыли из Барановичей в Германию. Из Барановичей идет отправка инженерного и технического состава на реку Буч (повторяю, Буч) для устройства укреплений.

Восстанавливается Барановический укрепленный район.

Кавалерия из Баранович выехала на запад.

Черный».

Иzumительный фильм в Микашевичах

«Сов. секретно

Гриша. Радиостанция “Пена”. 18.11.42 г.

Разрешение на ваш прилет в Москву имеется. Заместителя подбираю. Самолет будет в конце ноября или в начале декабря.

Я несколько раз напоминал вам, что задачи, поставленные Черному, являются важными, очень важными.

По его донесениям он уже привлек некоторых людей, работающих на различных объектах, и это дело ни в коем случае прекращать нельзя.

Николай».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 20.11.42 г.

О передаче дел Черному указание получил. Спасибо. Площадку готовим.

Гриша».

В середине ноября Черный возвратился на центральную базу. Тут и ошарашил его начальник узла связи Семен Скрипник. Сообщил, что Батю отзывают в Москву, а ему приказано принять командование партизанским отрядом.

«Не может быть, — подумал он тогда, — какая-то ошибка». Однако эту весть подтвердил и Линьков. Он сам в одной из радиограмм советовал назначить Ивана Николаевича командиром.

Почему отозвали Линькова, никто тогда не знал. Спрашивать было не принято. В конце концов, он провел в лесах больше года, развернул отряд, наладил диверсионную работу. Словом, это могла быть обычная ротация. А может, Батю назначают на новую должность?

Но была причина, о которой знал только сам Линьков, да его начальники в Главном разведуправлении.

Григорий Матвеевич был военным инженером. Война заставила его поменять профессию и стать диверсантом, но в душе он по-прежнему грезил изобретениями.

В конце октября Батя направил в Москву большую и на первый взгляд странную радиограмму. В ней не было ни слова о пущенных под откос

поездах, убитых фашистах.

«Николай! — обращался он к Патрахальцеву. — Прошу тебя и тов. Панфилова доложить о моем изобретении в Совет обороны». Суть изобретения коротко, в общих чертах, он излагал в этой же радиোগрамме.

«Еще до войны я много думал над созданием нового вида транспорта, способного передвигаться по снежной поверхности без дорог. И уже тогда этот транспорт мог появиться, но война сорвала проведение опыта.

Находясь 13 месяцев в тылу врага, я продумал все детали этого важного изобретения, которое может сыграть решающую роль в деле освобождения Родины от фашистских извергов.

Речь идет о металлических челнах, передвигающихся по снежной поверхности с помощью сжатого воздуха, нагнетаемого автомобильным мотором небольшой мощности. Коэффициент трения металла о снег настолько ничтожен, что позволяет привести в движение плоскость, имеющую большую нагрузку при очень малой приложенной мощности.

Мне известны работы ряда изобретателей, пытающихся решить проблему различными путями, но практического применения все эти изобретения не нашли.

Существующие у нас аэросани могут передвигаться по дорогам, да и то ненадежно, несмотря на применение моторов огромной мощности.

Предлагаемое мною изобретение построено на совершенно ином принципе.

Мой снежный транспорт будет развивать скорость до 40 км в час, иметь большой радиус действия и свободно преодолевать водные преграды.

Эти машины могут быть использованы для проведения фланговых и обходных маневров на фронте, но главным образом для глубоких рейдов в тыл врага».

Вот такое любопытное обращение. Для разработки и осуществления изобретения Линьков предлагал вывезти его на время в Москву. Трудно сказать, это ли предложение военинженера 1-го ранга оказалось принятым или причина его отлета была какая-то другая, но уже 30 ноября Батя сообщал в Москву: «Дела Черный принял, посадочную площадку держим в состоянии готовности. Жжем костры».

Так капитан Черный стал командиром партизанского отряда. Под его руководством действовали диверсионные группы — Бринского (80 человек) под Барановичами, Насекина (18 человек) в районе Ковеля, Садовского (30 человек) под Калинковичами, Картухина (20 человек) в

районе Ковеля и группа Сазонова из 18 бойцов под Сарнами.

На центральной базе находилось 20 партизан. Всего списочный состав — 186 бойцов и командиров.

Через год их станет 2500 человек. Но это будет в конце 1943 года. А до него еще надо было дожить. И доживут, к горькому сожалению, не все.

Что и говорить, год в тылу врага — целая вечность. Ведь даже за те три месяца, которые Черный провел у Бринского, здесь, на центральной базе, сколько всего произошло.

На Булевом болоте фашисты устроили бомбежку, хотели уничтожить штаб, радиоузел. К счастью, не удалось.

Фашисты пытались арестовать Павла Кирбая, да он их перехитрил. Когда немцы с местными полицаями пришли его арестовывать, Паша попросил сальца да хлебушка взять в дорогу. Разрешили.

Кирбай залез в подвал, где в куче картошки у него была припрятана винтовка. И уложил нескольких наповал, а сам огородами, да к лесу. Ранили его в плечо, но ушел, пробрался в отряд.

Ясно было, что кто-то выдал Кирбая. Но кто? Группа Горева опасности не чувствовала, слежки не заметила.

Тогда Черный со своими разведчиками и решили, что провал Кирбая никак не связан с работой горевской группы. Как оказалось потом, они глубоко ошибались.

В начале декабря из Житковичей придет страшная весть — арестовали подпольщиков Горева. С этим сообщением на южную партизанскую заставу прибежит связная Женя Матвеец. Она расскажет, что прислали ее Иосиф Гарбуз и Николай Корж, которым чудом удалось ускользнуть из лап фашистов.

Черный отдал приказ: собирать людей и выходить в рыбхоз. На помощь им были посланы партизаны. Они вывели в отряд подпольщиков Гарбуза, Татуру, Назаренко, Фетисова, Матюнина.

А вот Женю Матвеец схватили фашисты. После многокилометрового перехода она предупредила подпольщиков, а сама возвратилась домой и упала обессиленная на кровать, уснула. Здесь ее и взяли немцы.

Женя ошиблась, она пришла домой, хотя об опасности ее предупреждали партизаны.

Житковическое подполье было разгромлено. Как удалось выяснить потом, немцы начали с Горева. Устраивая повальные обыски, фашисты не могли пройти мимо его дома. В квартире и в сарае полицаи ничего не нашли. Но вот стог сена, который стоял недалеко от дома, насторожил карателей. Сено было не тронут, а тропка оказалась заметной. Стали

потрошить стог. Там оказался склад — мины, толовые шашки, листовки.

Горева жестоко избили и забрали в гестапо вместе с сыном. Туда же попали жена Гарбуза, семья Коржа, Василий Ярмош, Детковский, Женя Матвеец. Все они были замучены и расстреляны.

Что лежало в основе провала группы подпольщиков? Первая мысль — предательство. Но при тщательном анализе стало понятно — предательства не было. Однако пришло и еще одно горькое осознание — группа Горева не могла не провалиться. Она была обречена.

Подпольщики нарушили все правила конспирации. В чем-то они оказались виноваты сами, но порою так складывались обстоятельства, независимо от их желания.

Во-первых, все они знали друг друга. Группа из нескольких человек сложилась стихийно. Горев, Гарбуз, Корж, Татура решили искать партизан. Тогда же их связной стала Матвеец. И опять все знали ее и она в свою очередь — тоже.

Со временем группа расширялась. В нее вошли Коробченко, Николай Ярмош — дядя Коржа, Василий Ярмош — двоюродный брат Коржа, Хомченко, Назаренко.

Подпольщики провели несколько удачных диверсионных актов. Это окрылило их. Казалось, теперь им все под силу. Подпольщики теряли элементарную бдительность.

В это время гестапо, встревоженное участившимися диверсионными актами, усилило свою работу.

Группа Горева была крайне уязвима. Достаточно арестовать одного, и под пытками он мог выдать всю агентурную сеть.

А подпольщики тем временем делали ошибку за ошибкой.

Примером тому может служить просчет Николая Коржа. По заданию командования отряда он устроился на работу в городскую управу. Однажды Корж явился на службу со свежими номерами газеты «Правда» во внутреннем кармане пальто.

Когда он вышел в другой кабинет, молодые сотрудницы, работавшие с ним, пошарили по карманам и неожиданно обнаружили... центральную газету Советского Союза.

Теперь девушки с восхищением смотрели на Коржа. Тот дознался, в чем дело, отругал их, приказал молчать. На том, как ему казалось, инцидент был исчерпан.

Девушки с гордостью поведали о Корже-подпольщике своим подругам, родным, и слух пополз по городу.

Даже провал Павла Кирбая не насторожил ни руководство отряда, ни

подпольщиков. За ошибки пришлось расплачиваться кровью, жизнями боевых товарищей.

Уже после провала Черный и его разведчики поняли, что при первой опасности группу Горева следовало вывести в лес, а вместо них развернуть сеть новых информаторов, строго придерживаясь законов конспирации.

Однако были не только поражения и провалы, но и победы — настоящие, большие. Такой победой партизан стал подрыв кинотеатра в Микашевичах. И подготовил его тот самый Ваня Конопатский, который поначалу показался Черному робким и даже трусоватым. А Ваня совершил настоящий подвиг.

Он долго, не торопясь, продумывал и готовил этот диверсионный акт. Тут было о чем задуматься и Конопатскому, и его руководителям в партизанском отряде.

Как доставить взрывчатку домой Конопатскому? Придумали. Выручил Пришкель. Он приспособил в телеге тайник и перевозил тол. Одна ездка — десяток килограммов. Однако ездить пришлось три раза.

Теперь Ивану надо было не только сохранить его в доме, но и перетащить в кинотеатр. Носил по одной шашке в кармане брюк. Надевал пальто и на работу.

Шашки таскал не по ночам, а утром, когда шел на работу, и вечером, отправляясь на вечерний сеанс кино. Потом из кинобудки толковые шашки закладывал в подполье.

Но и это было полдела. Теперь предстояло протянуть проводку к электродетонаторам. Однако возня киномеханика с проводкой не вызвала подозрения ни у немцев, ни у полицаев.

Теперь новая задача. Как произвести взрыв в нужный момент и самому остаться в живых? Разведчики разработали такую легенду. Накануне, перед тем, как фашисты соберутся в кинотеатр, присоединить провода, идущие от детонаторов к рубильнику.

Когда зал заполнится, киномеханик вдруг обнаруживает «неожиданные» неполадки с проводкой. Он попросит любого полицая подежурить в кинобудке (пока не исправит неполадку), и минут через пять после ухода Конопатского включить рубильник для проверки «фазы».

Взрыв был назначен на 7 ноября, но немцы совещание перенесли на более поздний срок. И вот этот срок наступил. Фашисты собрались в клубе 17 ноября. Приехали несколько офицеров, некоторые из них только что прибыли из Германии, унтер-офицеры, немецкие солдаты, полицаи. Зал был забит до отказа.

Конопатский все сделал, как и планировалось. Он пригласил полицаю,

объяснил, мол, барахлит проводка, и попросил включить рубильник через несколько минут. Полицай все исполнил в точности. Микашевичи вздрогнули от взрыва.

Конопатский благополучно ушел в лес. Он чувствовал себя именинником. И по праву. А вот те, кто руководил его работой, могли поступить тоньше, умнее. Тогда бы и клуб поднялся на воздух, и Ваня, как ценный разведчик, остался бы вне подозрений в Микашевичах.

Ну, например, если бы Иван, когда выскользнул из клуба, не убежал, а подошел к стоящим в оцеплении полицаям и пожаловался: мол, выгнал из будки, не доверяют. Разумеется, его бы спросили: кто выгнал? Да полицай какой-то.

Вполне жизненная легенда. Но, увы, опыта у разведчиков еще было маловато: не додумали, не догадались.

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 20.11.42 г.

16.11. взорван кинотеатр в Микашевичах перед самым пуском картины. В зрительном зале разместились 130–150 человек. В их числе 3 офицера, 2 инженера, только что приехавших из Германии, 6 унтер-офицеров, 60–65 солдат войск СС, которые за десять дней до этого расстреляли 240 мирных жителей — женщин, детей, остальные немцы из охраны гарнизона Микашевичей.

Исполнители и организаторы благополучно явились в отряд. Гриша».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 23.11.42 г.

По полученным сведениям в кинотеатре в Микашевичах взрывом уничтожено 80 гадов, 12 подошло в больницу. Считаю цифру преуменьшенной.

Фамилии исполнителей привезу. Гриша».

«Сов. секретно

Грише. Радиостанция “Пена”. 21.11.42 г.

Вот это работа! Такого изумительного фильма в Микашевичах

фашисты не забудут.
Николай».

«Каратели наступают со всех сторон»

«Сов. секретно

Черному. Радиостанция “Пена”. 10.12.42 г.

Вышлите в район Бреста, Ковеля, Сарны несколько групп с одной “музыкой” с заданием охватить диверсиями магистрали Брест — Ковель, Ковель — Сарны.

Помимо этого в Ковеле, Сарнах следует посадить свою агентуру с задачей разведки и осведомления с железнодорожными перевозками.

Исполнение доложите.

Центр».

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 12.12.42 г.

На магистрали Сарны — Ковель действует Насекин с девятью группами и музыкантом “Кемь” (смотри радиogramмы о подрыве поездов на перегонах этой железной дороги). Туда же направляю Бринского с четырьмя группами для усиления диверсий и организации агентуры в этом районе.

Черный».

Бринский и Каплун со своими отрядами готовились к переходу.

Недавно из диверсионного рейда под Ковелем возвратился Седельников и ввел штаб в реальную обстановку. Оказалось, в том районе действуют отдельные партизанские отряды, но они разобщены, не имеют единого руководства и связи с Центром.

Положительным было то, что эти отряды поддерживали тесный контакт с местным населением. Иначе им было не выжить.

Стало быть, найдутся люди для развертывания агентурной сети.

Батя еще не улетел в Москву, находился на центральной базе, и он лично инструктировал Бринского и Каплуна. Ему помогал Черный.

Надо было объединить усилия ковельских партизан и отрядов Бринского и Каплуна. Партизаны Бати делятся с местными патриотами тротилом, оружием, боеприпасами, те же вводят их в курс дела, подбирают нужных людей для разведывательной работы. Важно и то, что у Бринского и Каплуна есть связь с Большой землей.

В январе 1943 года в отряд Бати пришла радостная весть. Центр прислал радиogramму: *«Поздравляю с присвоением звания Героя Советского Союза и вручением ордена Ленина Линькову Григорию Матвеевичу».*

Черный был удостоен ордена Ленина. Отпраздновали, как могли, а через несколько дней отряды Бринского и Каплуна, нагруженные взрывчаткой, двинулись в путь. Улетел в Москву и Линьков. Вся ответственность за руководство отрядом ложилась на плечи капитана Черного. Ему в ту пору было всего 26 лет.

А жизнь тем временем готовила жестокую проверку молодому партизанскому командиру.

Гитлеровцы к тому времени были не на шутку встревожены активностью партизан. Удары по железным и шоссейным дорогам из редких, случайных превратились в постоянные, грамотно организованные. Они уносили жизни гитлеровских солдат, уничтожали технику, боеприпасы, продовольствие, прерывали движение на магистралях.

Фашисты сократили до минимума движение составов в темное время суток, гнали поезда в основном днем. Но на это партизаны ответили по-своему. Теперь Центр присылал больше мин замедленного действия. И эшелоны горели как днем, так и ночью.

Гитлеровцы выставляли усиленную охрану мостов, строили на наиболее опасных перегонах дзоты, создавали так называемую санитарную зону, вырубая леса вдоль железной дороги.

В одной из радиogramм в Центр Черный сообщает: *«Немцы усиливают охрану железных дорог. Кроме казаков для охраны прибыли гитлеровцы. В Микашевичи — 170 человек, в Польска Гуру — 70 человек, в Лобчицы — 50 человек.*

Поставили пушки, вырезают лес по сторонам дороги на 300 метров. Роят окопы, строят будки для охраны».

Однако и эти экстренные меры не помогали.

Радист радиостанции «Пена» в те дни передавал в Москву: *«Группа Бокальчука сожгла зерносклад, 32 скирды сена, железнодорожную станцию, лесничество, разогнали охрану станции — 7 казаков и 10 полицейских.*

Группа Горячева, Черкеса взорвала воинский состав 49 вагонов со скотом и бензином. Шел на фронт».

В ответ на это немцы еще более ужесточили полицейский режим.

Командир отряда Черный докладывал в Центр: *«Гарнизон Микашевичи пополнился до 3-х тысяч человек и ведет борьбу с партизанами.*

Вдоль железной дороги Брест — Гомель на участке Микашевичи — Житковичи немцы роют дзоты. При появлении посторонних лиц в 1–1,5 км от железной дороги всех расстреливают на месте. Доступ в гарнизоны невозможен. Туда пускают, оттуда нет. Большинство из тех, кто пришел в гарнизон, — расстреливают».

Несмотря на это, диверсии продолжались — горели склады, летели под откос эшелоны, взрывались заводы.

Теперь в борьбе с мстителями немцы видели единственный выход — уничтожение партизанских баз.

Собравшись с силами, они начали свою карательную операцию из района Барановичей и двигались с запада на восток.

29.1.45 года радиостанция одного из отрядов, действующего западнее центральной базы, передала просьбу о помощи: *«Ведем большие бои с немцами на протяжении троих суток. Истратили много боеприпасов. Немцы наступают.*

Прошу срочно помочь самолетом, прислать боеприпасы».

11.2.43 года. Черный докладывал в Центр: *«Прошу срочной помощи: автоматов, патронов, гранат. Каратели наступают со всех сторон».*

Больше рисковать было нельзя. Если радиоузел попадет в руки врага, центральная база окажется без связи с Москвой, с отрядами.

Приняли решение уходить на северо-восток, оставив на Булевом болоте небольшую группу партизан для обмана фашистов, обозначая, таким образом, присутствие отряда.

Подходы к базе заминировали, оставили для связи радиостанцию.

Однако какая бы сложная обстановка ни была, Центр ждал разведсведений. А сведения эти добывать приходилось с огромным трудом.

Фашисты перекрыли все дороги, ведущие к партизанским районам, взяли под наблюдение деревни, села. Опасно было посылать группы связи в Барановичи и Микашевичи.

Но если у барановичевских подпольщиков была своя радиостанция и с ними Черный держал хотя бы редкие сеансы связи, то микашевические агенты действовали только через тайники. И в этом была основная сложность. Ведь для молодых разведчиков очень важен контакт с более опытным руководителем, его подсказка, анализ проведенной операции или собранной информации. И если такого контакта, личных встреч нет, партизанскому агенту приходится туго. Он один, а против него работают матерые гестаповцы, профессионалы.

Черный всячески пытался оберегать свою агентуру. При первой опасности прерывал связь, выдерживал паузу. Это, безусловно, сокращало

развединформацию, зато сохранило агентурную сеть.

Но даже в столь сложное время, пусть и в сокращенном виде, Центр, тем не менее, получал ценные сведения от партизанской разведки.

Радиостанция «Пена» сообщала, что аэродром в Барановичах насчитывает 174 самолета. «Из них: 17 истребителей, 11 штурмовиков, 7 двукрылых машин, 139 двухмоторных самолетов».

Станция «Бук» передавала, что в «Ганцвичах гарнизон 1700 человек. Условные знаки на машинах, танках и других видах техники: черный крест, немецкий штык, лопата, лошадиная голова, лисица, волк, треугольный флажок».

Тем временем разведка сообщала: каратели вышли к Милевичам. А это рукой подать до центральной базы. Погрузив пожитки, радиоузел в сани, отряд двинулся в путь.

В Центр ушла радиограмма: *«Сильная, почти повсеместная облава против партизан, фашисты очень дезорганизуют работу. Прошу выслать опытных разведчиков».*

Черный вывел своих людей в район базирования отряда Василия Козлова. Месяц приходилось маневрировать, уходить от карателей. В марте, когда немцы отвели свои войска, отряд возвратился на старую базу.

Однако теперь обстановка в окрестностях расположения отряда была совсем иная, чем прежде. Не обнаружив партизан, фашисты в ярости сожгли все деревни вокруг, забрали скот. Жители ютились в землянках, голодали. Голод надвигался и на отряд Черного.

Иван Николаевич понимал, что приходит весна, надо сеять хлеб, без которого не выжить ни местным крестьянам, ни партизанам. Кое-как наскребли остатки зерна, дали крестьянам партизанских лошадей, запахали, засеяли поля. В Житковичах и Микашевичах у немцев удалось отбить коров, предназначенных для отправки в Германию.

Отряд Черного значительно вырос, и теперь его именовали партизанским соединением. И то правда. Теперь под командой Ивана Николаевича Банова было две бригады — Бринского, в состав которой входило 425 человек, и Каплуна, численностью до 400 человек, а также отряды Цыганова (105 человек), Садовского (100 человек), Сураева (100 человек), Картухина (98 человек).

Бринский действовал в районе Сарны, Ковель, Кобрин. Каплун базировался под Высоцком и Столином, Цыганов обосновался у озера Выгоневское, Сураев находился под Пинском, Картухин — под Лидой. Садовский партизанил на линии Барановичи — Минск.

Если посмотреть на карту, бригады и отряды находились на большом

удалении друг от друга. Порою это расстояние составляло до нескольких сотен километров. Достаточно сказать, что район, где действовало соединение Черного, по площади равнялся территории Франции.

В каждом из населенных пунктов находились крупные гарнизоны фашистских войск, штабы частей, учреждения, военные объекты. Здесь также были расположены большие железнодорожные узлы с подвижным составом и депо, аэродромы.

Все это определяло исключительную важность этого района и то внимание, которое уделяло ему военная разведка.

Успешно действовать в таком районе можно было только при наличии хорошо отлаженной системы радиосвязи. И такая система безотказно работала в соединении Черного.

Все бригады и три отряда имели своим радиостанции — у Бринского — радист Николай Пирогов («Кемь»), у Каплуна — Александр Балагуров («Сак»), у Цыганова — Колоколов («Слива»), у Сураева — Анатолий Быков («Бор»), у Садовского — Тамара Ольховская («Благ»).

На центральной базе при штабе соединения располагался радиоузел «Пена». Всю огромную работу по обеспечению связи с Центром, а также бригадными и отрядными корреспондентами, ремонт, профилактику аппаратуры, шифрование и расшифровку текстов радиogramм выполняли три специалиста — начальник узла и два радиооператора — Семен Скрипник и в разные периоды радисты Александр Маслов, Николай Злочевский, Анатолий Косюков и оператор Юрий Ногин.

Радисты на центральном узле и периферийных радиостанциях работали не разгибая спины. Рабочий день их составлял порою по 10–15 часов в сутки. Не выдерживала и выходила из строя аппаратура. Только за 5 месяцев (с января по май 1943 года) в Центр было передано 860 важных сообщений.

При такой нагрузке часто перегревался и уже через полгода выходил из строя двигатель. Требовался его капитальный ремонт. Одного комплекта питания для радиостанции «Север» хватало всего на 5–6 дней. Лампы перегорали через два месяца.

Радиоузел с такой интенсивностью работы постоянно ощущал нехватку бензина, батарей, ламп и других запасных деталей. Поэтому Черный все время в своих радиogramмах просил у Центра «питания к рациям, ламп 120-вольтовых, топливо для двигателя».

От однообразной работы, замкнутого пространства очень уставали радисты. Они все время просились на задание, в рейды. Командир иногда брал их с собой, но чаще отказывал. Слишком уж дорого могла стоить

потеря радиста. Что поделаешь, их место здесь, в землянке, на узле связи. Тут проходит для них фронт.

...Заканчивалась весна. 18 мая 1943 года Центр передал радиограмму: *«Установите и донесите номера полков и дивизий, расположенных в городах и деревнях вашего радиуса действия, а также номера их полевых почт и опознавательные знаки на машинах.*

Задача большой важности.

Для ее выполнения привлекайте все имеющиеся средства: осведомителей, местное население, партизан и другие источники. Обязательно организуйте захват пленных и документов.

В донесении указать источники и достоверность данных. В дальнейшем организовать непрерывное наблюдение за перегруппировкой установленных, прибывших и проходящих частей, о чем донесите немедленно».

Черный перечитывал радиограмму и думал: приближается лето. Он еще не знал, каким оно будет, лето 1943 года, но предполагал, что горячим. Чувствовал это сам, да и строки радиограммы говорили о многом.

Задача, при той разветвленной агентурной сети, которую имел Черный, была не такая уж трудная.

Вскоре приказ Москвы разошелся по бригадам и отрядам.

Тем временем Центр подбросил новое задание. Его беспокоили сведения о том, что фашисты готовятся к химической войне. Пришло указание выяснить, где немцы сосредотачивают запасы отравляющих веществ, что это за вещества.

Проблемы нарастали как снежный ком. Черный разрывался, но чувствовал — сил, времени не хватает. Полгода он просил себе опытных помощников, но теперь понял: надеяться надо только на себя. Помощников не будет.

И вдруг — радиограмма. Оказывается, он ошибся, Центр не забыл его просьб.

«Сов. секретно

Экз. единственный

ПРИКАЗ

заместителю командира агентурно-диверсионного отряда Черного капитану Глумову Михаилу Сергеевичу, кличка “Гора”

Капитана Глумова назначаю заместителем командира отряда Черного по агентурной работе.

Капитану Глумову совместно с радисткой Мальцевой Екатериной Ивановной

ПРИКАЗЫВАЮ:

Выброситься на парашютах в расположение лагеря отряда Черного на сигнал 7 костров, выложенных буквой “Н” (14 км западнее оз. Червонное) с задачей:

1. Принять от командира отряда Черного существующую легальную сеть агентурно-диверсионных работников, пересмотреть состав завербованной агентуры, отсеять ненужное. Оставшимся поставить конкретные задачи.

2. Используя связи Черного с местным населением, завербовать из числа лучших людей агентов и создать новую агентурно-диверсионную сеть в городах: Барановичи (3 радиофицированные резидентуры — 6 человек), Лунинец (1 радиофицированную резидентуру — 2 человека), Сарны (1 радиофицированную резидентуру — 2 человека).

Подполковник Пестров».

Оплеуха из Центра

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”/ 26.5.43 г.

Имею возможность давать разведсведения по железнодорожным станциям и гарнизонам Ковель, Ровно, Сарны, Барановичи, Столбище, Лунинец, Пинск, частично Брест.

Прошу сообщить, какие города в районе нашего действия интересуют больше.

Черный».

Вместе с Глумовым-Горой в отряд были десантированы Хаджи Бритаев, назначенный также заместителем командира, переводчик Горшунов и радистка Маляева.

Войдя в курс дела, на центральной базе они вскоре отправились в периферийные формирования: Гора — к Седельникову и Патыку сначала под Барановичи, потом к Пинску, Бритаев — в бригаду Каплуна под Лунинец и Сарны.

Позже, уже в Москве, в своем отчете о проделанной работе подполковник Банов, характеризуя Гору, напишет: «Начальник оперативной группы при оперативном центре. По специальной работе вполне подготовлен, хорошо чувствует обстановку.

Умело передает опыт подчиненным. Разведку любит.

Как командир оперцентра считал Глумова у себя лучшим разведчиком».

Эту высокую оценку Гора вполне заслужил. С первых своих шагов он показал себя сильным разведчиком-профессионалом.

Уже одна из его первых радиограмм из района действий отряда Седельникова обратила на себя внимание и крайне встревожила Черного.

«13 июня на станцию Брест, — радировал Гора, — прибыл эшелон из Варшавы. Состав эшелона: четыре пассажирских вагона, семнадцать платформ с грузом, тщательно укрытых брезентом. Поездная бригада немецкая.

Со станции перед прибытием эшелона были удалены все местные рабочие и служащие. Работу по смазке букс, проверке тормозов выполняла немецкая паровозная бригада с помощью солдат.

Эшелон усиленно охраняется. Во время его стоянки в Бресте к

железнодорожным путям и к станции никого не подпускали.

Установить характер груза не удалось. Эшелон убыл в направлении Барановичи. Принимаю меры к установлению характера груза».

Первым делом команда ушла в бригады и отряды — проследить путь эшелона и наконец выяснить, что же так тщательно скрывают немцы.

Признаться, мысль работала в одном направлении — фашисты в секретном эшелоне везут какие-то отравляющие вещества.

Переписки с Центром в те дни о готовящейся химической войне было много, Москва нервничала. Накануне пришла телеграмма, в которой руководитель Черного требовал: *«Вы до сих пор не ответили на мою телеграмму, какие приготовления ведет противник к химической войне.*

Постарайтесь организовать захват баллона с ОВ».

И тут вдруг Гора со своим секретным поездом. Все вроде бы сходилась. Однако догадки и предположения в Центр не отправишь. Мол, загадочный эшелон, немцы никого не подпускают. Кого это волнует? Тут же поступит команда: выяснить и доложить.

Вот и стали выяснять. А эшелон, как назло, двигался осторожно, медленно, только в дневное, светлое время.

Немцы пускали вперед обычные поезда, и только потом «отчаливал» этот.

Это разжигало страсти партизан. Вскоре со станции Колосово пришли первые известия — никаких баллонов с отравляющими веществами на платформах не было. Под плотно обтянутым брезентом удалось разглядеть то ли танки, то ли пушки.

Разведчики из Бытенья были конкретнее — на платформах точно танки. Но тогда почему такая секретность, если это просто танки?

Дальше — больше. Командир группы Хрищанович сообщал, что это не совсем обычные танки, посадка у них низкая, пушки длиннее, калибром поболее, гусеницы широкие, непривычные.

Так и сообщили в Москву, что знали, — секретный эшелон, необычные танки. И тут же получили оплеуху от начальства. Центр указывал, что термины типа «длинные пушки» и «широкие гусеницы» непрофессиональны — нужен калибр, точная ширина гусениц, толщина брони, экипаж. Словом, обычный набор развединформации о тактико-технических характеристиках вражеской техники.

Черный проглотил горькую пилюлю. И все-таки не зря он так тщательно насаждал свою агентуру. Следующие сутки принесли полную ясность.

Во время ночной стоянки разведчики рассмотрели танки поближе и,

что самое ценное, подобрали обрывок газеты, где был во всей красе изображен новый немецкий танк «тигр» и расписаны его достоинства: неуязвимый для русской артиллерии, броня, пушки, пулеметы. Словом, само совершенство. Отбросив немецкие хвалебные эпитеты, Черный послал в Центр телеграмму следующего содержания: *«Описание тяжелого танка “тигр” нового выпуска. Вес — 60 тонн, экипаж — 5 человек. В башне танка длинноствольное орудие 88 мм. Лобовая броня 8—10 см, задняя 5—7 сантиметров. Гусеницы более широкие. На танках нарисован черный крест. Экипаж одет в черную форму, на шапках эмблема — череп».*

Центр поблагодарил за важную информацию и попросил проследить маршрут следования эшелона. За газетой, где был изображен «тигр» и его описание, Москва прислала самолет.

Как показало будущее, разведчики Черного выполнили важнейшую государственную задачу. Новое, секретное оружие — танки «тигр» и «фердинанд», впервые брошенные гитлеровцами в бой на Курской дуге, — не явилось неожиданностью не только для командования, но и для бойцов Красной армии. Их учили, как бороться с этими якобы неуязвимыми танками. Оказалось, «тигры» и «фердинанды» горели за милую душу!

Сражение на Орловско-Курской дуге, наступление наших войск на южном и центральном направлениях стремительно меняли оперативную обстановку. Надо было уходить дальше на запад. Но куда? Черный со своим штабом полагал — двигаться надо на Люблин. Однако Центр считал иначе. *«Перебазирование в юго-западном направлении не требуется, — писал руководитель в ГРУ, — будет ненужное дублирование.*

Переброску необходимо проводить на северо-запад, в район Лиды с последующим ориентированием на Гродно, Белосток.

Организуйте разведку нового места базирования в районе Лиды. Ваши соображения сообщите».

И в конце радиограммы начальство порадовало: *«Просимое вооружение сократим, не обеспечим».*

Что ж, он понимал трудности Центра. У них не один Черный, а оружие надо всем. Что же касается приказа, то Москве виднее. В Лиду — так в Лиду.

Уже в двадцатых числах июня Черный радировал руководителю: *«Подготовил два отряда численностью 300 человек. Готовы выйти в район Лиды и Белостока. Ускорьте выброску раций с радистами, оружия и взрывчатых веществ.*

Задержка в отправке только за вами. Молнируйте решение».

Однако до отхода многое надо было успеть сделать. Например, решить

проблему, кто же останется руководить разведчиками в их старом районе базирования. Да и Гора, находившийся под Барановичами, только разворачивал свою работу по созданию радиофицированных резидентур.

Дело оказалось непростым, и часто оно не зависело от партизан. Для того чтобы легализовать радистку в Барановичах, следовало порядком попотеть, продумать разные варианты, дать данные в Москву по легенде будущего агента, оформлению документов.

А тут свои тонкости. Мало, например, радистку снабдить советским паспортом, выданным в городе Рославле в 1937 году, надо придумать достоверную историю, как она попала в Барановичи, каким ветром ее сюда занесло. Лучше всего, если найдется документ, что она была вывезена в Германию. Но почему вернулась оттуда? По болезни. Опять нужна подтверждающая бумага с немецкой печатью. А такую бумагу мог сделать только Центр, да и то не всегда.

Но другого выхода просто не существовало. С «липовой» справкой гестапо расколется радистку в два счета.

Словом, нужно было время, тщательная, кропотливая работа и помощь Центра. Только так в Барановичах, Лунинце и в Сарнах (как было сказано в приказе Глузову) могли появиться радиофицированные резидентуры.

Центр запросил Черного: а нельзя ли на месте организовать обучение радистов? Уж очень заманчивая перспектива — организовать такую «лесную школу-2», только для радистов. Хорошо бы, да вот аппаратура, оснащение для этого надо основательные.

Черный усомнился в успехе идеи, но на всякий случай заявку на аппаратуру и все необходимое для учебы сделал. Однако Центр не ответил, видимо, уже поняв бесперспективность своего предложения.

А командира волновало другое: как обезопасить агентов, выходящих на встречу с разведчиками?

Не всегда это просто и безопасно, а порой и попросту невозможно агенту из города явиться в лес, а партизану в город. Подтолкнул его к подобным размышлениям провал, когда прекрасный разведчик Семенюков, идя на личную встречу, попал в засаду. Как выяснилось позже, его выдал предатель. А кто гарантирован от предательства? То-то и оно.

Значит, надо создавать конспиративные квартиры.

Однако дело это новое, и потому Черный решил посоветоваться с Центром. В очередной телеграмме он изложил свои предложения.

«Данная сложная обстановка требует от меня и моих подчиненных разработки новых форм работы.»

Думаю практиковать организацию конспиративных квартир в

интересующем нас городе. На квартирах удобно и безопасно проводить встречи моих работников, командиров групп разведки с агентурой.

Личное общение повысит уровень и качество работы, облегчит учебу, повысит заинтересованность и целеустремленность агента.

Для этого мне необходимы документы. Если вы имеете возможность прислать специалиста с инструментами для выпуска документов на месте, то это будет хорошо. Также нужна маленькая лаборатория, фотографический аппарат, немного материала. В будущем все можно будет достать на месте.

Это предложение в жизнь не проводил. Прошу сообщить, можно ли его реализовать и чем вы можете помочь?»

Предложение было весьма толковым. И Центр поддержал Черного.

«Проникновение наших работников в города, — ответила Москва, — легальным или полулегальным путем и временное их проживание является делом нужным. Только при таком подходе можно иметь солидную агентуру в интересующих нас местах — штабах, госпиталях, учреждениях.

Специалиста и необходимый материал для документов будем готовить».

Что ж, сказано — сделано. Пока Центр собирался организовать подготовку специалиста по изготовлению документов, Черный со своими разведчиками подобрал конспиративные квартиры.

Однако очередная его партизанская задумка осталась нереализованной. Только в этом Черный был не виноват.

В конце июля Москва поздравила его с присвоением звания майора, а следом пришла радиограмма о том, что на центральную базу прибывает представитель Центра Марк. Что за представитель, с какой целью прилетает, — не сообщалось.

Позже Москва все-таки раскрыла свои планы. Она приказала соединению Черного теперь называть оперативным центром и готовиться к организационным мероприятиям. Приказ доставил с собой представитель Центра Марк.

Представителем Центра оказался Афанасий Мегера. Приземлившись с парашютом, он лично вручил приказ майору Черному.

«Сов. секретно
тов. Черному

ПРИКАЗ

Вашим коллективом проделана большая, положительная работа в тылу врага. Однако обстановка и требования времени заставляют пересмотреть методы всей работы.

Главный хозяин приказал:

Ваше хозяйство именовать оперативным центром в составе:

— оперативная группа командиров для организации агентурно-диверсионной работы в составе 3-х человек во главе с Глумовым.

— до девяти самостоятельных, подвижных диверсионных групп, составленных из лучших боевиков по 12–15 человек каждая.

— разведучел “Пена” во главе со Скрипкой.

Весь остальной состав с вооружением, материальными средствами, одной радиостанцией и радистом передать партизанам на месте, по указанию нашего представителя Марка.

Срок исполнения к 1 сентября с.г.

Ваше умение, опыт, настойчивость вселяют уверенность, что поставленные задачи будут выполнены».

В тот же день пришла радиограмма о том, что «Бринский будет использоваться самостоятельно. В отношении бригады Каплуна указания получите позже».

Черный не верил своим глазам. Конечно, группы разведчиков, лучших боевиков, как писал Центр, сформировать не проблема. Проблема в другом — кто будет охранять штаб, если в нем останется три человека во главе с Глумовым? А хозработы, а охрана деревень и сел? Вопросов много, ответов — нет.

Афанасий Мегера строг и непримирим. Что поделаешь, ему по приказу Центра следовало провести оргмероприятия.

Черный понимает, приказ надо выполнять, даже если этот приказ, мягко выражаясь, не продуман. И тем не менее Иван Николаевич решил высказать свое мнение.

«Ваш приказ о реорганизации, — радирует он в Центр, — может быть, деловое и хитрое решение неких крупных вопросов. Непонятно только, почему в этом важном деле вы обходите меня? Может быть, следует выслушать и мое мнение?»

Если Черный как руководитель не справляется с делами, то его можно снять, но зачем играть втемную?»

По приказу уже подобрал 50 процентов людей».

Позже этот приказ будет отменен. И в первую очередь потому, что изменит свое мнение представитель Центра Мегера. Пробыв на базе, в отрядах три месяца, присмотревшись, он поймет, что партизаны не только

разведчики и боевики, но и представители советской власти на оккупационной территории. И если разорвать соединение на мелкие группки, партизанское формирование не сможет эффективно работать в тылу врага, потеряет контроль над своим районом, не сможет защищать ни себя, ни местных жителей.

В общем, реорганизацию отменяют, оставят только название — оперативный центр. А вот бригады Бринского и Каплуна уже не вернут. Это будет теперь другой «оперативный центр», нацеленный на Украину.

Черному «нарезают» свой участок — разведка и диверсии в районе Барановичи, Лунинец, Луцк, а также поручают подготовку командиров разведывательных групп из местных жителей. Впоследствии предполагается придать им радистов с радиостанциями, чтобы они имели свою связь с Москвой.

Все это говорит о том, что скоро оперативному центру Черного в дорогу, на запад.

«Сов. секретно

Черному. Радиостанция “Пена”. 20.11.43 г.

Продвижение Красной армии на запад не позволит без ущерба для дела оставаться с базой на старом месте.

Ваши предложения о районе базирования — утверждаю.

Предлагаю не позднее 10.12. с.г. перебазироваться со своим хозяйством в предложенный Центру район.

Для перехода составьте план с учетом предварительной разведки в районе базирования, организации непрерывной связи с Центром и возможностью принять груз во время перехода в новых район.

Для руководства имеющейся агентурой оставьте группу людей на старой базе во главе с командиром и связью с вами.

План перехода и время донести. Получение радиограммы подтвердите. Валерий».

«Вам ставится особо важная задача»

«Сов. секретно

Черному. Радиостанция “Пена”. 28.11.43 г.

В район вашего расположения происходит перемещение штабов дивизий и корпусов противника. Вам ставится особо важная задача: не приостанавливая перехода вашего хозяйства в новый район, организовать подвижную группу, хорошо вооруженную, отважных бойцов для разгрома одного из штабов и захвата оперативных документов или вражеских офицеров.

Во главе диверсионных групп поставьте способных, смелых офицеров. Подразделение в готовности к действиям временно оставьте на месте, установив с ним связь. Места расположения штабов будут сообщены дополнительно.

Связь Центра с группой через вас.

Повторяю, задача очень важная, дело вашей чести достойно ее выполнить. Получение и уяснение задачи подтвердить, готовность группы донести.

Валерий».

Итак, Красная армия приближалась к государственной границе. Разведчики-диверсанты должны были двигаться впереди наступающих войск. Ведь войскам, как воздух, нужны сведения о противнике, а еще поддержка партизан из вражеского тыла.

Казалось бы, задачи не новые, вполне понятные каждому партизану. Однако условия выполнения этих задач теперь были совсем иные. Во многом неизвестные, незнакомые.

Впереди лежала Польша. Что ждет их на чужой территории? Как встретят местные жители, какова реальная обстановка? Ничего этого разведчики Черного не знали.

Ясно было одно: там совсем другое государство, и требовать сотрудничества с советскими партизанами не придется. Рассчитывать следовало только на тех, кто добровольно вступит в борьбу с врагом.

Позже, после Великой Отечественной войны, в нашей стране будет создан миф том, что на оккупированной польской территории еще до подхода наших войск успешно действовала развернутая сеть партизанских отрядов. Ничего этого не было. Ни реального партизанского движения, ни

диверсионных актов в тылах противника.

В феврале 1944 года, уже будучи на территории Польши, в районе Люблина, Черный сообщал в Москву: *«Поляки на сотрудничество идут плохо. По всей стране имеется 50 различных партийных группировок, которые ведут борьбу между собой».*

Заметьте, ведут борьбу не с врагом, а между собой.

Четыре с половиной года, как гитлеровцы топчут землю Польши, убивают, насилюют, но, несмотря на это, *«партизанское движение находится здесь в зачаточном состоянии»*, радирует в Центр Черный. И далее сообщает: *«Диверсионные отряды создаем из русских военнопленных».*

Однако ничего этого пока не знают ни Черный, ни его товарищи по оперативному центру. Они еще на своей родной земле и только готовятся к переходу в Польшу.

Зима 1943–1944 годов — это не зима сорок второго. Красная армия наступает по всему фронту, и партизанские отряды растут численно. Однако эта волна прибывает к партизанскому берегу разных людей.

«Боец Татур Валентин Викторович, — докладывал в Москву Черный, — дважды дезертировал с боевого задания, около двух месяцев пьянствовал в окрестных деревнях. Был пойман и расстрелян».

Откровенно говоря, таких, как Татур, было немного, но они были. И, разумеется, на чужую территорию, когда никто не мог предположить, что ждет партизан там, в Польше, брать в отряд бойцов ненадежных, недисциплинированных — это значит подвергать опасности сотни других, а вместе с ними и все дело.

Именно поэтому и приходили в Центр радиogramмы такого содержания: *«Рядовой Латышев из отряда Цыганова систематически пьянствует, занимается мародерством. В пьяном виде дважды терял личное оружие. Меры воспитания совершенно не действуют. Брать его с собой на Запад не могу».*

Москва понимала сложность положения Черного. Ведь партизанский отряд в далеком тылу — это не воинское подразделение в составе своих войск, где применимы все меры воздействия, где на страже авторитета командира и его приказа стоят комиссары, политотдел, органы военной прокуратуры, Смерш. Ничего этого у Черного не было. И воспитывать латышевых, на которых *«меры воспитания совершенно не действуют»*, приходилось самому.

Правда, иногда Центр мог ему помочь рекомендацией, которую он получил на свою радиостанцию: *«Латышева со всеми материалами*

передайте в особый отдел ближайшего партизанского соединения».

Таковы были истинные проблемы, которые стояли перед командованием оперативного центра накануне перехода в Польшу.

Как и приказала Москва, Черный укомплектовал подвижную, маневренную группу из 50 человек. Вооружили их всем лучшим, что было в отряде, — автоматами, карабинами, ручными пулеметами и даже противотанковым ружьем. Возглавил ее заместитель Черного Хаджи Бритаев.

Как и положено, доложил об этом в Центр. И тут же получил новую боевую задачу для группы Бритаева.

«Вами проделана большая работа по добыванию данных о противнике, — радировала Москва, — но эти данные добыты наружным наблюдением, документы от вас — явление редкое.

Одним подсчетом вагонов группировку противника и его намерений не вскрыть, нужна серьезная работа по захвату документальных данных.

Сейчас, когда штабы противника приблизились к районам ваших действий, а его коммуникации сократились, связь между войсками и органами управления осуществляется во многих случаях автотранспортом. Поэтому настоятельно необходимо использовать благоприятные условия для налета на легковые машины и захват документов, а также офицеров-секретносителей.

Группе Бритаева организовать систематические налеты на легковые автомобили на участке грунтовой дороги Житковичи — Лахва».

Черный читал радиограмму и не без удовольствия отмечал: было время, когда Центр очень радовался «подсчетам вагонов», потому что эту работу в сорок втором только предстояло наладить.

Теперь Москва требовала качественно новых разведданных — документы. Что ж, будут и документы. В этом Иван Николаевич несколько не сомневался. Опыт разведчиков его оперативного центра давал основания для такой уверенности.

В сущности, так и получилось. Когда основной отряд под руководством Черного совершал переход, Хаджи радировал:

«11.1.44 г. Группа Сударя четвертого числа в районе Милашевичи — Лахва подбили машину. Уничтожен унтер-офицер полевой жандармерии № 581. Взяты списки личного состава».

«13.1.44 г. Группа Сураева десятого числа напала на колонну, идущую из Лунинца в Милашевичи. Разбито 3 грузовых, 2 санитарных и 1 легковая машины.

Убито 20 немцев и взят в плен обер-ефрейтор Пауль Осес из 127-го

интендантского управления. Ранее он служил в 77-м тяжелом артполку.

В Лунинце находится штаб 2-й армии, склады, главное интендантское управление. Захвачены документы, письма, приказы, газеты, ведомости, инструкции, принадлежащие 2-й армии».

«7.1.44 г. Семнадцатого числа в районе Лахва разбили легковую машину. Взяты документы 2-й армии и письма».

Центр был доволен. Начальник разведывательно-диверсионного отдела ГРУ Шерстнев сообщил: *«Сураеву и его коллективу за проведенную операцию объявлена благодарность. Основное содержание приказов передать по радио, подлинники документов пакетом передайте Комарову.*

Действия по захвату документов и офицеров активизируйте».

Примечателен и другой факт. Перед уходом с центральной базы к другому месту дислокации Черный передал свою агентурную сеть полковнику Льдову. Под псевдонимом Льдов работал недавно возвратившийся в эти края старый знакомый Черного, его прежний командир Герой Советского Союза Григорий Матвеевич Линьков.

Так вот Линьков принял от Черного только в Барановичах 13 агентов-диверсантов и 20 связных. Среди них на железной дороге Брест — Москва — Ломов, в депо Барановичи — Воробьев, на станции Матов, на аэродроме — Паровозов и Роговец, на нефтебазе — Сидоров. Собственно говоря, это было своеобразное подведение итогов агентурной работы, начатой непосредственно еще самим Черным и продолженной его заместителем Горой.

Сам переход оперативного центра состоял из двух этапов. Сначала было решено по своей территории дойти до деревни Сварынь, что располагалась у Западного Буга, потом — бросок за Буг, преодоление железной дороги Владава — Хелм и шоссе Владава — Парчев.

Однако легко сказать — переход, бросок, форсирование. Но когда штаб оперативного центра стал в деталях прорабатывать движение, оказалось на пути огромное число препятствий. Например, преодоление магистралей Барановичи — Лунинец, Брест — Пинск, Днепровско-Бугский канал, а уж о реке Западный Буг и говорить не приходилось. Это крайне серьезная преграда для переправы достаточно крупного оперативного центра, вместе с обозом, узлом связи. Тем более, что Москва не переставала повторять: вы не партизанское соединение, которое всегда готово вступить в бой с противником, а оперцентр. И потому следует избегать соприкосновения с фашистами всеми средствами. Враг не должен знать ваш маршрут.

Но это, как говорят, в теории. Ведь даже на своей территории, по пути к деревне Сварынь на партизанских тропах можно было нарваться на

немцев. Они ведь тоже свою агентуру держали.

Значит, надо было искать другие, новые, нехоженые маршруты. Это, конечно, страховало от фашистских агентов, но вызывало дополнительные трудности по прокладке неизведанных маршрутов.

Казалось, предприняли все меры безопасности при следовании в новый район. Было решено идти только ночами. Практически все дневки проводить в лесах. Провизию добывать в деревнях, расположенных в стороне от маршрута движения.

Перед переходом крупных железных и шоссейных дорог дневки организовывать километров за 15–20, высылая вперед разведку, которая заранее находит место для переброски оперцентра через препятствия. Место переброски выбирать в стороне от маршрута.

Разумеется, походная колонна была выстроена по всем правилам тактики — с головным дозором, боковыми заставами, арьергардом.

Цель и маршрут движения знали только командование центра и командиры групп.

И вот 5 декабря 1943 года Черный послал радиограмму в Москву: *«Все готово для марша. С питанием плохо. Группа под командованием Хаджи остается на базе. 6 декабря выхожу».*

Как обещал, так и вышел. Железную дорогу Барановичи — Лунинец партизаны преодолели ночью и ушли в лес незамеченными. Трудно сказать, что тут помогло: везение, тщательная подготовка или просто не сработала немецкая агентура. Ведь двести человек с телегами, бречками, которые карабкаются по железнодорожной насыпи, грохочут по рельсам, — картина не для слабонервных. И тем не менее фашисты каким-то образом пропустили колонну Черного. Партизаны ушли в лес, а тут уж ищи их свищи — места-то знакомые, родные — Кривошин, Залужье...

После небольшого отдыха еще один переход — теперь уже к пункту назначения деревне Сварынь, что за Пинском. Этот этап оказался сложнее, места пошли незнакомые, партизанами мало обжитые, можно было напороться как на фашистов, так и на националистические формирования, коих в округе бродило немало.

Поэтому Черный часто менял маршруты движения, особенно не задерживаясь в одних тех же местах.

Подольше задержались только в населенном пункте Мотель, что под Брестом. Выдвинули усиленные сторожевые заставы, накормили людей, запаслись провизией в дороге, отдохнули.

Через несколько дней опять новый переход, теперь уже до самой Сварыни. Впереди лежала железная дорога Пинск — Кобрин. Черному

хотелось верить, что и эту магистраль они пройдут тихо, незримо, без единого выстрела, как и предыдущую Барановичи — Лунинец.

Однако на этот раз судьба не была столь благосклонна к Ивану Николаевичу и его боевым товарищам.

Казалось, что все было так же, — они остановились на дневку километрах в пятнадцати от дороги, послали вперед разведку.

Ночь, на счастье партизан, выдалась ненастная, темная. Однако уже на марше снег затих, а когда колонна вышла из леса в чистое поле, небо, как специально, прояснилось. Выглянула луна — яркая, большая, хоть иголки собирай. А двести человек с обозом — это не иголка.

Что в этом случае делать — принимать решение командиру. И Черный решил все-таки идти. Шли, прислушиваясь. Пока было тихо. Шли дальше.

Вот уже и насыпь видна, черным длинным бугром перегородила дорогу партизанам. Партизаны все ближе, ближе...

И тут ударил пулемет — крупнокалиберный, немецкий. Значит, напоролись на фашистов. Колонна залегла, ответила огнем.

— Отходить! — скомандовал Черный.

Отряд разворачивается и отходит назад, к лесу.

Как оказалось позже, разведчики неверно поняли командира, они обеспечили переход колонны в другом месте.

Партизаны провели дневку. Немцы, к счастью, их не беспокоили. Ночью переправились через железную дорогу и двинулись к Днепровско-Бугскому каналу. Пришлось идти по льду канала, так как леса поблизости не было.

Днем на канале колонну «высмотрел» немецкий самолет-разведчик. Партизаны открыли огонь. Самолет отвернул. Это означало только одно — гитлеровцы обнаружили партизан.

Черный приказал взбираться на крутые берега канала и гнать к лесу, который показался на горизонте. Боялись бомбежки, что немцы наведут авиацию, но обошлось.

Добравшись до леса, отдохнули немного и, сориентировавшись, двинулись лесными дорогами в сторону Сварыни. Судя по всему, до села было не так далеко — день ходу.

К вечеру партизаны на опушке леса обнаружили дома. Это и была Сварынь. Переход оперативного центра от Булева озера до Сварыни занял больше месяца.

«Сов. секретно

Черному. Радиостанция "Пена". 11.1.44 г.

Поздравляю благополучным прибытием. Груз вам выбросили до 20 января.

Валерий».

Соваться за Буг опрометчиво

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 21.1.44 г.

В Польшу для разведки посылаю группы Горы и Степи, на Западный Буг на разведку оборонных сооружений — Седельникова.

Черный».

Соваться за Буг, на территорию Польши, без тщательной разведки было бы опрометчиво. Решено послать вперед опытных разведчиков — офицеров Михаила Гору и Федора Степь.

На душе у Черного тревожно: и Гора и Степь идут небольшими отрядами, в незнакомые места.

Перед отходом долго говорили, прикидывали, обсуждали, по сути, как выйти из воды сухими — и дело сделать, и вернуться живыми-здоровыми.

Черный просил сообщать не только о противнике, но и о политической обстановке на польской территории. Он хотел разобраться, с кем ему предстоит иметь дело в будущем, на кого можно опереться, кого опасаться.

Первые радиogramмы Горы и Степи не внушали большого оптимизма. В стране политическое противостояние, партизан кот наплакал. И тем не менее в течение месяца партизанским разведчикам удалось проникнуть и в Люблин, и в Лукув. *«Немцы из Люблина эвакуировали эмиссионный и сельскохозяйственный банки, — сообщали они. — Строительство оборонительной линии по реке Буг производится очень медленно. Идут преимущественно земляные работы».*

Кроме того завербованный источник в люблинском депо доложил: в депо 50 паровозов, строится вторая колея на дороге Люблин — Парчев.

Еще один агент передал сведения о луковской школе подготовки унтер-офицеров.

Удалось проникнуть и на фашистский аэродром Бяла Подляска. Там базировалось около двух десятков штурмовиков и сорок бомбардировщиков Ю-88.

Это уже было кое-что.

Умело работал и Григорий Патык под Брестом. Москва получила от Черного следующую телеграмму: *«Патык добыл план Бреста с точным нанесением воинских частей, учреждений и складов. Каким образом переправить вам план и агентурную обстановку?»*

Чувствовалось по всему: у Патыка появились ценные источники. И действительно, интуиция не подвела Ивана Николаевича. Вскоре Патык прислал радиogramму. В ней кратко сообщал о своих агентах и приглашал Черного приехать к нему под Брест для знакомства с источниками.

Видимо, игра стоила свеч. Иначе Патык не стал бы по пустякам беспокоить командира.

Черный отправился к Патыку. Агент Сокол — молодая женщина, работающая на станции Брест в товарной конторе. Ее скромная должность давала большие возможности. Она могла свободно передвигаться по железнодорожному узлу, знакомиться с документацией.

Сокол уже подорвала три цистерны с топливом.

Агент Зайцев работал помощником машиниста и давал сведения о движении составов. Он также совершил два диверсионных акта — подорвал паровозы.

Но самым ценным оказался агент Жук. Он хорошо владел немецким языком, работал на брестском почтамте, имел обширные знакомства среди немецких офицеров и солдат. Жук готов был устроиться переводчиком в управу, а также совершить диверсионный акт. Черный запретил использовать Жука для проведения диверсий и оставил работать на прежнем месте, на почтамте, сказал, что тот получит персональную задачу.

После возвращения в Сварынь, среди ночи, Черного поднял радист Юрий Ногин. Радиogramмы — одна, другая, третья. Обычные, рабочие — выброска пеленгаторной станции задерживается, сообщение о группе Хаджи и Сураева. И вдруг: «Указом Президиума Верховного Совета СССР звание Героя Советского Союза присвоено»... «Ого! Это кому же?» — спросонья не понял Черный... Еще раз перечитал: «Звание Героя Советского Союза присвоено Банову Ивану Николаевичу...»

— Поздравляем, товарищ майор, — радостно произнес Юрий Ногин.

И в следующую минуту комната заполнилась людьми. Все поздравляли командира с высокой наградой.

Однако, как оказалось, в Указе он был не один. Среди награжденных — Гора, Седельников, Бритаев, Каплун, Караваев... Всего более двухсот человек. Ордена, медали...

Партизаны устроили пир. Все, что было в наличии из продуктов, — на стол. Гулять — так гулять. Не каждый день приходят такие награды.

...К концу февраля на центральную базу в Сварынь подтянулись Хаджи Бритаев и Виктор Сураев. Однако засиживаться в Сварыни было некогда. Вскоре с группой бойцов Хаджи Бритаев ушел к Михаилу Горе, в парчевские леса. Следом за ним, спустя неделю, двинулся основной отряд.

Центр в одной из радиограмм перенацелил Черного.

«Вы начинаете отходить на юго-восток, тем самым удаляясь от своих основных групп и основных объектов работы. Направление отхода измените строго на запад в район Малориты. Там находится Каплун, и вы можете с ним взаимодействовать».

Вскоре одна из групп Черного вышла к заставе бригады Каплуна. А Центр тем временем торопил: «Части Красной армии на вашем направлении усиленно передвигаются вперед. Срочно примите меры к вашему переходу на запад, взяв, в первую очередь, радиоузел и самое необходимое», — радировал начотдела Шерстнев.

Для переноски радиоузла и пеленгаторной станции, по самым скромным подсчетам, надо человек пятьдесят. Еще четыре десятка бойцов понесут боеприпасы и взрывчатые вещества. Это уже девяносто. А для надежной охраны такой колонны надо тоже человек семьдесят. Словом, расчет подбирается к двум сотням. Но где их взять? К тому времени у Черного в наличии не было и половины из нужного количества бойцов.

Пришлось обратиться в Центр. В конце марта из Москвы пришла радиограмма.

«Сов. секретно

Только Черному

Поставленный вопрос о подчинении вам хозяйства Каплуна мы принимаем как мероприятие, ускоряющее ваш переход за Буг.

Приказываю:

Бригаду Каплуна полностью подчиняю вам, о чем одновременно отдается приказ Каплуну. Из ваших и Каплуна людей отобрать лучших 300 человек. Хорошо вооружить.

С этим личным составом и техникой выйти за р. Буг и далее на р. Висла.

Остальных под командой Каплуна с радиостанцией, способной держать связь с Центром, оставить на месте для ведения разведки и диверсий.

Переход потребует большого внимания, организованности, дисциплины и скрытности. Порядок перехода определить по обстановке.

Разведка на себя должна быть непрерывной и подробной, охранение усиленным.

Желаю успеха вам и всему личному составу.

Валерий».

Таким образом, проблема пополнения отряда была решена. Теперь все было готово к броску за Буг.

В это время Черный особенно внимательно следил за сообщениями от Михаила Горы, который, судя по всему, успешно разворачивал диверсионную работу в Польше.

Его агент из города Хелм заложил мину в офицерском клубе. Взрыв уничтожил ресторан и казино, вместе с их клиентами. Подрывник на железной дороге в районе Люблина устроил крушение поездов, другой диверсант подложил мину в вагон с боеприпасами. Взрыв разнес весь эшелон.

Приходили от агентов Горы и разведсообщения — о перемещении немецкого танкового полка из Люблина под Хелм, о складах боеприпасов и вооружения в местечке Бяла Подляска.

Судя по сообщениям, в Польше были патриоты, которые готовы сражаться с фашистами. Однако тревожных радиogramм оказалось не меньше.

«В здешних условиях, — писал Гора, — имеются подпольные организации Армии Крайовой, чье руководство спит и видит, как вернуть прошлую панскую Польшу. Оно натравливает своих подчиненных на русских. Как они выражаются, Советам в Польше делать нечего...

По-моему, эти типы скорее согласятся сотрудничать с немцами или с польскими фашистами, чем станут воевать в одних рядах с нами».

В следующей радиogramме Гора сообщал: *«Людей имею 215 человек. Приходится вести борьбу на два фронта, с польскими эндеками и с немецкими.*

В армии Людовой тоже находятся люди, которые в своем кругу заявляют, что придет время, и они будут воевать с Советами».

В свою очередь Федор Степь радировал из своего района пребывания: *«В Ягодинском лесу находятся националисты, называющие себя “народовцами”. Это профашисты. Численность 200 человек. Руководство из Варшавы дает им только враждебные инструкции. С немцами борьбу не ведут».*

Такова была правда о политической и оперативной обстановке в Польше. Советских партизан не ждали с распростертыми объятиями.

Основываясь на радиogramмах Горы и Степи, Черный сделал вывод и сообщил в Москву: *«За Буг можно посылать группы в 30–40 человек. Партизанские пятерки будут уничтожены националистами, а более крупные группы смогут постоять за себя, если окажутся хорошо вооруженными».*

Однако Москву беспокоила не только обстановка в Польше, но прежде всего разведданные для наступающих фронтов и армий.

«Войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев, — радировал Центр, — и успешно продвигаются на Тернопольском и Проскуровском направлениях. Противник, по имеющимся данным, пытается спешно перебросить в район прорыва подкрепление.

Всеми доступными средствами установите непрерывный контроль за движением противника к району прорыва через пункты Люблин, Брест. Захватив пленных, установить номера частей и цель переброски.

Ежедневный результат молнируйте».

Что ж, непросто было молнирывать каждый день, но приходилось. И рация Черного посылала сообщения в эфир: *«Под Брест прибыли части 2-й пехотной дивизии, находившиеся на финском фронте... В Хелм прибывают части 4-й полевой армии, ранее дислоцированные на берегах Ла-Манша...»*

Эти разведданные дорогого стоили. Добывать их становилось все сложнее. Концентрируя войска для нанесения контрударов, фашисты всячески старались оградить себя от партизанской разведки. Они проводили контрпартизанские операции, облавы.

Дошло и до мест, где располагались отряды Черного и Каплуна. В лес фашисты соваться боялись, но окружили его плотным кольцом, заняли близлежащие хутора и деревни, обстреливали партизан из орудий и минометов.

Продукты в отрядах заканчивались, пополнить их не было возможности — вокруг немцы.

В те дни Москва получала тревожные сообщения от Черного и Каплуна.

«Обстановка района базирования усложняется. Противник наступает в составе 2-й дивизии, 23-й мадьярской и 5-й власовской дивизии...

Нахожусь у Каплуна, обстановка сложная, веду разведку. Самолеты принимать не могу. Кочевать мне с имуществом не удастся».

Тянуть с переходом за Буг больше было нельзя. Следовало уходить, уводить людей из-под удара немцев.

Хаджи Бритаев, который уже преодолел этот путь, прислал заботливую радиограмму.

В ней он настоятельно советовал запастись ножницами, так как «на 157-м полустанке для перевода лошадей через железную дорогу следует обрезать семафорные провода, которые подняты над землей на 1,5 метра.

Перейдя железную дорогу в 2 км от хутора Лысая, можно взять 10 подвод для груза, — указывал Хаджи, — а для форсирования двух каналов перед шоссеиной дорогой надо на хуторе Подшумы раздобыть 5 метров досок.

Шоссе днем охраняется, — предупреждал Бритаев, — патрулируют пешие наряды и танки, ночью охрана слабее, поэтому лучше переходить его после 12 часов ночи».

Черный был благодарен своему заместителю за такие скрупулезные, точные рекомендации. Ведь, как известно, в разведке мелочей нет.

12 апреля 1944 года Черный направил радиogramму в Центр: «Выхожу 13 апреля. Сообщите Горе, что буду направляться в район Н. Орехово».

Темной весенней ночью партизаны вышли к Западному Бугу, нашли проводников, которые на лодках начали переправлять их через реку. Однако течение в Буге бурное, стремительное, лодки сносило, и возвращались они только через четверть часа. Лодок было мало, и Черному стало ясно — за ночь всех партизан переправить не удастся.

Пришлось тем, кто хорошо плавал, брать лошадей под уздцы и грести в ледяной воде. Во второй половине ночи отряд наконец оказался на другой стороне реки. Пока пересчитали людей, оружие, имущество, огляделись, проводников и след простыл. Они тихонько отчалили к родному берегу, сбежали.

До рассвета еще было время, но следовало торопиться. А куда торопиться? К немцам в лапы?

Черный знал, изучая перед выходом карту, что где-то впереди должно быть местечко Сабибур. Надо бы обойти этот Сабибур, да поджимало время, так ведь можно с рассветом и в чистом поле остаться на виду у немцев.

И тогда он принял решение идти через Сабибур. В центр поставил радиоузел и пеленгатор, отделение пулеметчиков — и вперед.

Партизаны вошли в поселок сплоченной колонной. Каждый затылком чувствовал опасность. Из любого дома, огорода может ударить пулемет.

Пугало и то, что на улицах Сабибура стояла тишина. Не скрипнет дверь, не залает собака. Обычно это первый признак засады. Немцы, готовя засаду, приказывали местным жителям запираить домашнюю живность. Так они надеялись услышать приближение партизанского отряда.

Слышалось только тяжелое дыхание партизан. Отряд ускорял шаг. Люди хотели скорее вырваться из перекрестков улиц, быстрее в поле, к лесу.

Сабибур преодолели успешно, но командир гнал их вперед и вперед.

До железной дороги и шоссе, которые надо было перейти, еще несколько километров. А спасительная ночная мгла уже отступает, из темных углов выползает рассвет. Вот уже действительно, в такой обстановке и солнцу не рад.

Мучил голод, жажда. Черный приказал конникам проехать по хуторам на маршруте следования, собрать продуктов. А сам командир торопил людей. Еще виден был на горизонте Сабибур, а там — немецкий гарнизон, который проспал партизан. Уж очень не хотелось, чтобы фашисты ударили в спину уставшим людям.

В колонну возвращались конные партизаны, привозили продукты. Пришлось раздавать хлеб, сало прямо на ходу.

И вот впереди железнодорожная насыпь; партизаны, задыхаясь, вскочили на нее и увидели впереди, в полукилометре, новое, не менее опасное препятствие — шоссе Владава — Хелм.

Не успели спрыгнуть с насыпи на шоссе, загудел ранний немецкий грузовик. Партизаны залегли. Лишь только он скрылся из виду, поднялись и бросились к шоссе. Теперь никого не надо было подгонять. Каждый понимал: здесь — смерть, там, за полотном дороги — спасение, жизнь.

А солнце уже зажигало верхушки деревьев. Кто-то успел перескочить шоссе, кто-то оставался на той стороне, и вновь шум мотора. Вновь мчался фашистский грузовик.

Партизаны опять припали к земле. Машина проехала, не остановилась. Пронесло! Остатки отряда перескочили дорогу и бежали к лесу. Хотя какой там лес, редкие березки, кустарник. Но партизаны были рады и этим кустам. Упали, уткнулись в сырую апрельскую землю. И верилось, и не верилось — прошли.

Черный приказал не вставать, поесть и спать по очереди.

...Вечером, когда затихло движение на шоссе, партизаны огляделись. Судя по карте, впереди была деревушка под названием Сухава.

До Сухавы, что называется, рукой подать, но без разведки соваться опрометчиво — вдруг там немцы.

Командир посылает вперед разведчиков. Они возвращаются с известием — немцев в деревне нет, обед готов.

Пока обедали, выяснили, что немецкие гарнизоны находятся в Парчеве, Хелме, Владаве.

Через несколько часов отдыха на крестьянских бричках партизаны покидают Сухаву. Теперь путь лежит к парчевскому лесу, где их ждет Михаил Гора со своими партизанами.

Зная, что немцы боятся ездить по шоссе, Черный выводит брички на

дорогу. С одной стороны, вроде как риск, а с другой — возможность скорее уйти от Буга, от деревни Сухавы. Ведь, надо думать, немцам уже известно, что они посетили Сухаву.

...Грохочут партизанские брички. Под колесами польская земля.

Проехали деревню Колаче, Сосновицы. Спешились, забрали груз, возниц отпустили с миром домой.

Командир принял решение идти на Липняки и там устроить дневку. Шли по азимуту, впереди разведчики, за ними отряд Парахина, дальше штаб, потом группа Христофорова, а за нею арьергард, прикрытие.

Перед Липняками Черный приказал Христофорову занять оборону на дороге, а Парахину перекрыть вход в деревню с противоположной стороны.

Отряд вошел в деревню. Люди устали, и командир приказал им устраиваться по дворам. Только устроились, как на заставе Христофорова грянул выстрел, потом второй. Тишину разрезала автоматная очередь. От Христофорова прибежал связной, сообщил: немцы. «Нагнали все-таки», — подумал Черный.

У фашистов — броневик и тринадцать машин с солдатами. Это уже серьезно.

Пока Черный пробирался к Христофорову, его партизаны уже подбили передний грузовик, и немецкая колонна застряла на узкой, высокой дороге. Съехать машины не могли, а немцы чего-то ждали, спешиваться и шлепаться в грязь, видимо, не хотели. Это было на руку партизанам.

Подтянулся на помощь Парахин со своими людьми. Черный приказал ему заходить во фланг немцам. Те удачно, незамеченными развернулись и ударили вдоль колонны.

Гитлеровцам стало жарко, они наконец стали выпрыгивать из машин, но партизаны уже подтащили пулеметы и открыли огонь.

А Парахин уже заходил в тыл гитлеровцев. Первым кое-как развернулся и помчался прочь броневик, за ним покатили грузовики. Но шесть машин остались брошенными на шоссе.

После боя партизаны посчитали трофеи, убитых. Возвратились в деревню. Польские крестьяне впервые увидели, как бьют немцев, как бегут они с поля боя, бросая своих убитых солдат.

Теперь в Липняках оставаться было нельзя. Немцы могли опомниться, взять подкрепление и ударить по отряду. Черный приказал уходить.

Загрузились в немецкие грузовики, попрощались с селянами и вновь в дорогу. Шоферы прибавили газу.

Вскоре на окраине деревни Лейно партизан Черного встречали Гора, Степь, Бритаев. Встречали, как героев. Оказывается, слава бежала впереди

них. Поляки говорили, что пришло много партизан, разбили немцев, подожгли броневики. Так-то.

Москва. Центр. Радиостанция "Пена". 26.4.44 г.

25 апреля прибыл к Горе благополучно. Знакомлюсь с обстановкой. Груз готов принять. Он крайне необходим.

Черный».

Обстановка сложная и противоречивая

«Сов. секретно

Черному. Радиостанция “Пена”. 16.5.44 г.

Для разведки условий работы наших людей за Вислой снарядить группу разведчиков, численностью 15–20 человек, из наиболее смелых, дисциплинированных и преданных товарищей во главе с лучшим офицером.

О готовности группы донести к 25 мая.

Валерий Косиванов».

Итак, оперативный центр Черного полностью переброшен на территорию Польши. По приказанию Москвы им предстояло действовать в районе Варшавы, Люблина, Хелма, Демблина, Владавы, Лукова. Железнодорожные магистрали, которые следовало взять под контроль, пролегали на маршрутах Варшава — Брест, Варшава — Люблин — Хелм. Они вели к фронту. В сфере внимания партизан были также рокадные железные дороги Луков — Люблин, Владава — Хелм.

Задачи были прежние, знакомые — проникнуть в города, развернуть агентуру и давать разведданные о гарнизонах, аэродромах, железнодорожных станциях и других важнейших объектах жизнедеятельности гитлеровцев.

Второе важнейшее направление работы — диверсионные акты.

Однако, чтобы успешно действовать в тылу врага, тем более на чужой территории, следовало ясно представлять политическую обстановку в своем районе.

А обстановка эта была крайне сложной и противоречивой. Польшу «раздирали» два крупных политических движения — пресловутая Рада народного единства и Крайова Рада Народова. Однако они были крайне неоднородны. Под крылом Рады народного единства сошлись приверженцы эмигрантского польского правительства из Лондона, ярые поклонники Пилсудского, правое крыло крестьянской партии. Крайова Рада Народова объединяла Польскую рабочую партию, рабочую социалистическую партию, левое крыло крестьянской партии и другие мелкие политические организации.

У каждого из этих политдвижений — своя армия. Таким образом, на тот период в Польше было две армии — Армия Крайова под руководством

ставленника эмигрантского правительства Бур-Комаровского и Армия Людова, которой командовал Роля-Жимерский.

Словом, армии в Польше вроде как были, только вот бороться с фашистами оказалось некому.

В сентябре 1944 года возвратившись в Москву, Герой Советского Союза, начальник оперативного центра ГРУ подполковник Николай Банов напишет такие слова в своем отчете: *«Боевых организованных групп польских партизан за Бугом не было. В открытую борьбу с немцами поляки не вступали.*

Были группы русских партизан, но они в основном жили для себя.

В районе, который контролировал мой оперцентр, находилась всего одна польская партизанская группа подполковника Метека, и та на полулегальном положении. Местный партизанский актив жил дома и лишь изредка выходил на боевые дела».

Это подлинная оценка Черного, нашего легендарного партизанского командира, зафиксированная в документах спецархива ГРУ. Такова историческая правда. Пусть и горькая.

Так что начинать пришлось практически на пустом месте, с нуля. Если не сказать больше. Ведь националисты, аковцы (представители Армии Крайовой. — Авт.), напрямую противостояли советским партизанам.

И тому тоже есть документальные подтверждения.

Один из партизанских командиров — Магомет — в мае 1944 года сообщал: *«Вооруженные поляки уничтожают наши мелкие группы 5—10 человек. Партизаны исчезают бесследно.*

Обстрел партизанских групп на дорогах и в селах заставил ответить огнем. Результат: протест со стороны представителей Армии Крайовой. Докладываю, что национальные польские группы себя не оправдали».

«В Луковских лесах, кроме нас, партизан нет. Есть польская вооруженная группа до 150 человек.

Эта группа открыто борьбы не ведет, но всячески препятствует нашей деятельности, оказывая отрицательное влияние на местное население».

В свою очередь Центр предупреждал партизан: *«Обстановка за Бугом коренным образом отличается от обстановки и условий работы на нашей территории. В связи с этим требуется изменить и методы работы.*

Ваше хозяйство за короткий срок чрезвычайно выросло. При таком росте не исключена возможность проникновения к вам трусов, мародеров, шпионов и провокаторов.

Есть данные, что польские националистические организации

специально засылают к вам своих людей».

Однако, несмотря на трудности, противостояние фашистов и польских националистов, советские партизаны не собирались отступать. Решили наладить связь с подполковником Метеком. Если уж в боевых делах его люди не сильны, то связь с местным населением, надо думать, у него крепкая. Как доложили Хаджи и Гора, подпольщики Метека разбросаны по всему Люблинскому воеводству.

А это уже немало.

Следовало выйти и на русских партизан, активизировать их деятельность, помочь оружием. Решили, не докладывая, встретиться с командиром самого крупного местного партизанского отряда Серафимом Алексеевым. В прошлом Алексеев — сержант Красной армии. Попал в окружение еще летом сорок первого, собрал вокруг себя сотню людей, с тех пор и партизанил. Иное дело, что все эти нелегкие три года не было у его отряда ни связи с Большой землей, ни оружия, ни боеприпасов. Что отбивали, захватывали у фашистов, тем и воевали.

Обсудив и взвесив все «за» и «против», Черный решил, не откладывая, нанести удар по местной немецкой администрации в сельских районах, то есть по полицаям и солтысам, которые мешают их работе. Эти полицейские посты, разбросанные по деревням, селам, хуторам, представляли реальную опасность для его оперцентра, если не вооруженную, то информационную. Ведь полицаи были ушами и глазами фашистов в районе.

И Черный в одну ночь со своими партизанами громит двенадцать полицейских постов. Остальные полицаи в страхе бегут в города.

Следующее нападение — на немецкие склады. Отрядам нужно продовольствие. И оно добыто. Мясо, мука, яйца розданы партизанам.

«Нахожусь в треугольнике Демблин — Гарволин — Жилехов», — радирует Черный. И вскоре получает новую боевую задачу. Центр интересуют аэродромы в Демблине, Уленже, железнодорожные магистрали Демблин — Варшава, Демблин — Луков, шоссе Люблин — Варшава, а также оборонительные сооружения по западному берегу Вислы.

Казалось бы, задачи непростые, объектов много, агентуры практически нет, но сорок четвертый год — не сорок второй. Опыт — великое дело. И вскоре командир разведгруппы Николай Широков начинает давать сведения по Демблинскому аэродрому. Помогли молодые ребята, поляки, ставшие агентами советских партизан.

Демблин оказался достаточно крупной военно-воздушной базой фашистов, где готовились к боям молодые летчики. Они поднимались в небо на «юнкерсах», «мессершмиттах», «хейнкелях». Охрана и персонал

аэродрома насчитывали более полутора тысяч человек.

Хорошо работали разведчики из отряда Серафима Алексеева. За три года пребывания на польской земле у них были наработаны хорошие связи. В Варшаве у Алексеева находился ценный агент, молодая девушка Стася, которая вращалась в кругах немецких офицеров и солдат, а информацию поставляла партизанам.

Разведчики Анатолия Седельникова проникли в город Люблин. Он был заштатным городком, промышленность не развита, всего несколько небольших фабрик. Но партизан интересовали не эти фабрики, а крупнейшая железнодорожная станция. Достаточно сказать, что люблинский узел имел сто пятьдесят путей — два главных и сто сорок восемь запасных, как для пассажирских, так и для товарных поездов. Два больших депо в сутки пропускали до пяти паровозов. На станции почти три тысячи рабочих. Словом, есть где развернуться.

В Люблине, кроме того, был расквартирован штаб танковой дивизии СС «Викинг», располагалась резиденция губернатора воеводства группенфюрера СС Вендлера, части ПВО, гестапо, военные учреждения.

Все эти сведения, добытые разведчиками, незамедлительно передавались в Москву.

Здесь, в Польше, Черный впервые узнал о фашистских лагерях смерти — Освенциме, Майданеке. Партизаны помогали бежать военнопленным из лагерей, находили для них надежные убежища.

С помощью разведчиков Федора Степи и его заместителя Владимира Оффмана удалось завербовать агентов в лесничестве «Плянта». В результате этой работы установили, что в Бяла-Подляске расквартирован фашистский полк, прибывший с фронта на отдых, три пехотных батальона, а также несколько артиллерийских батарей. В городе Седлец размещается 7-й пехотный полк гитлеровцев, школа войск СС, полицейские подразделения.

Важно и другое — разведчики узнали: и в Бяла-Подляске, и в Седлеце находятся фашистские аэродромы.

Проникли партизанские агенты и в Луков. Гарнизон там был поменьше, около полутысячи офицеров и солдат, зато усиливали его поляки — жандармы и полицейские.

Что ж, анализируя поступающие данные, Черный отмечал — начало было неплохое.

За годы нахождения в тылу врага оперативному центру Черного приходилось выполнять разную работу — готовить и проводить в жизнь диверсионные акты, вести разведку наблюдением, разворачивать

агентурную сеть, захватывать документы, уничтожать представителей немецкой администрации и даже руководить крестьянскими хозяйствами на оккупированной территории, занимаясь севом, уборкой, сенокосом, заготовкой овощей. Всякое бывало, но вот внедрять разведчиков-нелегалов не приходилось.

Но, как оказалось, и это партизанам под силу. По приказу Центра на базу Черного были десантированы два человека — резидент майор Фальковский и его радист Шепель.

Майор, не вдаваясь в подробности, доложил, что выполняет спецзадание и хотел бы с помощью разведчиков оперативного центра легализоваться и устроиться на работу на железную дорогу.

Черный, посоветовавшись с Горой, собрал на совещание всех командиров разведгрупп: Седельникова, Степь, Широкова, пригласил Серафима Алексеева. У него самые лучшие знакомства на железной дороге.

К этому времени Москва подбросила с самолетов продуктов, боеприпасов, оружия, медикаментов. Эти богатства поделили между отрядами, группами, устроили ужин. После ужина майора Фальковского представили Алексееву, объяснили задачу.

— Устроим, — уверенно сказал Серафим.

Действительно, через своих знакомых поляков начальнику станции осторожно подсказали: мол, есть грамотный человек, бежал от войны из Варшавы в деревню. Начальник станции клянул. Вскоре Фальковский уже работал кассиром на станции. Охрану резидента обеспечивали партизанские разведчики, связь — Шепель. Фальковский и Шепель действовали без провалов до самого прихода наших войск.

Теперь, когда была налажена агентурная работа и разведданные поступали в Москву регулярно, Черный задумался о том, как по-настоящему ударить по немцам, провести несколько диверсионных актов. А то ведь немцы в Польше и вправду чувствуют себя хозяевами. Это в Белоруссии они гнали составы по ночам, осторожно, строили дзоты вдоль полотна, вырезали лес, а тут «край непуганых фашистов», как пошутил кто-то из партизан. «Вот мы их и пугнем», — решил Черный.

Теперь радист оперативного центра то и дело отстукивал в Москву: на перегоне Демблин — Луков подорван эшелон с войсками и техникой, движение остановлено на сутки; на перегоне Сарны — Свидры уничтожен эшелон с восемью платформами с автомашинами; на перегоне Сарнов — Кшивда пущен под откос паровоз и семь вагонов с солдатами; на перегоне Соболев — Грабняк взорван эшелон с семью платформами с танками и автомашинами.

После таких партизанских ударов немцев было не узнать — прекратилось ночное движение, днем эшелоны передвигались осторожно, медленно, пуская впереди паровозов платформы с песком.

Однако все это уже «проходили» партизаны Черного еще в Белоруссии. Подобные меры предосторожности не спасли фашистов там, не уберегали и здесь.

Москва время от времени напоминала командиру оперативного центра об осторожности. И это было не лишним.

Черный за все годы своего пребывания в тылу врага никогда не действовал шаблонно, однообразно. Его группы, отряды постоянно перемещались, направляясь в то или иное село, партизаны не ехали напрямую, только вокруг, через другие селения и хутора.

В деревне, останавливаясь на дневку, никогда не рассказывали, откуда пришли. Местным жителям запрещали передвижение по ночам. Незнакомых людей, появлявшихся в деревне, задерживали. Старались, чтобы никто из поляков не наблюдал за перемещениями.

И тем не менее, несмотря на все предосторожности, чувствовали себя под постоянным надзором. Как-то в разговоре польский партизанский командир Метек признался, что они знают о всех передвижениях советских партизан.

Таким образом, знать мог не только Метек, но и националисты из Армии Краевой. Что ж, Центр был прав, предупреждая, что *«обстановка за Бугом коренным образом отличается от обстановки на нашей территории»*. Теперь Черный и его партизаны прочувствовали это на собственной шкуре.

И все-таки, несмотря ни на что, время работало против фашистов. С появлением на польской земле оперативного центра Черного, после их крепких диверсионных ударов по фашистам, мелкие отряды, группы советских партизан потянулись к ним. Формировались новые бригады. Теперь партизаны становились реальной силой.

В свою очередь, в штаб Черного стекалась самая различная информация о противнике. В эти дни Центр особенно интересовали разведданные о новых немецких аэродромах. Ведь под ударами Красной армии первыми снимались с насиженных мест в Белоруссии и перебрасывались на запад именно авиационные части. Но куда перелетали фашистские стервятники? Москва требовала точной и оперативной информации. И партизанские разведчики без усталости искали авиационные базы врага.

Вот Серафим Алексеев обнаружил у села Подлудова аэродром. На нем

более двухсот самолетов, рядом — склад авиабомб.

Радиограмма полетела в Центр. Вскоре по аэродрому Подлудова был нанесен сокрушительный авиационный удар.

На северо-западе Варшавы разведчики обнаружили Молтинский аэродром, на юго-западе — центральный «Окенты». На первом базировалось сорок пять самолетов, на втором — почти триста. Их охраняли зенитки, прожекторы. Это тоже зафиксировали на своих картах партизанские разведчики.

Разумеется, все обнаруженные немецкие аэродромы подвергались неоднократной авиационной бомбардировке наших военно-воздушных сил.

Наносились удары и по нашему старому знакомцу — Демблинскому аэродрому. Тем более, что он недавно был усилен переброшенной из Франции авиаэскадрилей. Но случилось так, что удары советской авиации не достигали цели. Несколько бомбежек, однако ущерба никакого.

Командование ВВС не могло понять, в чем дело. Поступил приказ Черному — выяснить. Выяснили. Во время ночных полетов немцы полностью выключали свет на аэродроме и высвечивали ложное летное поле. Таким образом, наши самолеты бомбили пустырь.

Что ж, пришлось уточнить истинные координаты Демблинского аэродрома. Вскоре «французская» эскадрилья немцев перестала существовать.

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 2.7.44 г.

Немцы в спешном порядке на восточном берегу р. Висла проводят усовершенствование укреплений, которые строились в 1940–1941 годах.

На участке Демблин — Гарволин, на полустанках Зеленка, Яблонка, крепость Модлин имеются доты, дзоты, блиндажи, противотанковые рвы, эскарпы.

Черный».

«Сведения получены впервые и только от вас»

«Сов. секретно

Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 25.5.44 г.

В районе Хелма, в местечке Фысув разведчики под командой Моисеенко наблюдали полет и взрыв больших, необычных “торпед”. Взрыв был огромной силы. Никому прежде подобное оружие наблюдать не приходилось.

Разведчики Моисеенко выходили на место взрыва «торпед». Воронка в диаметре около ста метров, вокруг выжжены деревья, кустарник, земля.

Черный».

Запуски «торпед», как называли их партизанские разведчики, немцы проводили на протяжении трех ночей. В Хелм прибыли несколько десятков представителей из Берлина, которые наблюдали за полетами «торпед»; выезжали на места их взрывов. Кто были эти представители, установить не удалось. Скорее всего — ученые, конструкторы, одним словом, изобретатели необычного оружия.

Ответ на радиограмму Черного пришел быстро. Центр крайне заинтересовало сообщение начальника оперативного центра: *«Сведения о “торпедах” получены впервые и только от вас, — радировала Москва. — Приказываем приложить все усилия для выяснения типа этих снарядов, их устройства и места производства».*

Легко сказать «приложить все усилия». Судя по всему, оружие это новое, секретное. Немцы берегут его пуще глаза. Тем не менее и эта задачка со многими неизвестными оказалась по зубам партизанам Черного. Через полмесяца его радиостанция передала в Центр радиограмму: *«По проверенным данным воздушные торпеды, вернее ракеты ФАУ, производятся на заводе Сталева-Воля. Завод построен до войны, в настоящее время расширен, выпускает пушки и другие виды артиллерийского вооружения.*

Ракеты ФАУ действуют на жидком горючем. По словам рабочих и охраны завода, они используются против Англии».

Черный вспомнил секретный эшелон с танками «тигр» и «фердинанд», раскрытый им накануне Курской битвы. Его люди не обделены орденами и медалями, сам он удостоен самых высших наград Родины, и все-таки очень приятно слышать признание Москвы, особенно такое: «Сведения получены

впервые и только от вас».

Эти слова Иван Николаевич прочтет еще раз, когда сообщит в Центр о новых танках «фюрер», которые были мощнее «тигров», с пушками большого калибра, а также о танках-бомбах «кошат». При столкновении с бронированными целями противника они взрывались.

Позже его разведчики смогут узнать тактико-технические характеристики новых фашистских танков. Центр высоко оценит эту развединформацию.

Вообще весной — летом 1944 года Черному, как никогда, придется разгадывать множество фашистских ребусов.

Кроме ракет ФАУ, танков «фюрер» и «кошат» ему подбросят задачу с дивизией «Викинг». Он неоднократно докладывал, что дивизия дислоцируется в Люблине. Сомнений не было. И вдруг встревоженный Центр сообщает, что, по данным армейской разведки, части этой дивизии появились на фронте. Как же так? Значит, либо армейская разведка, либо партизаны Черного вводили Москву в заблуждение.

В общем, Центр ждал объяснений. Оказалось, правы и те и другие. В Люблине действительно находился штаб танковой дивизии «Викинг» и подразделения, которые пополнялись личным составом, оружием и техникой, а также проходили первую обкатку и слаживание. После этого части дивизии отправлялись на фронт, а потрепанные батальоны выводились в тыл, в Люблин.

По данным разведчиков Серафима Алексева, гарнизон города Хелм в последнее время значительно пополнился фашистскими солдатами. Предположительно это были остатки гитлеровцев из разбитых на фронте дивизий. Черный, получив информацию, передал ее в Центр. В ГРУ заинтересовались этими данными. Попросили выяснить, а не полк ли «Великая Германия» находится сейчас в Хелме.

Оказалось, и вправду в Хелме, а также в Люблине располагались остатки полка.

Определили разведчики и точное местонахождение штаба 4-й полевой армии фашистов. И то, что гитлеровцы начали демонтаж и вывоз в Германию предприятий из Варшавы. Это радовало. Крысы бежали с тонущего корабля.

Июнь 1944 года принес новые неожиданности. Союзники открыли второй фронт, и над Польшей появились английские самолеты. Они кружили над лесами и болотами и сбрасывали мешки с грузом, контейнеры.

Нет, этот груз не был предназначен советским партизанам. Их судьба

не очень заботила английских союзников. А вот судьба отрядов Армии Крайовой крайне беспокоила британцев. И они не скупились на подарки.

Так уж вышло, что некоторые из этих подарков попадали в руки советских партизан. Что ж отказываться, если продовольствие и оружие падало прямо на головы бойцов Каплуна, Горы, Седельникова.

«Предполагаю, английским самолетом, — радировал Каплун, — для польских “аковцев” в районе урочища Гурово сброшен груз на 8 парашютах.

Большую часть груза захватил. Пулеметов — 3, автоматов — 12, револьверов — 9, рации — 4, гранат — 250, мин разных — 2 коробки».

Интересно, что в тюках были листовки, содержание которых немало удивило партизан. Полбеда, что британцы призывали поддерживать «лондонское правительство», но они еще агитировали бороться против Советов, не пускать Красную армию в Польшу. Вот так союзнички!

О британских «подарочках» и листовках Черный, разумеется, постоянно сообщал в Центр.

А тем временем напряженность на территории Польши нарастала. Красная армия гнала врага. Фашисты отступали. Их тылы откатывались за Буг, сюда же перемещались штабы армий и корпусов.

Партизанский пеленгатор постоянно обнаруживал в эфире новые позывные немецких радиостанций. Они появлялись то в Люблине, то в Демблине, то в Парчеве. Концентрация фашистских войск на польской территории стремительно возрастала.

В то же время выросла и активность партизан. Диверсии на железных и шоссейных дорогах, участвовавшие удары по тщательно замаскированным аэродромам, складам, штабам. Ничего этого прежде не было.

Черный понимал: долго терпеть немцы не станут. Жди облавы.

А что же партизанские силы? В силу сложившихся обстоятельств они были распылены, разбросаны по району.

Каплун находился на старой базе и в случае необходимости помочь не мог, мешал Буг, который в одночасье не форсируешь. Степь и Магомет действовали под Луковом и Седлицем, Седельников — под Люблином, Моисеенко — под Хелмом. Парахин «оседлал» шоссе Хелм — Владава, Христофоров — дорогу Демблин — Любартов.

Партизаны Серафима Алексеева и Горы были под Демблином, Бритаев — под Люблином и Хелмом. При штабе оставалось всегда полсотни человек. Для боя маловато. Поэтому вскоре Черный подтянул к штабу отряды Парахина, Моисеенко, Филатова.

Партизаны расположились в деревне Воля Верещанская. С одной стороны стоял польский отряд Барановского, рядом в Сосновицах располагался крупный отряд Армии Крайовой.

21 июня стало известно — деревни, дороги, ведущие из Демблина, Лукова, уже заняты немцами. Разведчики доложили, что из Люблина, Хелма и Парчева выдвигаются гитлеровские колонны. Все стало на свои места.

К исходу дня немцы появились на дальних подступах к деревне Воля Верещанская. Черный договорился о совместных боевых действиях с Барановским, предупредили о приближающихся немцах и отряд Армии Крайовой.

Оперативный центр Черного занял круговую оборону. Откровенно говоря, у Барановского сил немного, но вот аковцы могли постоять за себя. Но зря надеялся Иван Николаевич на бойцов Армии Крайовой. Выпустив несколько очередей издалека, они драпанули из Сосновиц в лес. «Как же так, сильный, хорошо вооруженный отряд, а бегут, как зайцы», — досадовал Черный.

Не смог выдержать удара и Барановский и отошел к лесу. Черный оставался один на один с немцами. Даже по самым скромным подсчетам, фашисты значительно превосходили партизан в живой силе.

Однако и партизаны не лыком шиты. У них — несколько пулеметов, большая часть бойцов вооружена автоматами, было даже три ротных миномета. Партизаны решили дать бой.

Фашисты подъехали на бричках, в атаку пошли во весь рост. Их, видимо, вдохновили спины убегающих аковцев. Надеялись, что и советских партизан сомнут. Но не тут-то было.

Яростный бой длился около двух часов, а немцам не удалось продвинуться вперед. Наступило затишье. Видимо, гитлеровские офицеры собирались с мыслями: что делать?

Вскоре разведчики сообщили — фашисты привезли пушку. Это было крайне неприятное известие. Пришлось Черному отвести минометчиков к деревне, откуда просматривался перекресток дорог и немецкая пушка.

Установили миномет, и уже вторая мина накрыла пушку, разметав орудийную прислугу.

Фашисты зывали самолет. Однако его удалось отогнать огнем.

К середине дня в тыл немцам ударили партизаны Седельникова, вызванные на подмогу.

Вновь наступило затишье. Вскоре со стороны Люблина прилетел самолет и приземлился на дороге. Из него вылез немец в коричневом

полицейском мундире. Как стало известно позже, это был начальник полиции Люблинского воеводства.

Гитлеровцы ринулись в новую атаку.

А Черный вызвал бойцов с противотанковыми ружьями:

— Давайте-ка по ржи, ближе к самолету. Надо его уничтожить.

В бинокль Черный видел, как летчик завел самолет, полицейский в коричневом мундире залез в кабину. Самолет стал разбегаться, и тут грохнули выстрелы. Самолет, объятый пламенем, рухнул на землю.

К партизанам еще подошло подкрепление. Огонь немцев ослабевал. Смеркалось. Гитлеровцы спешно грузились на брички и отходили. Среди бойцов Черного не было ни одного убитого, только раненые.

Так завершился этот бой.

И вновь началась обычная партизанская кочевая жизнь. Центр ждал разведданных. И их, к счастью, удавалось добывать.

Агент Анджей сообщил, что северо-западнее Варшавы появились три батальона фашистов — пехотный, строительный и связи.

От бежавшего советского военнопленного стало известно о складе боеприпасов, который находился севернее Лукова. Охранялся он тремя ротами фашистских солдат.

Благодаря усилиям агентов Охотника, Руса, Любы, Лены удалось обнаружить новые аэродромы у деревни Копин, вблизи местечка Маринин, а также данные о дислокации частей противовоздушной обороны Демблина, Бяла-Подляски, Лукова.

Партизанский информатор Славек узнал, что эшелоны, идущие через Люблин и Луков, перевозят гитлеровские части из районов Равы-Русской и Владимира-Волынского.

Не забывали партизаны и о своем главном оружии — диверсиях.

В начале июня 1944 года Черный сообщал в Центр: *«29.6 отряд Алексеева на шоссе Люблин — Варшава разбил две грузовые машины и одну легковую. Убито семь и взято в плен четыре немца, среди них ефрейтор Вольдауер, старший фельдфебель Гюмьер, Роте».*

Бойцы Седельникова организовали засаду на шоссе Любартов — Парчев, захватили немецкий грузовик, убили одного гитлеровца и взяли в плен двоих.

Советские войска двигались к Бугу. В немецком тылу это особенно ощущалось. Все госпитали, польские дома были забиты ранеными с фронта.

Центр требовал уходить дальше за Вислу: *«Стремительное наступление частей Красной армии не позволяет вам задерживаться на*

восточном берегу Вислы.

Вам вместе с Седельниковым, не ожидая Магомета, форсированным маршем выйти в район Томашув».

Однако пока обстановка не позволяла это сделать. 7 июня 1944 года Черный радировал в Москву: «Мною были посланы две разведгруппы. Ни одна группа Вислы не достигла. Сразу же идут массовые доносы в полицию о продвижении групп. Население исключительно поляки. Очень сильно влияние националистов, которые заявляют, что за Вислу советских партизан не пустят.

По данным моей разведки, базироваться партизанам, особенно русским, практически невозможно. Велика насыщенность отрядами польских националистов. Они хорошо вооружены и не только открыто выступают против партизан, но и доносят немцам о партизанах, помогают их уничтожению».

Тем не менее Центр настаивал на перебазировании за Вислу. Приказ есть приказ. Стали готовиться к переходу. На базе отряда Алексеева и группы Басарановича была создана одна бригада, вторая под руководством Горы формировалась из отрядов, действующих в луковских лесах. Целью бригад стал район города Лодзь.

Однако, несмотря на поражения на фронтах, в тылу фашисты не собирались мириться с партизанским движением.

Они применяли тактику, которую, образно говоря, можно назвать «разделяй и властвуй». Вклиниваясь между отрядами, выдавливали партизан из лучших мест. Так, фашисты блокировали луковские и яновские леса. Партизанам Черного пришлось уходить к Парчеву.

8 июня в Центр ушла радиограмма: «Обстановка ухудшилась. Перешел в Парчевский лес».

Все сложнее было держать связь с малыми отрядами и группами — дороги взяты под контроль немецкими патрулями, широко использовались фашистские самолеты-разведчики. Пеленгаторщики Черного засекали все новые радиостанции полевой жандармерии.

Пришло известие — в яновских лесах тяжелые бои с превосходящими силами гитлеровцев ведут партизаны во главе с полковником Прокопюком.

Отряд Черного фашисты пытались блокировать с севера и с юга, заставив выйти всеми силами и парчевский лес, а там окружить и уничтожить. Надо было торопиться.

Вскоре в парчевском лесу скопилось достаточно много партизан — отряд Черного, отряды Белова, Крота. Здесь уже находился отряд Армии Людовой — Кжегоша. Правда, Кжегошу позже удалось выскользнуть из

окружения.

Все остальные были блокированы в лесу. Проанализировав данные разведки, партизанские командиры пришли к выводу, что противник будет наносить удар с юга. Значит, прорываться надо на север, к Лукову.

Фашисты начали бомбардировки леса. Конкретно на прорыв решили идти к деревне Кшиваверба, ближе к городу Парчев.

Немцы никак не ожидали, что партизаны пойдут ближе к городу.

Планировалось сначала сбить гитлеровское охранение, и дальше группе Бритаева двинуться вперед, прикрывая обоз с фронта. Белов прикрывал обоз со стороны Парчева, группа Крота — со стороны Владавы, группа Моисеенко — с тыла.

Черный понимал: успех зависит от быстроты преодоления шоссе.

Двое суток разведчики наблюдали за передвижением фашистов между Владавой и Парчевом. Однако обстановка не благоприятствовала началу прорыва. Днем немецкие войска шли по шоссе сплошным потоком.

Ночью фашисты боялись передвигаться, но все равно у шоссе оставались наблюдатели с пулеметами и патрули. Было и еще одно обстоятельство, которое могло стать роковым, — дорогу окаймляли глубокие кюветы. На бричках не проедешь. Пришлось готовить лаги из веток, сучьев.

Пришла радиограмма от Магомета. Он сообщал: *«Доношу, что неоднократные попытки перейти в район Маковского леса не удалось. Немцы, сделав полевые укрепления вдоль железных дорог, заняли оборону.*

Разведку на проход на запад продолжаю».

«Кто знает, удастся ли прорваться ему или постигнет такая же неудача, как Магомета?» — думал Черный. Но на этот вопрос никто не знал ответа.

Наступил день прорыва. Партизаны выдвинулись к самому шоссе. С наступлением сумерек дорога опустела. Партизаны ждали. Черный отдал команду на прорыв в три часа ночи.

Бойцы бросились вперед и уже через несколько минут ворвались в окопы немецких наблюдателей. Фашистские пулеметчики успели дать несколько очередей и захлебнулись.

К шоссе неслись брички лазарета и обоза. Лаги заброшены в кювет, и лошади, храпя, уже поднимались на высокую насыпь дороги.

Где-то далеко, у Парчева, проснулись немцы, в небо взлетали ракеты. Фашисты открыли артиллерийский обстрел.

Еще несколько минут — и обоз перевалил дорогу. Партизаны уходили к лесу под артиллерийскую канонаду. И вдруг впереди стал нарастать гул пушек. Над головами уже свистели снаряды. «Неужто наши наступают?»

— спрашивал себя Черный. А гул тем временем все нарастал. По немцам была наша родная артиллерия.

Черный остановился, дал команду дождаться отставших, собраться в единый кулак. Собрались, посчитали личный состав — убитых не было, раненых тоже.

Теперь одна дорога — на восток, к фронту. Спасение только в соединении со своими. Выбрали просеку, вытянули колонну. И тут над головами появились советские штурмовики, приняв за немцев, полоснули из пушек, пулеметов. К счастью, никого не убило, только несколько раненых.

И тут прибежал человек от Моисеенко.

— Товарищ командир, немцы отступают, бегут!..

— Значит, прорвались наши, — сказал Черный. И тут на взмыленной лошади показался разведчик из авангарда.

— Наши! Мы вышли к нашим!

Вскоре и основной отряд соединился с советскими войсками.

«Москва. Центр. Радиостанция “Пена”. 25.7.44 г.

22.7. соединился с частями 260 стрелковой дивизии 47 армии в деревне Коросента. Со мной Степь, Косюков, Оффман, Степанова, Ореховская и охрана. Иду к штабу армии.

Черный».

Командир оперативного центра

«Сов. секретно

ХАРАКТЕРИСТИКА

на подполковника Банова Ивана Николаевича, рождения 1916 г., русский, образование — среднее, военное — Орджоникидзево пехотное училище в 1938 году и один курс Высшей специальной школы Красной армии в 1941 году, член ВКП(б) с 1939 года, в Красной армии с 1935 года.

Подполковник Банов И.Н. с первых дней Отечественной войны в действующей армии.

С августа 1942 по июль 1944 г. выполнял специальное задание Разведуправления Генштаба Красной армии в тылу противника. Работал командиром оперативного центра.

За время пребывания в тылу противника из разрозненных групп и одиночек организовал несколько боевых отрядов, которые своими действиями по коммуникациям врага нанесли большой ущерб в живой силе и технике. Кроме того, организовал добывание разведывательных данных о сосредоточении войск противника.

Смел, решителен, физически вынослив, обладает организаторскими способностями, пользуется авторитетом у офицерского состава и в среде рядовых подчиненных.

За образцовое выполнение задания Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20.1.1943 г. тов. Банов награжден орденом Ленина и Указом от 4.2.1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда.

Старший помощник 2 отдела Разведуправления
Генштаба Красной армии
подполковник Степанов;
Начальник 2 отдела Разведуправления
Генштаба Красной армии
генерал-майор Шерстнев».

Такую характеристику дали своему подчиненному Ивану Банову руководители 2-го отдела ГРУ в сентябре 1944 года, то есть сразу по его возвращении в Москву из Польши.

Остается только добавить, что партизаны под руководством Банова — Черного только за период с декабря 1942 года по ноябрь 1943 года взорвали

вражеских эшелонов — 457, разбили паровозов — 184, повредили паровозов — 122, уничтожили вагонов с боеприпасами — 163, с войсками — 335, с продуктами — 277, с техникой — 94, с самолетами — 5.

В ходе диверсионных актов убито и ранено фашистов — 13 783 человека, сожжено хлеба на складах — 898 тонн, отбито у немцев скота — 537 голов, обезоружено полицаев и казаков — 153, отравлено фашистов — 348 человек, убито генералов — 5 человек, взорвано железнодорожных мостов — 25 штук.

Эти цифры официально зафиксированы в материалах спецархива ГРУ. К сожалению, там же написано, что результаты диверсионной деятельности партизанского отряда Черного с ноября 1943 года по июль 1944 года не подсчитаны.

Но, увы, и в последующих документах этих результатов нет.

Однако цифры немецких потерь от ударов партизан и за эти одиннадцать месяцев впечатляют.

Так уж сложилось, что летом 1944 года война для Ивана Николаевича закончилась. В октябре его направляют на учебу на Высшие академические курсы. Выпускается Банов уже в августе 1945 года.

Начальник курсов генерал-майор Капалкин так охарактеризовал своего слушателя: «Специальное дело знает и в процессе учебы уделял этому предмету много внимания. Имеет большое желание продолжить работу в этой области».

И он ее продолжил. После окончания курсов подполковника Банова назначают в разведуправление Северной группы войск, которая располагалась в Польше. Видимо, руководство учло его партизанский опыт, знание страны, обстановки.

Через год Иван Николаевич поступает в Военную академию имени М.В. Фрунзе. По выпуску его направляют на Высшие академические курсы офицеров разведки Генерального штаба.

С 1950 года он заместитель начальника 5-го направления 2-го отдела ГРУ, исполняющий должность начальника того же направления, потом заместитель начальника 2-го отдела. С 1953 года старший офицер направления по руководству ротами специального назначения.

Работу Банова на этом очень ответственном участке начальник 5-го управления ГРУ Генштаба генерал-лейтенант Кочетков оценил так: «Предпочитает работу с людьми, в частности, с разведподразделениями и частями спецназначения, в реальные возможности которых он верит и их боевое использование ясно представляет».

В 1960 году Банов направлен в зарубежную командировку на

должность советника военной миссии связи при штабе Главнокомандующего американскими войсками в Германии. Вскоре он становится заместителем начальника миссии, а потом и начальником.

В 1964 году возвращается в Москву и становится заместителем генерала Николая Патрахальцева. Вместе они занимаются подготовкой разведчиков-диверсантов.

В 1967 году Патрахальцев рекомендует его на должность начальника советской военной миссии связи при штабе главнокомандующего английскими войсками в Германии.

По завершении зарубежной командировки Иван Николаевич, уже генерал-майор, находится на преподавательской работе. Действительно, опыт Банова был огромен. Пришло время передавать его молодым разведчикам.

Легендарный разведчик, партизанский командир, Герой Советского Союза генерал-майор Иван Николаевич Банов ушел из жизни в 1982 году.

«Я люблю тебя, Россия...»

Командир штурмового авиаполка подполковник Иван Дельнов читал наградные листы, подготовленные штабистами. «Ага, вот и наградной на Алексея Лебедева, сержанта, командира звена».

Дельнов пробежал первые строки: «Действуя в составе 784-го штурмового авиационного полка Северо-Западного фронта, успешно совершил 20 боевых вылетов на самолете ИЛ-2. При этом самостоятельно и в группе уничтожил по неполным данным: танков до 2-х, обстрелял колонну автомашин до 40, с горючим, боеприпасами и живой силой до 100, повозок с различным грузом до 25, дзотов до 5, блиндажей до 7.

Штурмовыми бомбардировочными действиями разрушил железнодорожное полотно на участке Ануфриево — Черенцы и шоссейную дорогу Рамушево — Васильевщина».

«Все верно, но где же воздушный бой? Он же просил начштаба отметить», — комполка поднес наградной лист поближе к свету.

«20.02.43 г., выполняя задание по разведке, был атакован в районе Черенцы — Ануфриево четырьмя истребителями противника — три Ме-109 и одним “Фокке-Вульфом”. Вступил в неравный бой».

Да уж, Алексей Лебедев удивил и порадовал. Три «мессера» и «фоккер» серьезная сила. В таких дуэлях у ИЛ-2 практически нет шансов. На стороне фашистских истребителей — скорость, маневренность, да и опыт. Правда, Лебедев тоже не лыком шит, уже пять месяцев на фронте, двадцать боевых вылетов. Когда сам Дельнов начинал летать, в их полку не было ни единого летчика, сделавшего более восьми вылетов. Что ни говори, а враг штурмовика на земле. От истребителей более-менее успешно защищаться можно только группой: встать в «круг» и прикрывать друг друга. Но Лебедев оказался один против четверки вражеских истребителей. Тут, казалось, ничего не поможет. Только вот Алексей думал иначе.

«Благодаря отличной технике пилотирования, сочетал маневр с прицельным пулеметно-пушечным огнем, — прочел комполка. — Отбил шесть атак истребителей противника. В результате воздушного боя т.

Лебедев сбил один Me-109 и один ФВ-190 и возвратился на свой аэродром без единой пробоины.

За успешное выполнение боевых заданий командования на фронте, за проявленное мужество, храбрость в борьбе с немецкими захватчиками достоин награждения орденом “Красная Звезда”».

Подполковник Дельнов с удовольствием поставил свою подпись и дату: «28 февраля 1943 года». В этот же день командир 243-й штурмовой авиационной дивизии полковник Сухоревриков утвердил представление. Алексей Лебедев получил свой первый орден.

Уже через две недели, в середине марта 1943 года, комполка Дельнов представил новый наградной лист на сержанта Лебедева.

«За 26 боевых вылетов, — писал он, — т. Лебедев уничтожил 8 орудий полевой артиллерии, 22 автомашины с грузами, 1 бензозаправщик, 4 орудия зенитной артиллерии, 4 блиндажа, до взвода солдат и офицеров.

По всем данным имеются подтверждения наземных войск, постов ВНОС, истребителей сопровождения».

На этот раз Дельнов ходатайствовал о награждении подчиненного орденом Красного Знамени.

5 апреля приказом по 6-й воздушной армии Северо-Западного фронта Алексей Иванович Лебедев удостоился высокой награды.

Вообще, 1943 год был весьма урожайным для летчика-штурмовика Лебедева. Он получил четыре ордена — два Красного Знамени, Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени. От сержанта дорос до старшего лейтенанта, от пилота — до заместителя командира эскадрильи.

Вот лишь несколько выдержек из наградных листов.

«Участвуя в октябре месяце 1943 года в прорыве линии обороны немцев на Невельском направлении, т. Лебедев совершает 18 успешных боевых вылетов, участвуя в 5 воздушных боях, где вновь показывает образцы бесстрашия и героизма, увлекая за собой ведомых.

Так, 18.10.43 г. группа из шести ИЛ-2 под командованием Лебедева была атакована над целью шестью истребителями ФВ-190 и одним Me-109. В результате умело организованного группового боя Лебедев лично сбивает один ФВ-190 и группа выходит из боя без потерь.

17.12.43 г. был ведущим группы шести ИЛ-2. После успешного выполнения боевого задания при отходе от цели группу атаковали восемь фашистских истребителей ФВ-190. Тов. Лебедев принял решение не уходить, а принять воздушный бой и увлечь противника на свою территорию. В результате хорошо организованного воздушного боя группа сбивает один ФВ-190 и Лебедев лично сам, будучи раненным в лицо,

истекая кровью, сбивает второй ФВ-190.

Группа вышла из боя и возвратилась на свой аэродром без потерь».

Как мы видим, Алексей Иванович остается верен себе. И фраза, кочующая из наградного листа в наградной: «В бою ведет себя смело, показывая образцы мужества и отваги», приводится его командирами не ради красного словца.

Военный летчик, полковник запаса, зять Лебедева Иннокентий Старновский, вспоминая фронтовые будни Алексея Ивановича, скажет: «Он был поразительно смелым человеком и классным пилотом. Провел 11 воздушных боев, сбил в воздухе лично 4 истребителя противника. Это же уникальный результат! Штурмовику противостоять истребителям, да еще в одиночку, практически невозможно. У нас ведь в Великую Отечественную основная масса летчиков-истребителей по одному-два самолета врага сбивали. А то и вовсе не сбивали. Да, летали, прикрывали своих, поддерживали, но сбить так никого и не смогли. А Лебедев на штурмовике уничтожил четыре вражеские машины.

Лебедев физически был очень сильный и смелый человек. Хорошо чувствовал самолет. В бою выводил машину на предельные режимы, потому и побеждал».

В июне 1944 года, еще будучи старшим лейтенантом, Алексей Иванович возглавит эскадрилью. Через два месяца ему присвоят звание капитана. Теперь в наградных листах появятся новые формулировки.

«За период боевых действий показал себя умелым организатором и руководителем эскадрильи. На поле боя действиями подчиненных руководит грамотно.

Под его командованием эскадрилья участвовала в боях на Ковельском направлении, при взятии городов Пинск, Холм, Люблин, Демблин, при прорыве линии обороны на западном берегу р. Висла. За это время эскадрилья сделала 225 успешных боевых вылетов».

За умелое руководство эскадрильей в августе 1944 года капитан Алексей Лебедев будет удостоен ордена Александра Невского.

А в марте 1945 года наступит его звездный час. На подпись командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову представят наградной лист. На первой странице будет указано: «Лебедев Алексей Иванович, гвардии капитан, командир эскадрильи 71-го гвардейского штурмового авиационного Краснознаменного полка. Представляется к званию Героя Советского Союза».

«За произведенные 82 успешных боевых вылета на самолете ИЛ-2 на

штурмовку и бомбардировку войск и техники противника, за проведение 11 воздушных боев с истребителями немцев, за лично сбитые 4 самолета противника, за проявленное мужество, отвагу и героизм — достоин награждения высшей правительственной наградой — присвоения звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда».

Маршал Жуков подпишет этот наградной лист 17 марта 1945 года.

Но ничего этого не знал комэск Лебедев. К тому времени он уже находился в Москве, был зачислен слушателем подготовительного курса командного факультета Военной академии командно-штурманского состава ВВС Красной армии.

Готовились на подготовительном полгода, а потом их зачислили на первый курс академии.

В мае 1946 года состоится указ Президиума Верховного Совета СССР и на груди Алексея Лебедева засверкает Золотая Звезда Героя.

После окончания академии майор Лебедев приказом главкома ВВС будет назначен командиром штурмового авиаполка на Дальний Восток. Следующая служебная ступенька — старший инспектор-летчик управления боевой подготовки ВВС. Казалось бы, военная карьера Алексея Ивановича складывается вполне успешно. Ему всего тридцать лет, а он уже прошел основные авиационные командные должности — командир звена, эскадрильи, полка, служит в управлении боевой подготовки. За спиной бесценный фронтовой опыт, знания, обретенные в академии, авторитет летчика-аса, Героя Советского Союза. Служи да радуйся. Собственно, это и делает Лебедев. Но жизнь — удивительно непредсказуемая штука. Однажды Алексею Ивановичу предлагают сменить профессию: из авиации перейти в... разведку.

И в этом не было ничего удивительного. Военная разведка всегда отбирала лучших. А Лебедев, без сомнения, лучший. Правда, в авиации. А что ждало его в разведке? На этот вопрос, смешно сказать, но он не мог себе ответить даже в общих чертах. Поскольку представление о работе разведчика было весьма смутное.

И все же, все же... Было в этом предложении нечто привлекательное. Спроси, что? Вразумительно не сможет объяснить. Только возьмет баян, растянет меха и заведет, заиграет мелодию, растревожит душу.

Вернувшись из тяжелого боевого полета, когда от усталости и пережитого нервного напряжения и пальцем-то пошевелить не вмоготу, Алексей доставал из чехла баян, и вздыхали басы под его быстрыми пальцами. Текла мелодия, заполняя комнату, грустнели лица боевых

товарищей, а ему так лучше думалось. Он по минутам перебирал бой — маршрут до цели, нанесение удара, подавление зениток, выход... Как свалились на голову немецкие истребители. Как действовал сам, его ведомый, летчики эскадрильи.

Играл, звенел баян. Звуки то взлетали вверх, то падали, словно в пикé, вниз. Комэска Лебедев знал, что скажет завтра он своим летчикам, чему научит, подскажет. А что он скажет сегодня себе? Давно уж нет хищных «мессеров», заходящих со стороны солнца. И самолеты его полка мирно дремлют на аэродроме. От него ждут не разбора вчерашнего горячего боя, а простого и ясного ответа — уходит он из авиации в разведку или остается.

Одно знал твердо: если он соглашается на предложение, его вновь ждет академия, на этот раз военно-дипломатическая, по сути, опять «студенческие годы», освоение совершенно новой, незнакомой воинской специальности. Нетрудно посчитать, что, поступив в академию в 31 год, он закончит ее в 35. И будет еще «молодым» и «зеленым» военным дипломатом. В общем, как подшучивали друзья-авиаторы: «Ты, Леша, станешь там настоящим карьеристом». Словом, хоть так прикидывал, хоть этак, — все было против. И только сам Лебедев оказался «за». Он дал согласие, и жизнь его бросила в крутое пике.

2

...В 1955 году Лебедев завершил обучение в Военно-дипломатической академии. Как и предыдущую Академию ВВС, он окончил ее с отличием. Его направили в Париж, сразу на высокую должность военно-воздушного атташе. Возможно, здесь сыграла свою роль Золотая Звезда Героя Советского Союза. Впрочем, в ту пору в Главном разведуправлении служило немало героев. Люди они в любом коллективе заметные, пользующиеся авторитетом, безусловно преданные своей стране, потому и попадали в поле зрения кадровых органов ГРУ.

«Однако, — как сказал мне однажды старый заслуженный генерал ГРУ, — не все герои преуспели на поприще военной разведки. На войне нужна смелость. Безусловно, все они были смелые ребята. Но в разведке одной смелости мало».

Это, без сомнения, понимал и Лебедев. Тем более, что с первых дней обучения будущая профессия стала преподносить сюрпризы. Главным сюрпризом стал... французский язык.

Дочь Алексея Ивановича Светлана, вспоминая, как отец сидел за

французским и день и ночь, говорит: «Ну, какие знания иностранного языка? Представьте себе маленький хуторок в Костромской губернии. В семье семеро детей. Старшие и в школу-то не ходили. Из довоенных, один отец характер проявил, уперся, и его отпустили в школу. Бегал за несколько километров. Окончил семь классов, поступил в автомеханический техникум при заводе, потом авиационная школа, война. Какой французский?»

Преподавательница в академии, намучавшись с ним вдоволь, сдалась: «Лебедев, вы никогда не будете говорить по-французски. Это нереально». Вот такой, признаться, горький вердикт.

Однако она ошиблась. Он заговорил по-французски. Тем, кто знал Алексея Ивановича, я задавал вопрос: мол, как у Лебедева было с языком? Все с удивлением пожимали плечами: «С языком? Хорошо». А кто-то тонко подметил: «Знаете, его легкая природная картавость отлично срослась с французским».

Впрочем, трудности были не только с языком. Долгожданный Париж встречал советских военных дипломатов совсем не так, как им виделось из Москвы. Крепнущий ветер «холодной войны» выдувал остатки теплых, добрососедских отношений.

«Мы имели за плечами боевой опыт, академию, — вспоминал однокурсник и друг Лебедева генерал Владимир Стрельбицкий, — но были еще “зелеными” новичками в стратегической разведке. Обстановка во Франции в ту пору была сложная. Отношение к нам со стороны, как официальных властей, так и населения, далеко не дружественное. Порой, узнав, что ты советский, могли и в лицо плюнуть. Сидишь на стадионе, кто-то заговорил с тобой, как только узнал, что из Советского Союза, — встает и уходит.

В прессе постоянно нагнеталась атмосфера актисоветизма, шпиономании. Поэтому работать было тяжело. Мы приехали, а военный атташе полковник Зотов говорит: ищите информацию по газетам, журналам, отслеживайте, пишите. Особенно ничего и не требовал, поскольку такая вот сложная оперативная обстановка была.

Однако мы рвались в бой. И не собирались отсиживаться в резидентуре, перелистывая газеты. Вот тогда Алексей Иванович Лебедев и проявил свои недюжинные способности. Он находил и вербовал людей, которые творили чудеса!..»

Что же это были за люди?

Один из них — Джованни Ферреро, итальянец по происхождению, редактор в компании «Фиат-Франс». Он работал секретарем и доверенным

лицом начальника управления вооружений и авиации фирмы «Фиат».

В 1971 году это управление поглотила государственная авиакомпания «Аэра Италия». Ферреро, пользуясь дружескими отношениями с руководителем управления, имел доступ к секретным материалам компании. Среди этих материалов была и документация, которая поступала из НАТО.

«Джованни Ферреро, — пишет в своей книге «КГБ во Франции» Тьерри Вольтон, — передал почти 1,5 кубометра документов, в частности, касающихся: автоматической системы НАТО для наземного управления средствами ПВО; консультативной промышленной группы НАТО (организации, занимающейся стандартизацией промышленного оборудования для армий стран НАТО); программы совместных исследований в области вооружений (американской организации, которая осуществляла некоторые военные проекты стран — членов НАТО); организации снабжения вооруженных сил НАТО; европейской научно-исследовательской организации по ракетам; сведений об американском самолете “F-104”, в числе которых отчет о летных испытаниях; сопоставительный доклад ВВС США о летных испытаниях американского истребителя “G-91 Fiat”; отчетов о различных совещаниях и исследованиях ОЭСР (организации экономического сотрудничества и развития, штаб которой находился в Париже)».

Тьерри Вольтон утверждает, что этого ценного агента завербовал военно-воздушный атташе СССР во Франции полковник Алексей Лебедев.

Джованни Ферреро входил в разведгруппу Сергея Фабиева. Их арестовали в марте 1977 года. Сначала Фабиева, потом Ферреро, Роже Лавала, Марка Лефевра.

«Группа Фабиева работала с 1963 года до конца декабря 1974-го, когда деятельность ее по таинственным причинам прекратилась», — отмечает Вольтон.

Сегодня эти таинственные причины достаточно хорошо известны. Центр прекратил свою работу с группой Фабиева неспроста. В ГРУ уже давно просчитали, что в их рядах работает «крот».

«Мы прекратили работу с группой Фабиева, — вспоминает ветеран военной разведки, генерал-лейтенант в отставке Юрий Бабаянц, — еще в октябре 1973 года. Сделано это было по указанию Центра. Когда в 1977 году Фабиева и его группу арестовали, я готовил докладную в ЦК партии. Написали, как обычно, что, очевидно, агент допустил оплошность, потерял бдительность. Начальник управления генерал Борис Дубович возвратился от Ивашутина и говорит: “Все нормально. Надо только в

докладной кое-что поправить. Там Петр Иванович написал”. Я открыл папку и вижу, в докладной зачеркнута моя фраза об оплошности агента и рукой начальника ГРУ написано: “В результате предательства”.

Бегу за генералом Дубовичем. А он говорит: “Пиши так, как сказано”. О чем это говорит? Уже в 1972–1973 годах было ясно: из ГРУ идет утечка. Потому и работу остановили».

Однако вычислить предателя было крайне сложно. Тем более, что им оказался такой матерый агент, как генерал Поляков. Поэтому, к сожалению, остановка оперативной деятельности не спасла агентов группы Фабиева. Контрразведке удалось вычислить их даже по косвенным признакам, арестовать и отдать под суд.

Да, Джованни Ферреро был весьма эффективным и полезным источником, но настоящей звездой на небосклоне военной разведки конца 50-х — начала 60-х годов стал суперагент Мюрат. Он проработал с нами десять лет. Удостоился высшей награды СССР — ордена Ленина. Мюрат носил звание полковника, был офицером штаба НАТО в Западной Германии. Имел доступ к самым секретным документам Североатлантического альянса.

Он первым добыл и передал нам «План Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами НАТО в Европе № 110/59 от 01.01.1960 года по нанесению ядерных ударов».

Когда материалы этого плана представили руководителю Советского Союза Никите Хрущеву, тот был в шоке. Прошло всего полтора десятка лет со времени окончания Второй мировой войны, а США уже отработали документ о ядерном уничтожении СССР — своего недавнего союзника в борьбе с фашизмом.

В плане было подробно расписано, на какие советские города, промышленные и военные объекты американцы планируют сбросить атомные бомбы. Кроме того, кратко оценивался характер будущей войны, определялись задачи и давались указания по взаимодействию.

В приложениях определялись силы и средства ядерного нападения, их распределение на театре военных действий, приводилась характеристика целей и определялся порядок их уничтожения.

Что испытывал Никита Хрущев, получив этот документ? По сути, руководитель Советского Союза держал в руках похоронку на свое Отечество. О чем он думал, читая американские планы уничтожения собственной страны? Что вообще может чувствовать нормальный человек в эти минуты?

Несомненно, это была величайшая победа нашей военной разведки.

Путь суперсекретного плана из тайного сейфа НАТО до кремлевского кабинета Хрущева оказался опасным и тяжелым. Но он был успешно пройден и документ добыт. И добыли его, по существу, два человека — агент Мюрат и его руководитель Алексей Лебедев. Да, безусловно, работали они не в гордом одиночестве. Их направлял, оберегал Центр, резидентура ГРУ во Франции. Помогали, прикрывали коллеги Лебедева, но надо сказать четко и однозначно — завербовал Мюрата именно он — военно-воздушный атташе СССР, Герой Советского Союза Алексей Иванович Лебедев. А вот как это произошло — история интересная и познавательная.

Познакомились они на приеме у известного мецената и киномагната Шарля Спаака. Лебедев беседовал с американским генералом, когда к ним подошел Спаак и представил полковника ВВС Франции. Оказалось, тот служил в одном из штабов НАТО в Западной Германии.

Алексей Иванович кое-что слышал об этом французском полковнике. В офицерской среде натовцев тот позволял себе некоторую экстравагантность и фрондерство, пользуясь своей принадлежностью к старинному французскому роду. Говорили разное: одни считали его анархистом, свободомыслящим человеком, другие, наоборот, утверждали, что он честью и правдой служит американцам и является их человеком.

Позже Лебедев узнает, что и француз заочно тоже слышал о нем. Все-таки они оба — боевые летчики. А Алексей Иванович — советский военно-воздушный атташе. Храбро воевал с фашистами. Его хорошо знали французские ветераны легендарного полка «Нормандия — Неман», воевавшего на Восточном фронте, бок о бок с советскими пилотами.

Полковник в отставке Иван Лазарев, в ту пору служивший инспектором ГРУ вспоминает: *«Французская резидентура была очень активной. Номер один резидентура. По крайней мере, в Европе.»*

А Алексей Иванович Лебедев — Герой, боевой летчик! Он был вхож в самые высокие авиационные круги Франции. Среди его хороших знакомых — генералы и старшие офицеры, прошедшие войну.

На вид он угловатый, этакий костромской медведь, но дружить умел, всегда был душой компании. Мог ночь напролет пить, “гудеть”, гостей умел потчевать, угощал грибочками деревенскими. В общем, понравились они друг другу.

Думаю, сыграл свою роль и тот факт, что Мюрат с антипатией относился к американцам. Не любил их за высокомерие, снобизм, желание всюду командовать».

Спаак, представив француза, вскоре удалился. Вместе с ним ушел и

американский генерал. Полковники, летчики — советский и французский — остались вдвоем. Признаться, в тот вечер Лебедев видел перед собой старшего офицера НАТО, и уж если не врага, то далеко не друга. Ожидал услышать очередную словесную атаку по различным проблемам «холодной войны». Сколько уж их выдержал советский атташе, не счесть. Но француз и не собирался пикироваться, был на удивление доброжелателен, весел. Стали вспоминать фронтовые будни, боевые эпизоды, курьезные случаи.

Французский полковник оказался летчиком-истребителем. Лебедев сказал, что воевал на штурмовике ИЛ-2.

— О! Серьезная машина. Сколько боевых вылетов? — поинтересовался француз.

— Восемьдесят два. Четыре сбитых самолета, — ответил Лебедев.

— На земле? — полковник показал характерный жест, изображающий пике штурмовика.

— Нет, в воздухе.

— Ты, штурмовик, сбил четырех фашистов в воздушном бою? — изумился француз.

— Жаль, что только четырех...

Полковник рассмеялся. Он по-дружески взял Лебедева под локоть.

— Знаешь, Алексей! Я истребитель, а сбил всего пять самолетов. А ты, штурмовик, почти столько же. Фанастика! Ты настоящий русский ас.

Француз внимательно поглядел в глаза Лебедеву.

— Пойдем, выпьем за нашу победу!

Алексей Иванович был немало удивлен и обрадован. Выпили. Каждый рассказал о себе. Полковник без утайки поведал о службе в натовском штабе, о должности, которую занимал. Дал понять, что осведомлен о многих делах и проблемах, поскольку имеет доступ к соответствующим документам. Признался, что обстановка, в которой он работает, непростая. По роду службы ему приходится находиться среди немцев и американцев. Первых он не любил за фашизм и трагедии войны. Ко вторым тоже относился с неприязнью, нередко говорил американским коллегам колкости. Француз охотно согласился на предложение встретиться еще раз.

Анализируя их первую встречу, беседу, Лебедев во многом сомневался. Не подстава ли это? Все складывалось уж слишком гладко. Высокопоставленный натовец, штабной офицер, имеющий доступ к секретным материалам, и вот такой открытый, запросто пошел на контакт. «Слишком крутой вираж ты заложил, Леша, — говорил себе Лебедев, — как бы не сорваться в штопор».

Опасения укрепились, когда француз не пришел на оговоренную

встречу.

Казалось, их отношения закончились, так и не начавшись. Но судьба подарила им еще одну встречу. Недельки через три они случайно увидели друг друга в театре. Полковник извинился, сослался на служебные дела и предложил встретиться вновь.

Так и сделали. И эта встреча расставила все точки над «и». Француз раскрылся сразу. Он говорил, что США готовят войну против СССР и стараются втянуть в ее подготовку европейские страны. Отсюда и неприязнь его к американцам.

Чтобы подтвердить сказанное, полковник предложил показать, а возможно и передать на короткое время, материалы НАТО. Там документально зафиксировано, как Соединенные Штаты готовятся к новой войне. Только теперь к войне ядерной.

Лебедев слушал, как огорошенный. Он готовился к трудной встрече, к спорам, убеждениям, отстаиванию своей позиции. Подыскивал веские аргументы, чтобы уговорить француза дать хотя бы какую-то устную информацию. А тот вдруг сам предлагает документальные материалы. Это даже выглядело подозрительно. Но Лебедев интуитивно почувствовал: полковнику можно и нужно верить. Он вполне искренен и правдив.

Алексей Иванович не ошибся. Правда, на первых порах, во время их редких встреч (ведь французу приходилось приезжать из Германии в Париж), полковник снабжал его в основном устной информацией. Она была тоже к месту, но, увы, не говорила о перспективности его нового знакомого.

И вдруг через полгода француз передает первый совершенно секретный документ штаба Верховного Главнокомандующего НАТО — приказ на проведение крупных учений «Фул Плей». Приказ объемный, 52 листа. В нем излагались планы руководства альянса по применению ядерного оружия в ходе боевых действий на Центрально-европейском театре. Также документ содержал описание замысла учений, состав сил, распределение зон боевых действий сторон, перечень целей, последовательность операций.

План натовских учений вызвал большой интерес у руководства Главного разведуправления. Центр неожиданно прозрел и увидел в полковнике ВВС не просто доверенное лицо, а перспективного, ценного агента. Ему был присвоен оперативный псевдоним Мюрат. Резидентура в Париже, в свою очередь, получила указание обратить самое пристальное внимание на будущего агента, закрепить его за разведкой, проявить внимание и заботу, нацелить на добывание конкретных документов по

НАТО.

В то же время в Москве желали подробнее узнать: кто он, этот таинственный натовский полковник?

На подобный вопрос мог ответить пока один человек — Алексей Лебедев. Вскоре на столе у начальника европейского управления ГРУ генерал-лейтенанта Коновалова появилась шифрограмма из Парижа.

«Мюрат родился в богатой дворянской семье, — писал Лебедев, — Мюрат — барон. Своим титулом гордится. В семье все боготворили мать. Высокообразованная женщина, она прекрасно знала историю, особенно русскую. Ценила Россию. Любила русскую классическую литературу и музыку и прививала эту любовь сыну.

Войну начал как гражданский летчик. Эвакуировался в Англию. Переучился на боевые самолеты. Отражал немецкие налеты на Лондон, принимал участие в боевых действиях в Северной Африке, позже в Европе.

Нынешним прохождением службы недоволен. В коллективе выделяется независимостью суждений, прямоотой и резкостью, что не нравится руководству.

Сознательно пошел на сотрудничество с нами, считая, что блок НАТО потенциально агрессивен и может втянуть мир в новую войну. К этому убежденно пришел трудным путем, изучая руководящие документы НАТО, и вопреки сильному влиянию родственников.

Имеет доступ к информации с грифом “Космик. Сов. секретно”, “НАТО. Секретно”.

От коммунистических идей далек, но искренне верит в мирные цели нашей политики.

По характеру вспыльчив, резок, немногословен, остроумен. Смел и решителен. Имеет болезненное чувство собственного достоинства.

Внешне по-мужски симпатичен. Поджар. У женщин пользуется успехом».

Вот таким виделся Алексею Лебедеву Мюрат. Тем временем их отношения успешно развивались. На очередной встрече с Лебедевым Мюрат передал три совершенно секретных натовских документа, подтвердив тем самым уникальные возможности и желание добывать ценные материалы.

Центр вновь обратился к фигуре Мюрата и подверг тщательному анализу проводимую с ним работу. Сотрудники оперативного управления сделали вывод: *«...Мюрат обладает хорошими возможностями для добывания ценной документальной информации. К включению в агентурную сеть еще не подготовлен. Отношения и связь с ним не*

закреплены и не носят стабильного характера. Пока неясен мотив его сотрудничества с нами даже для ведущего оперативного офицера».

Все написанное в аналитической справке соответствовало действительности. Начальник ГРУ согласился с мнением управления, однако взял переписку по Мюрату под личный контроль.

Действительно, мотив сотрудничества был пока неясен для Лебедева. Сначала он считал, что здесь материальная основа, однако потом изменил свое мнение. Предложенное вознаграждение за материалы Мюрат отклонил, взял только небольшую сумму, чтобы возместить транспортные расходы, связанные с переездами из Германии во Францию. Как он сказал однажды Алексею Ивановичу: «НАТО мне командировочных не платит».

В очередном своем отчете о работе с Мюратом полковник Лебедев написал: «Мюрат будет нам помогать тем, что у него есть. Он сам рассматривает и просит нас рассматривать эту помощь как проявление симпатии к нашей стране.

Я понимаю, что разговор о цифрах стесняет его, и он испытывает определенное неудобство. Нет нужды снова возвращаться к финансовому вопросу».

Казалось бы, работа налаживается. Лебедев понимал, что таскать секретные документы из Германии в Париж опасно, и предложил Мюрату переснимать их на фотопленку. Тот согласился.

Однако вскоре в работе оперативного офицера Лебедева и его агента произошел серьезный сбой. Он как раз и показал, что профессионализм обоих еще далек от совершенства, в сущности, и тот и другой не имеют серьезного опыта разведработы. У Лебедева, несмотря на весьма солидную официальную должность военно-воздушного атташе, это была первая зарубежная командировка, и ему еще предстояло стать маститым разведчиком. Что же касается Мюрата, то он и вовсе делал свои первые шаги на сложном и опасном поприще.

А просчет заключался в следующем. На очередной встрече с Алексеем Ивановичем Мюрат передал кассету с фотопленкой с якобы отснятыми документами из штаба НАТО. Кассету отправили в Центр. Однако в кассете пленки не оказалось.

Расследование показало, что Лебедев, перед тем как передать кассету Мюрату, не проверил ее на наличие пленки. Центр расценил это как ЧП.

Следующим отличился Мюрат. Он отснял восемь кассет фотоаппаратом «Минокс». К глубокому огорчению сотрудников в Москве, пленки оказались нечитаемы. Лучшие техники ГРУ пытались «вытянуть» их — увы, ничего из этого не получилось. Эксперты определили, что агент

при экспонировании неправильно выставил расстояние. Мюрат был искренне огорчен, но ошибку не признал, объяснил «провальную» съемку недостаточным освещением.

Все это переполнило чашу терпения, и Центр вызвал Лебедева для объяснений в Москву. Здесь Алексей Иванович был заслушан на всех уровнях. Командование отметило его положительную работу с Мюратом, в частности, организацию фотографирования документов и ценность полученной информации. Однако его серьезно предупредили о недопустимости повторения срывов встреч и передачи пустых кассет. При этом были отмечены и некоторые другие недоработки в работе с источником, в частности, отказ Мюрата от безличных форм связи, излишняя спешка и краткость встреч.

Вместе с тем командование отметило, что Мюрат проявляет самостоятельность, трезво оценивает обстановку и действует с учетом объективных условий. В итоге Лебедеву было приказано продолжить работу с Мюратом, но вести ее максимально осмотрительно, чтобы не поставить под удар контрразведки ни себя, ни источник. Одновременно Алексею Ивановичу рекомендовать готовить Мюрата к работе с другим оперативным офицером, действующим под прикрытием советских гражданских учреждений.

Центр наметил еще три ключевых вопроса на этом этапе работы с Мюратом. Во-первых, учитывая его отрицательное отношение к оплате работы, открыть в резидентуре персональный счет на имя Мюрата на случай непредвиденных обстоятельств.

Во-вторых, организовать и провести встречу агента с представителем Центра.

И наконец, изучить и обсудить с источником его возможности, а также готовность информировать нас о планах подготовки вооруженных сил НАТО к внезапному нападению на СССР.

После возвращения в Париж на первой же встрече с Мюратом Лебедев обсудил эти вопросы. В целом реакция Мюрата была положительной, но, как всегда, неоднозначной. Он сказал, что готов работать с другим советским представителем при условии, что это будет надежный для него и преданный СССР человек. При этом добавил: «Я работаю не на Лебедева или кого-то другого. Я помогаю вооруженным силам Советского Союза». По поводу встречи с представителем Центра Мюрат ответил, что готов встретиться, хотя и не видит в этом особой необходимости. Он поблагодарил за открытие персонального денежного счета, но просил передать командованию: позиция остается прежней. Его задача — добывать

документальную информацию, а как ее оценивать — дело Москвы. По поводу возможности информирования о внезапном нападении вооруженных сил НАТО на СССР Мюрат сказал, что это серьезная проблема и над ее решением необходимо серьезно поработать.

Встреча Мюрата с представителем Центра была организована и проведена уже через три месяца после возвращения Лебедева из поездки в Москву. Из предложенных двух городов — Брюсселя и Парижа — Мюрат в интересах безопасности остановился на Париже. Кандидатуру для проведения инструктивной встречи с Мюратом подбирали вдумчиво. В итоге выполнение этой задачи было поручено заместителю начальника европейского управления генералу Павлу Мелкишеву. Это был опытный, толковый разведчик с большим стажем зарубежной работы еще в годы войны. Он отлично владел английским языком.

Перед отъездом Мелкишев проанализировал все имевшиеся в Центре документы по работе с Мюратом с момента установления с ним знакомства. В его рабочих записях было более 50 вопросов служебного и личного характера, которые он хотел задать Мюрату. Сама постановка таких вопросов могла не только оживить беседу, сделать ее более открытой и доверительной, но и показала бы Мюрату, что высшее командование вооруженных сил Советского Союза о нем знает и его работу высоко ценит.

Встреча состоялась ночью в загородном доме. Представитель Центра и агент вели себя просто и непринужденно. Беседовали на английском языке, который оба знали свободно. Это располагало Мюрата к большей откровенности. Разговор шел достаточно интенсивно, так как служебные обстоятельства диктовали время пребывания Мюрата в Париже. В его распоряжении было «окно» с 22 часов вечера до 7 утра.

Мюрат был откровенен. Он поблагодарил Мелкишева за высокую оценку его труда и сказал, что сделает все возможное, чтобы добыть документы, с перечнем которых его ознакомили. Вместе с тем подчеркнул, что нельзя требовать и ожидать от него того, что он не в силах выполнить.

За дружеским ужином Мюрат рассказал обо всех нюансах, связанных с добыванием документов. И тут впервые выяснилась любопытнейшая деталь. Оказалось, что к большинству секретных материалов, которые Мюрат передавал Лебедеву, он не имел официального доступа. По своему служебному положению у него не было необходимости, да и права знакомиться с этими документами. Вот так сюрприз! Разведчики замерли от удивления. Этого не знал никто: ни Лебедев, ни резидент, ни тем более представитель Центра.

Вновь открывшиеся обстоятельства ставили иные задачи по

обеспечению безопасности агента. Но Мюрат тут же постарался успокоить собеседников: мол, ничего страшного, что он не имеет доступа к этим документам. «Получаю их для ознакомления на дружеских основаниях. Нахожу солидную причину или, попросту говоря, — легенду». Он сообщил также, что фотографировать документы в служебных условиях сложно и опасно. Да и освещение оставляет желать лучшего. В общем, Мюрат нарисовал далеко не радостную картину получения, фотографирования и доставки документов из штаба НАТО в ФРГ во Францию.

Генерал Павел Мелкишев, откровенно говоря, был шокирован методами работы агента, когда узнал, что отснятые пленки он частенько хранит в своем рабочем сейфе, а перевозит в портфеле или просто в кармане. Он предложил использовать тайники для хранения, транспортировки и передачи материалов. Мюрату тут же был показан тайник для пленок в обувной щетке.

Теперь настало время удивляться Мюрату. Он сказал, что старшие офицеры НАТО не таскают с собой обувные щетки. Агент отказался от использования тайников на местности. Не взял он и громоздкий фотоаппарат «Экзакта». Относительно использования тайнописи Мюрат обещал подумать, но особого восторга это предложение у него не вызвало.

Мелкишев не стал спорить и убеждать Мюрата, а оставил эту проблему на будущее. Он только попросил его быть осторожным и предусмотрительным. Касаясь своих личных и служебных проблем, Мюрат сказал, что постарается разобраться в них лично, но учтет рекомендации разведчиков.

Цели встречи были достигнуты. Центр понял, с кем имеет дело. Вот такой он, их ценный агент, со всеми достоинствами и недостатками. В свою очередь, честолюбие Мюрата было удовлетворено. Он убедился, что командование советской военной разведки в Москве знает о его работе и высоко ее ценит.

После отъезда генерала Павла Мелкишева из Москвы пришло указание: «...Мюрата передать на связь другому оперативному офицеру...» Резидент предложил на выбор пять кандидатур, но все они были отклонены Центром. Наконец остановились на полковнике Игоре Ананьине, который работал под крышей торгпредства. Опытный разведчик, фронтовик, работал за границей в Скандинавии.

После нескольких лет работы с Ананьиным Мюрата примет на связь капитан 2-го ранга Виктор Любимов. Ведь десять лет — срок немалый.

За эти годы Мюрат вырастет в опытного, расчетливого, высокопрофессионального агента. Его феноменальные возможности

поражали. Даже привыкший к «высшему пилотажу» Мюрата в добывании секретных документов Центр нередко был поражен его умением действовать на опережение. Достаточно сказать, что за годы работы на советскую военную разведку он передал в Центр более 20 тысяч (!) листов секретных документов.

За свою деятельность Мюрат удостоился ордена Ленина и представлялся к званию Героя Советского Союза. Почему не получил Золотую Звезду? Увы, на этот вопрос вряд ли кто теперь ответит.

Что же касается вербовщика Мюрата — Алексея Ивановича Лебедева, он благополучно возвратился в Москву из Франции. Его успешная работа была отмечена орденом Красной Звезды. Несколько лет он служил в Москве. Потом ему предложили новую командировку за границу. Кстати говоря, от этой командировки некоторые его коллеги бежали, как черт от ладана

3

...В тот день полковника Лебедева вызвал к себе начальник управления. Пригласил присесть. Разговор повел издали. Вспомнили Францию, Париж. Алексей Иванович терпеливо ждал. В конце концов генерал его не на вечер воспоминаний пригласил. Действительно, вскоре начальник дошел до сути.

— Вот что, Алексей Иванович, есть предложение направить вас в командировку. Небось, надоело сидеть в Москве

Лебедев улыбнулся.

— Разве от настоящего дела отказываются?

Казалось бы, генералу такой ответ — бальзам на сердце. А он почему-то замаялся, поморщился и с хитрым прищуром сказал:

— Да видишь ли, непростая это командировка. Не Париж предлагаю. Совсем не Париж.

Генерал помолчал, раздавил в пепельнице сигарету.

— Вот говоришь, не отказываются. Еще как отказываются. На твоём месте уже двое сидели.

— И что? — удивился Лебедев.

— Да ничего, оба в отказ. У одного жена больная. А другой и причину искать не стал, говорит, знаете, товарищ генерал, я уже на той войне вдоволь навоевался. Больше не хочу. Так что ты не спеши, сначала подумай, прикинь. Можешь с женой посоветоваться.

Лебедев слушал неторопливую речь генерала и уже понимал: речь пойдет о Вьетнаме.

В июле 1964 года эсминец «Мэддокс» покинул японский порт Иокосука и двинулся в Тонкинский залив. В начале августа к нему присоединился эсминец «Тэрнер Джой». Теперь это была тактическая боевая корабельная группа. Она выполнила свою задачу.

4 августа радары «Мэддокса» обнаружили северовьетнамские торпедные катера и открыли огонь. Капитан Джон Гэрри сообщил о случившемся в штаб Тихоокеанского флота, который располагался в Гонолулу.

Напрасно адмирал Шарп пытался добиться ясного ответа: был ли бой? Атаковали ли северовьетнамские катера американские корабли? Утвердительного ответа он не получил. Да и, в сущности, ответ этот оказался никому не нужен. Огромная военная машина Соединенных Штатов была приведена в действие. 64 самолета стартовали с авианосцев «Тикондерога» и «Констеллейшин» и нанесли ракетно-бомбовые удары по целям в Северном Вьетнаме. Началась жестокая воздушная война.

Так что правду сказал генерал, это не Париж.

— Мы хотим предложить вам должность военного атташе во Вьетнаме, — подытожил начальник управления. — С ответом не тороплю.

— Не торопите? Но там же война.

Генерал вздохнул.

— Потому и не тороплю, Алексей Иванович.

— Ну что ж, — Лебедев встал, — я уже все обдумал. Согласен.

Вскоре полковник Лебедев уже был в Ханое. Сам путь из Москвы в столицу Северного Вьетнама оказался очень поучительным.

К сожалению, Алексей Иванович не оставил воспоминаний, но некоторые эпизоды он поведал дочери Светлане, а та в свою очередь нам. Позже я прочел выложенные в Интернете воспоминания офицера наших зенитно-ракетных войск Каима Шайхетдинова, который защищал небо Вьетнама от американских агрессоров. Его признания очень напоминают рассказ Светланы Алексеевны Старновской (Лебедевой).

«Летим по маршруту Москва — Иркутск — Пекин — Ханой. Никто не знает, где, сколько придется быть.

В Пекин прилетели рано утром 16 марта. Столичный аэропорт Китая был совершенно пуст. Не было привычных очередей у касс, ожидавших своего рейса пассажиров, встречающих с букетами цветов.

В стране идет революция. Культурная. Позже мы поняли, что пустые залы объясняются не только занятостью людей революцией. В то время в

Китае авиация была плохо развита. В гражданской авиации числилось буквально несколько десятков самолетов. Из-за дороговизны билетов полеты на них были недоступны простым людям.

Сидим в одном из залов. Недалеко открылся киоск. Две девушки в униформе выставили книжечки, брошюрки. Ярко-красные цитатники Мао Цзэдуна.

В зал вошли дети детсадовского возраста. В руках у них портреты Мао или плакаты. На них есть надписи и на русском языке.

Через несколько секунд по взмаху руки воспитательницы дети начали петь. Поют старательно, громко. Поют о неугасающем красном солнце, необъятной и могучей стране Востока, а также о советском ревизионизме.

...До Шанхая летим китайским рейсовым самолетом. Во время полета нам опять показали концерт. На этот раз силами экипажа и пассажиров-китайцев. На русский переводит стюардесса. Мы, “отступники от диктатуры пролетариата”, “советские ревизионисты”, слушали. Куда уйдешь?»

В Шанхае концерта не было, вспоминает Шайхетдинов, но там соглашались покормить проголодавшихся советских специалистов, после того как они подпишут какие-то бумаги. Но какие? Подписывать отказались, остались голодными.

Далее — аэропорт Чанска. Здесь «советским ревизионистам» устроили еще более мощный пропагандистский концерт.

«Организаторы концерта, — пишет Шайхетдинов, — превзошли своих коллег из других городов. По вражде, злобе. Здесь конкретно назывались фамилии руководителей компартии Советского Союза и государства. Рекой лилась настоящая пропагандистская грязь».

В Наннине, небольшом городке на юге Китая, советских специалистов к самолету «проводжали» толпы солдат с зажженными факелами.

После такой эмоциональной «зарядки» на пути из Москвы во Вьетнам было о чем подумать, поразмышлять.

В аппарате полковника Лебедева трудились три офицера — Евгений Легостаев, Иван Шпорт и Илья Рабинович. Задач было много. Как говорят, на войне как на войне. Но главные — добывание и изучение американской боевой техники и оружия, отправка ее на родину, в Советский Союз, с целью совершенствования и разработки отечественных образцов.

Здесь под руководством Лебедева и его офицеров трудилась группа советских специалистов. В нее включались опытные военные инженеры из различных министерств оборонной промышленности — Миноборонпрома, Минмаша, Минавиапрома, Минрадиопрома. В состав этих групп, как

правило, включались спецы из военно-воздушной академии, НИИ Минобороны.

Некоторые трофейные образцы американского оружия и техники передавали советским специалистам сами вьетнамцы, в частности инженерное управление Генштаба Вьетнамской народной армии. Но это была лишь малая толика. Основные образцы приходилось добывать самим. Снимали их со сбитых самолетов, вертолетов, беспилотников.

В Москву были отправлены многочисленные образцы американской авиационной техники, боеприпасов, радиоэлектронной аппаратуры, информационных документальных материалов.

Журналист-международник Михаил Ильинский, сам прошедший фронтовыми дорогами Индокитая, в своей книге «Вьетнамский синдром. Война разведок» пишет: «Военный атташе Алексей Иванович Лебедев... готов был залить спиртным каждого (деньги были не в ходу), кто принесет ему хоть какую-либо электронную деталь от сбитого американского самолета».

Однако, несмотря на такую «высокую плату», приносили редко. Что значит добыть не сработавший авиационный боеприпас или снять некий электронный блок с самолета? Это надо проникнуть на территорию, где только что шли бои, и рискнуть жизнью. Так что зачастую приходилось рисковать самим.

По заключению Военно-промышленной комиссии, работа военного атташе, его офицеров, специалистов группы оказала неоценимую помощь нашим ученым и конструкторам-оборонщикам, сэкономила крупные денежные средства, сократила сроки разработки отечественных образцов оружия и техники.

«У нас очень грамотно делало свое дело Главное разведывательное управление Генерального штаба, — пишет в своих мемуарах один из ведущих конструкторов КБ Сухого Олег Самойлович. — Там работали специалисты, очень квалифицированные инженеры».

Второй, не менее важной, задачей военного атташе Лебедева и его аппарата был анализ тактических приемов ведения боевых действий США в условиях Вьетнама, а также способов боевого применения нового оружия и техники.

Тот же Ильинский отмечает: «Аппарат военного атташе Героя Советского Союза, боевого летчика, в то время полковника Алексея Иванович Лебедева (позже генерал-майора авиации), определил, что МиГи-17 и 21 с вьетнамскими летчиками были способны воевать наравне с любыми типами американских самолетов. А “непобедимые” в 50-х годах

“В-52”, как и истребители-бомбардировщики с меняющейся геометрией крыла “F-111A” — новинки авиации США — “щелкались” ракетными дивизионами. И зачем сейчас американцам об этом вспоминать?! Невыигрышная “реклама” на рынке оружия. Да и удар по чувствам американского патриотизма».

При этом следует отметить, что истребительная авиация противовоздушной обороны и ВВС Вьетнамской народной армии уступала авиации США в среднем в 8—11 раз на различных этапах войны. Тем не менее в ходе ведения боевых действий с американцами были внедрены такие важнейшие принципы, как внезапность, активность и решительность действий с превосходящими силами противника, и даже при неблагоприятных условиях ведения боя.

Помните, четыре фашистских истребителя и один штурмовик Алексея Лебедева. Это и есть те самые неблагоприятные условия боя с превосходящими силами противника. Так что генералу авиации Лебедеву было чему научить своих вьетнамских коллег.

В свою очередь активные и результативные действия пилотов ВНА заставили американцев выделять значительные силы для боевого обеспечения авиационных групп. В общем составе ударного «авиационного кулака» группы обеспечения составляли от 20 до 50 %.

Военный атташе, его офицеры, советские военные специалисты вместе с вьетнамскими летчиками разработали и умело применяли во фронтовой обстановке такие тактические приемы ведения воздушного боя, как «одновременный удар», «глубокое проникновение», «демонстративный маневр».

Вьетнамские летчики воевали храбро и умело. В 1968 году истребительная авиация ВНА сбила 44 самолета и, что особенно важно, 86 % из них с первой атаки. В 1972 году все 89 самолетов были сбиты с первой атаки.

В этом же году будущий вьетнамский космонавт, летчик Фам Туан на истребителе МИГ-21 сбил ракетой американский В-52.

Во всех победах пилотов есть несомненный вклад и советского летчика-аса военного атташе Алексея Ивановича Лебедева.

Работать во Вьетнаме приходилось много и напряженно. По-иному было нельзя. Так работали все советские генералы, офицеры, гражданские специалисты.

Климат для советского человека, выросшего в средней полосе России, сложнейший: высокая температура воздуха и стопроцентная влажность.

В аппарат военного атташе постоянно шли доклады: среди советских

военнослужащих есть, пусть и единичные, заболевания энцефалитом, вспышки дизентерии, пищевые отравления. А влияние боевой обстановки — стрессы, связанные с угрозой бомбежек, длительный отрыв от родных и близких.

Были и иные неприятные сопутствующие обстоятельства. Например, китайцы. Офицер-зенитчик Каим Шайхетдинов, которого мы цитировали ранее, так пишет о встречах с китайцами.

«Граждан Демократической Республики Вьетнам китайского происхождения в стране много. Если прибавить к их числу китайцев-военнослужащих, введенных по обоюдному соглашению, то они на каждом шагу. В кузовах машин китайские солдаты стояли набитые битком. Ехали с поднятым верхом, потретами Мао Цзэдуна. Оружие всегда при себе.

Вьетнамские товарищи старались возить нас по дорогам, где китайцев не было. Но если требовала обстановка, приходилось ехать и мимо них. Сколько мы простаивали из-за них на дорогах, переправах. Остановив нашу машину и узнав, что едут “лиенсо”, они окружали нас, начинали выкрикивать ругательства, бросали камни, сыпали на крышу землю, песок. Чтобы мы не могли двигаться, впереди машины ставили “козлы” из оружия, портреты Мао. Попробуй, тронь.

Отношения были не просто натянутыми, порою откровенно враждебными. В этих условиях президенту Хо Ши Мину приходилось вести очень гибкую политику в отношении СССР и Китая. Один неверный шаг мог привести к серьезным последствиям».

Далее автор воспоминаний говорит, как оценивал советско-китайские отношения во Вьетнаме Лебедев.

«Военный атташе при посольстве СССР во Вьетнаме генерал Алексей Иванович Лебедев говаривал, что этот баланс временами держится на волоске и опасно шатается. Были какие-то неведомые силы, которые искусственно раскачивали этот волосок».

Однако самым тяжелым был не климат, не дизентерия с энцефалитом и даже не озлобленные фанатичные китайцы.

Самым тяжелым и опасным была сама война. На той второй войне генерала Лебедева спасло чудо. Вот как об этом рассказывает его дочь Светлана.

«Отец с матерью едва не погибли. Все дипломаты жили в одном районе, недалеко от Ханоя. И американцы, которые регулярно бомбили столицу Вьетнама, прекрасно знали этот городок. Там располагались дипломаты из разных стран. Их, естественно, не бомбили. Но война есть война. И вот “слепой” заблудившейся “шрайк” прилетел в спальню

Лебедевых. К счастью, мать с отцом уже встали. Папа пошел умываться, он брился, мама — готовила завтрак. Хотя обычно она в это время спала. А тут словно почувствовала, поднялась, хлопотала на кухне.

Удар, обвалилась стена. Журналисты потом писали, он, мол, такой мужественный человек, даже не вздрогнул, не обрезался. Да, он мужественный человек, но погибнуть почти через четверть века после войны — перспектива нерадужная».

...В 1968 году Лебедев вернулся из Вьетнама. За работу в Ханое удостоился ордена Красного Знамени с цифрой «3». Это означало, что на груди появился очередной, на этот раз третий, очень авторитетный и любимый фронтовиками орден.

В Москве Алексея Ивановича долго не задержали. Предложили поехать военным атташе в Алжир. По тем временам — не самая спокойная должность. Еще не закончилось бурное десятилетие 60-х годов, когда эта страна пережила многочисленные потрясения — войну, борьбу за независимость, Эвианское соглашение 1962 года, референдум и, наконец, долгожданную свободу, а вместе с ней и массу проблем. Одна из которых — многочисленные минные поля на границе с Марокко и Тунисом. Своими силами алжирцы справиться с таким количеством мин не могли. Они обратились за помощью к Западной Германии, Италии, Швеции, но им отказали. Советский Союз согласился оказать помощь в уничтожении минно-взрывных заграждений. Туда прибыла одна оперативная группа советских инженерных войск, потом вторая. За три года советские саперы обезвредили 1,5 млн мин, разминировали 800 км минно-взрывных полос, очистили 120 тыс. гектаров земли.

Потом приехали советские советники и специалисты, которые помогали создавать национальную армию страны.

Так что у Алексея Ивановича Лебедева в Алжире хватало забот. Однако, как говорят, пути Господни неисповедимы. Он был неожиданно вызван в Москву и получил новое назначение — военным атташе в Париж.

По возвращении из Франции генерал-майор Лебедев возглавил факультет в военно-дипломатической академии. Несколько лет преподавал опыт молодым, а в 1975 году был назначен военным атташе в Берлин, в Германскую Демократическую Республику.

По возвращении из ГДР уволился в запас.

...Помнится, несколько лет назад генерал-майор Владимир Стрельбицкий, друг и однокашник по академии, сказал о Лебедеве прекрасные слова. Я записал их на диктофон. Этими словами и хочу закончить свой рассказ о воздушном асе, Герое, выдающемся разведчике.

«Алексей — человек большой души. Весельчак. Балагур. Довольствовался малым. Не было собственной квартиры, жил на съемной. Как все. А ведь он — Герой Советского Союза.

Любил Россию, ее песни, стихи. Возьмет баян, растянет меха: “Я люблю тебя, Россия, дорогая сердцу Русь...”

Парижане на окна смотрят. Удивляются. Улыбаются...»

Наш командир боевой

Декабрьской вьюжной ночью 1942 года дивизионные разведчики Сталинградского фронта притащили «языка». Немец как немец. Оглушенный прикладом автомата, испуганный, замерзший, он поначалу только невнятно мычал. А начальнику разведки надо было скорее привести плененного гитлеровца в чувство. Комдив торопил, и его можно понять. Предварительный доклад разведки озадачил: у фашиста оказались документы на имя унтер-офицера 206-й пехотной дивизии.

Начальник разведки не посмел бы потревожить генерала. Тем более, как сообщил порученец комдива, тот только прилег. Но дело не терпело отлагательств. На их фронте появилась новая дивизия. Предположительно, конечно. Иначе что делает здесь этот унтер из неизвестного им соединения. Неужто фашисты скрытно перебросили под Сталинград новые, свежие части. У разведчика похолодело внутри.

Унтер тем временем приходил в себя, начал отвечать на вопросы. Как поняли разведчики, 206-я пехотная стояла под Калинином, а его послали с поручением доставить какие-то бумаги, документы. Какие, ему неизвестно. Он доставил и уже возвращался обратно, как был захвачен разведгруппой.

Объяснения унтера ничего не прояснили. Наоборот, возникли десятки новых вопросов.

Немец, судя по его рассказу, не был фельдъегерем. Тогда почему его послали с документами? Какие это документы? Опять же Сталинград и Калинин — свет не ближний. Почему связь шла напрямую, а не через штаб армий?

Отсюда и выводы. Этот приезд из Калинина под Сталинград мог и действительно быть частной инициативой комдива той же 206-й дивизии. А если все обстояло иначе и немец врет?.. С кем не бывает, лопухнулись разведчики, не углядели, и фашисты скрытно перебросили новые части. А может, это далеко идущая дезинформация. Попробуй отгадай.

О странном унтере из 206-й пехотной дивизии доложили по команде — в штаб армии, откуда в штаб фронта и, наконец, в Москву, в Генеральный штаб.

Начальник дивизионной разведки

Командир батальона 186-й стрелковой дивизии старший лейтенант Александр Лазаренко понимал — случилось что-то неладное. В третий раз за неделю на его участке обороны уходили в поиск группы разведки. Он делал проходы в минных полях, провожал группы, принимал их. Но разведчики возвращались ни с чем.

Начальник дивизионной разведки ходил бледный, невыспавшийся и злой. Лазаренко сочувствовал ему, но у него своих забот был полон рот. Тем более сути дела комбат не знал, а разведчики, как всегда, не любили распространяться о своей работе.

Неудача полковой и дивизионной разведок вынудили штаб армии прислать к ним своего представителя.

Майор приехал в батальон Лазаренко, чтобы своими глазами осмотреть передний край, откуда в тыл врага уходили разведгруппы. Вот тут и пожаловался комбату майор: мол, не можем взять языка, а командующий фронтом вне себя, требует пленного.

— Ему тоже в Генштаб надо докладывать, — вздохнул майор. — А что доложишь, если разведчики каждую ночь ползают, да толку никакого.

И он рассказал Лазаренко о злополучном унтере, которого неведомым ветром занесло под Сталинград, а они теперь пупки надрывают, доказывая, что 206-я дивизия по-прежнему под Калининым.

— Да здесь она, эта 206-я. Куда ей деться? — усмехнулся комбат.

— Это я тоже понимаю. Но ты докажи, — и майор ткнул пальцем вверх, намекая, видимо, на Генштаб.

— А что тут доказывать, у меня своя разведка есть.

Майор с недоверием посмотрел на Лазаренко.

— Какая у тебя разведка в батальоне?

— Да так, — отмахнулся комбат.

Но майор неспроста был из армейской разведки. Он словно нюхом почуял удачу.

— Давай, комбат, выкладывай, дело крайне важное...

Старший лейтенант Лазаренко, разумеется, рисковал, но, как говорят, где наше не пропадало. Так и быть, рассказал он майору, что у него в батальоне, в седьмой роте, есть санинструктор. Ловкий, бедовый мужик. Ночью он снимал мины, делал проход и подбирался к фашистским окопам. Поджидал немца и бил его наповал. Документы, разведданные

санинструктора, разумеется, не интересовали. Ему нужен был заветный немецкий ранец, в котором он всегда находил любимый шнапс и закуску.

Лазаренко, приняв батальон, однажды «прищучил» санинструктора: мол, рискуешь, шляешься по немецким окопам, разживаешься шнапсом. На что хитрый санинструктор руками развел:

— Товарищ комбат, шнапс для сугубо медицинских нужд: промывание ран, дезинфекция...

— Смотри мне, дезинфекция...

Майор из разведотдела заинтересовался санинструктором.

— Вызывай-ка его, комбат

Вызвали, поговорили. Санинструктор согласился пойти в тыл к немцам, дело привычное. Только попросил в помощники еще одного солдата, с которым он уже ходил на дело.

В тот же день майор-разведчик, комбат Лазаренко, санинструктор с помощником выбрали место для прохода на передний край врага, продумали детали рейда, захвата, отхода, прикрытия группы, отработали сигналы.

В полночь группа ушла в сторону немецких окопов.

Лазаренко с майором ждали их на переднем крае, готовые прикрыть, прийти на помощь.

Но помощь не понадобилась. Под утро санинструктор с напарником вышли к линии обороны. Они тащили связанного, с кляпом во рту немецкого ефрейтора.

После допроса ефрейтора майор обнял Лазаренко.

— Спасибо, комбат. Выручил.

И уже на пороге обернулся, показал на грудь.

— Крути дырочку для ордена...

Лазаренко отмахнулся, откровенно говоря, не поверив обещаниям майора.

Проводив разведчика, комбат возвратился к своим обычным делам. Фронтовая жизнь продолжалась. Заканчивался 1942 год.

А в начале 1943-го к комбату прибежал посыльный: прибыть в штаб дивизии к командиру. С собой взять того самого санинструктора и его помощника. Всем троим комдив вручил награды. Санинструктору — орден Ленина, помощнику — орден Красного Знамени, а комбату Лазаренко — орден Красной Звезды.

Видать, ценный оказался «язык».

Тот рейд «доморощенных» разведчиков из седьмой роты имел для комбата далеко идущие последствия. Нежданно-негаданно пришел приказ:

назначить старшего лейтенанта Лазаренко Александра Ивановича начальником разведки 186-й стрелковой дивизии.

А исполнилось Александру Ивановичу всего двадцать один год.

С тех пор вся его жизнь будет связана с разведкой — не только с войсковой, но и стратегической, не только с Главным разведывательным управлением, но и с Первым Главным управлением КГБ.

Но это будет потом, через годы, десятилетия. А сейчас он возглавил разведку родной дивизии, в составе которой в сентябре 1941 года принял первый бой, командуя взводом.

Праздничный «салют»

Что и говорить, начальник разведки дивизии — должность серьезная. Опыта подобной работы у молодого офицера не было. Фронтовой опыт был. Начинал в 1941-м взводным, дорос до комбата, знал и победы, и жестокие поражения, но разведка — дело специфическое, тут просто военных, боевых знаний маловато.

Видимо, понимал это не только Лазаренко. Летом 1943 года дивизия вошла в состав 25-го стрелкового корпуса и приняла участие в битве под Курском. В ходе страшных боев на Огненной дуге от их соединения в 17 тысяч человек осталось 144 офицера и бойца. Среди них — Александр Лазаренко. Вскоре он был направлен на разведкурсы в Москву.

В столице оказался впервые. Москва поразила его размахом проспектов, огромными, красивыми зданиями, мирной жизнью.

Ничего подобного за свои 21 год Александр не видел. Он родился в маленьком селе Александровка, в десятке верст от города Спасск, что в Приморском крае. Городок мало кто знал, но его прославила песня — помните: «Боевые ночи Спасска, волочаевские дни».

После окончания Спасского педагогического училища Александр преподавал географию в школе. Часто после уроков подолгу смотрел на карту. Москва казалась далекой, недосягаемой. Но произошло чудо — теперь он учился в столице.

Учиться было интересно. Совсем недавно ему приходилось на практике организовывать ведение разведки в полку, в дивизии, теперь же опытные преподаватели рассказывали, как это надо делать по всем требованиям военной науки.

А способы добывания разведданных и их анализ — это труднейший этап деятельности разведчика, и, осваивая его, пришлось попотеть основательно.

Полюбил Александр и занятия по изучению иностранных армий — состав, боевые порядки, форма одежды, знаки различия.

Много работали слушатели с топографическими картами.

Несмотря на интенсивный курс обучения, у офицера оставалось время, чтобы отдохнуть, посмотреть Москву.

Учился Лазаренко на «отлично», был подтянут, дисциплинирован. Понимал, иначе нельзя: там, на фронте, гибнут его товарищи, чтобы он мог хорошо учиться, осваивать в полной мере военную науку.

Однако, как говорят, бывает и на старуху проруха.

...Наши войска освободили Белгород. По этому случаю в Москве по приказу Сталина был организован первый салют.

Слушатели разведывательных курсов тоже отметили праздник. По-своему, конечно. Распили канистру спирта, привезенного кем-то с фронта, а когда начался салют, выбежали на улицу и криками «ура» стали салютовать из личного оружия в московское небо.

Краснознаменные курсы находились тогда на Красной Пресне, как раз по соседству с зоопарком, и жертвой «салюта» разведчиков стала какая-то птица. Директор зоопарка позвонил начальнику курсов и пожаловался на самоуправство офицеров.

Генерал приказал построиться слушателям на плацу, обошел строй и строго спросил: кто открыл вчера стрельбу? Ответом было молчание.

Тогда начальник курсов изменил тактику. Теперь он останавливался у каждого офицера и вновь задавал свой вопрос. Отрицательно ответили первый, второй, третий офицер. Следующим стоял Лазаренко.

— Стреляли, товарищ капитан?

— Так точно, товарищ генерал, стрелял, — неожиданно для всех ответил Александр.

— Десять суток ареста!

И начальник продолжил свой путь вдоль строя. Однако, кроме Лазаренко в содеянном больше никто не признался.

После построения генерал вызвал Лазаренко в кабинет.

— Товарищ капитан, гильзы от оружия найдены разные. Значит, стреляли многие. Кто конкретно?

— Я стрелял, товарищ генерал, кто еще, не знаю.

Начальник внимательно посмотрел на офицера:

— Хорошо. Идите, Лазаренко.

Вскоре Александру сообщили, что генерал отменил свое взыскание и ему не грозит гауптвахта.

...Три месяца обучения на разведкурсах пролетели быстро. После выпуска предстояло вернуться на фронт. Куда? Это не имело значения. Он хотел просто возвратиться в войска и продолжать бить фашистов.

Перед распределением Лазаренко вызвал начальник курсов. Ему нравился этот капитан. После «салютной» разборки он внимательно следил за ним, присматривался, и вот теперь принял решение.

— Капитан Лазаренко, будете учиться в Высшей разведшколе Генштаба.

— Но, товарищ генерал... Я только что закончил обучение, хочу на

фронт.

Начальник курсов грустно улыбнулся и как-то мягко, по-отечески сказал:

— Хватит на твою жизнь фронтов, навоюешься, горько будет. А сейчас иди, учись, пока есть такая возможность. Ты нужен разведке.

Капитан Лазаренко вновь сел «за парту». Только теперь это были не трехмесячные курсы, а трехгодичное обучение в элитном учебном заведении Красной армии.

В июне 1945 года он принял участие в Параде Победы. После окончания Высшей разведшколы его отправили в Аргентину, помощником военного атташе.

Помощник военного атташе

Столица Аргентины встретила военного разведчика Александра Лазаренко далеко не с распростертыми объятиями. Советские офицеры аппарата военного атташе находились под неусыпным, жестким контролем местной контрразведки.

У правительства, возглавляемое Перроном, у министра национальной обороны генерала Умберто Соса Молино было достаточно прохладное отношение к Советскому Союзу. Достаточно сказать, что ни на одном крупном приеме, организованном советским посольством, не были замечены ни военный министр, ни министр морского флота, ни министр ВВС. Они не присылали даже своих заместителей. Приезжали, как правило, лишь мелкие клерки.

Военный атташе Советского Союза в письме в Центр признавался: «Лично со своей стороны я делал несколько попыток приблизиться к военному министру, начальнику Генштаба и министру ВВС, но успеха не имел».

Это была своего рода блокада аргентинских контрразведывательных органов.

Один из руководителей резидентуры военной разведки СССР в ту пору сообщал в Москву: «Общая обстановка в Аргентине и, в частности, в Буэнос-Айресе сложилась пока крайне неблагоприятно для нашей агентурной работы».

Аргентинская военная контрразведка находится при Генеральном штабе и контролирует, главным образом, нашу официальную деятельность, всячески стремится не допускать нашего проникновения в военную среду, как в Генштаб, так и в военное министерство, в гарнизоны.

С этой целью представители военной контрразведки на всех официальных приемах окружают наших людей достаточным количеством своих представителей, которые тщательно организуют слежку за каждым из нас.

И если на этих приемах нашим сотрудникам удастся найти какого-либо офицера или генерала (не принадлежащего к военной контрразведке), то всякое общение с ним, знакомство не ускользает от внимания контрразведки. Кроме того в последнее время аргентинское министерство стремится не приглашать наших людей непосредственно в воинские части и в военно-учебные заведения.

Думаю, по этим фактам ясна та изоляция, в которой мы находимся».

В свою очередь военный атташе признается, что «зарвавшиеся аргентинские контрразведчики стремятся установить контроль за гостями даже на мероприятиях, организуемых советским посольством», и рассказывает случай, когда он разослал дополнительные приглашения вне протокольного списка своим знакомым генералам и офицерам. «Контрразведчики, узнав об этом, всполошились не на шутку, — констатирует атташе, — и потребовали от нас подробные списки приглашенных. Но приглашения рассылались от имени посла. Пришлось сообщить аргентинцам, что я не считаю удобным требовать отчета от посла. Но если они будут настаивать — сообщу послу. Это отрезвило зарвавшихся контрразведчиков. Однако позже пачками приходили письма от приглашенных, с извинениями, что они не смогут присутствовать на празднике».

Другой представитель резидентуры также подчеркивает в радиограмме в Центр: «На выездах в другие города наблюдение ведется усиленное, открытое и довольно наглое, и наши представители ни на минуту не выпускаются из поля зрения».

В архиве ГРУ сохранилась телеграмма, присланная из Буэнос-Айреса, в которой рассказывается о том, как «советских дипкурьеров Джамая и Прохина задержали на аргентинской таможне на 8 часов, относились к ним по-хамски, намереваясь спровоцировать инцидент и завладеть почтой».

Почему же наглеют аргентинские контрразведчики? Ответ на этот вопрос можно найти здесь же, в оперативных делах резидентуры ГРУ.

В телеграмме военного атташе от 2.10.1948 года говорится: «Генерал армии в отставке Писторини, ныне министр общественных работ Аргентины, находясь в США, заявил: Аргентина стойко стоит за США в ее “холодной войне” против России».

И еще один документ в подтверждение.

«Москва. Гурову

Оперативное письмо.

Приемы и действия контрразведки.

Приходится иметь дело не только с аргентинской контрразведкой, но и с американской, которая за последнее время ведет свою деятельность более активно, чем местная КРО.

Аргентина не желает раздражать здешних представителей США, которые настаивают на изоляции сотрудников СССР и особенно военных представителей».

Вот в такой поистине «блокадной» обстановке и приходилось вести разведывательную работу помощнику военного атташе Александру Лазаренко. Итоги его деятельности до сих пор засекречены, но известна общая оценка — она достаточно высокая.

Однако все, что случилось с ним потом, не укладывается в общепринятые правила. Обычно успешно отработавшие за рубежом оперативные сотрудники военной разведки продолжают службу в центральном аппарате ГРУ, набираясь опыта и готовясь к следующей командировке.

Но Лазаренко не оставили в центральном аппарате в Москве. Более того, из стратегической разведки он оказался в войсковой, и очень далеко от столицы — на Дальнем Востоке, в должности заместителя начальника разведки 37-го воздушно-десантного корпуса.

Что ж, дальневосточника вряд ли напугаешь медвежьими углами, но факт остается фактом. После пяти лет успешной работы в аргентинской резидентуре ГРУ Лазаренко оказался на краю земли, в десанте, в замаху у начальника разведки корпуса.

Вскоре этот корпус попал под «хрущевское» сокращение, из трех дивизий оставили одну. А Лазаренко из корпусного штаба попал в дивизионный, начальником оперативного отделения.

Вот такие удары судьбы. Откровенно говоря, не всякому под силу выдержать их. Но Александр Иванович умел держать удар.

«Памятливый» кадровик

Однако вернемся к главной интриге. Ну не просто же так, за здорово живешь, опытного оперативного офицера, после стольких лет пребывания за границей, в одночасье убрали из стратегической разведки и загнали, куда Макар телят не гонял. Разве место ему в начоперах десантной дивизии?

Один из разведчиков, выслушав эту историю, с уверенностью сказал:

— Да провал у него был или какая-то аморалка, тут и к семи бабкам не ходи.

К семи бабкам-гадалкам я и вправду не пошел, но вернулся к личному делу Лазаренко. Никаких провалов, аморалок, взысканий, только поощрения.

Неудобно было напрямую спрашивать самого Александра Ивановича. Он тогда уже сильно болел. Но иного выхода я не видел.

Позвонил к нему домой, приехал. Жена на входе попросила не волновать его и долго вопросами не мучить. Пообещал, но минут через десяток нарушил данное слово и спросил, как казалось мне, о самом больном.

Но Александр Иванович, на удивление мне, рассмеялся.

— Это отдельная история. Кстати, очень поучительная для вас, молодых.

Он задумался, словно возвращаясь в мыслях на десятилетия назад, и продолжил:

— Это произошло во время моей учебы в Высшей разведшколе. Как-то вызывает меня к себе в кабинет начальник школы генерал-лейтенант Кочетков. Явился, доложил по форме. Смотрю, в кабинете кроме Кочеткова кадровик сидит, да еще офицер особого отдела. Разволновался, конечно. Такое присутствие не предвещало ничего хорошего. И вправду, начальник школы, покопавшись на столе в бумагах, поднимает голову, смотрит на меня и спрашивает: «Скажите-ка нам, Лазаренко, вы случайно сами себе звание лейтенанта не присвоили?»

Стою как громом пораженный и не знаю, что сказать. Что-то пролепетал: мол, как это сам себе?

«Да вот, — отвечает генерал, поглядывая на кадровика, — не можем мы приказа найти о присвоении вам первого офицерского звания».

Меня уже трясет, однако думаю, если сейчас сплеховать, точно подумают, что самовольно лейтенантские погоны одел. Гляжу, а кадровик

так плотоядно усмехается: попался, голубчик...

«Товарищ генерал-лейтенант, — рубанул что было сил, — я окончил Омское пехотное училище имени М. Фрунзе в 1941 году. Тогда же и звание офицерское получил. Вполне законно. У меня в дивизии 16 человек из моего училища, можно проверить».

«А ты не дергайся, Лазаренко, — угрожающе произнес кадровик, — мы проверим... Еще как проверим».

Вышел я тогда из кабинета начальника как в тумане. Обидно, досадно... Училище, фронт — взводный, ротный, начразведки дивизии, орден Красного Знамени, с сорок первого по сорок третий с передовой не вылезал, и на тебе... почитай, преступник, погоны на себя навесил. «Ну и сволочь же этот кадровик, сам приказ, видимо, потерял, а на меня свалил», — подумал я тогда в сердцах. И, как оказалось, недалеко был от истины.

Александр Иванович закашлялся, в комнату вбежала жена, стала его успокаивать, мол, Саша, ты не волнуйся, дала лекарство. Было очень неудобно, получилось, что я спровоцировал волнение больного. А ведь меня предупреждали.

Лазаренко заметил мое ерзание на стуле, махнул рукой:

— Не тревожься. Ты тут ни при чем. Хочешь дослушать историю?

Я только развел руками — еще бы!..

— Тогда слушай. На чем мы остановились?

— На сволочи-кадровике, — подсказал я.

— Да уж... — протянул Александр Иванович, — ну, после такого душещипательного разговора, не ожидая их официального подтверждения, сам написал начальнику Омского пехотного училища. Объяснил ситуацию. Вскоре на мое имя пришло письмо. В конверте находилась выписка из приказа командующего Западно-Сибирским военным округом о присвоении мне звания лейтенанта.

Наверное, надо было отнести выписку в отдел кадров, но я не мог вынести оскорбления и пошел прямо к начальнику школы.

Генерал Кочетков принял меня, прочитал выписку и вызвал кадровика. Это была показательная порка в моем присутствии, он «воспитывал» его долго и яростно, за то, что посмел «заподозрить офицера-фронтовика в подлоге».

Как мне казалось тогда по молодости, я был полностью отомщен.

Однако, когда закрылась тяжелая дверь кабинета начальника школы, позеленевший от показательной порки кадровик злобно прошипел в лицо: «Ты меня еще попомнишь, Лазаренко».

Ну, прошипел и прошипел. Мне ли, офицеру-фронтовику, бояться пустых угроз кадровых крыс? Тем более получил он поделом.

...А вскоре был выпуск из высшей школы военной разведки и командировка в Буэнос-Айрес.

Сколько потом событий произошло за пять лет: Лазаренко вырос в звании, стал опытным оперативным офицером, его работу в Аргентине оценили достаточно высоко. Казалось бы, его ждут самые радужные перспективы. Возможно, именно так и случилось бы, да вот судьба преподнесла неожиданный-негаданный «подарок».

После возвращения в Москву Лазаренко, как и положено, явился в отдел кадров ГРУ. Открыл дверь кабинета начальника... В кресле сидел тот самый кадровик. Он тоже времени не терял, вырос в должности и теперь руководил не кадрами высшей школы, а всего главного управления.

Но делать нечего. Доложил: «Подполковник Лазаренко прибыл из заграничной командировки».

Кадровик словно не расслышал, выставил ухо:

— Как говоришь, фамилия?

— Подполковник Лазаренко.

— Помнишь меня?

— Так точно...

Ухмыльнулся злорадно:

— Теперь меня всю жизнь помнить будешь.

Так Александр Иванович оказался на Дальнем Востоке.

Командирское слово — кремень

Служил, как мы уже сказали, заместителем начальника разведки корпуса, потом начальником оперативного отделения дивизии. Служил хорошо, от службы не бегал. Прежде не видя в глаза парашюта, в совершенстве освоил воздушно-десантную подготовку, совершил 118 прыжков.

Командиром 98-й дивизии ВДВ в ту пору был полковник Михаил Сорокин, будущий генерал, командующий округом. Вызывает он однажды к себе начопера Лазаренко и говорит:

— Вот что, Александр Иванович, ты в войну батальоном командовал, а теперь полком командовать будешь.

— Каким, товарищ полковник? — спросил Лазаренко, холодея от собственной страшной догадки.

Дело в том, что в состав дивизии входил 217-й парашютно-десантный полк. «Это не полк, а исчадие ада», — горько шутили в штабе. Командиры там долго не задерживались, нарушения дисциплины сыпались как из рога изобилия.

Задав свой вопрос, Лазаренко еще надеялся на чудо. Хотелось верить, что из уст комдива он услышит название какого-либо другого полка. Но чуда не произошло.

— Александр Иванович, — укоризненно произнес комдив, — 217-м, конечно.

Лазаренко ответил: «Есть», — развернулся и обреченно зашагал к двери.

— погоди, — окликнул его Сорокин, встал из-за стола, подошел, протянул руку и мягко, совсем не по-военному, сказал: — Ты моя последняя надежда, понимаешь?

Чего же тут непонятного? Лазаренко вернулся к себе в кабинет. Что ни говори, а подумать было о чем. Странную карьеру сделал он в последние годы: корпус — дивизия, теперь вот полк. Нормальные офицеры растут в обратном направлении, а он...

Стало быть, такой он, дикорастущий в обратную сторону.

Однако долго грустить над превратностями судьбы не пришлось. Дело не ждало. И он, засучив рукава, взялся за работу.

Не стану утомлять читателя нудным описанием тяжелой рутинной работы командира полка и его офицеров. Скажу только — полк Лазаренко

вытащил.

Два года на проверках 217-й получал круглые двойки, теперь впервые выполз на «удовлетворительно», а потом на «хорошо».

Нельзя сказать, что с приходом Лазаренко в полку не было проблем. Когда в подчинении почти две тысячи человек, проблемы всегда найдутся. Так, однажды комполка и сам едва не угодили под суд. И все потому, что дал слово, а отступить от него не в правилах Лазаренко.

Однажды в части случилось ЧП. Да еще какое: обворовали полковой магазин. Залезли ночью и унесли сотню золотых часов — в ту пору вещей редких и дорогих.

Александр Иванович прикидывал и так, и этак — кто вор? Сначала вычислил роту. Магазин был как раз за столовой. А ночью в столовой дежурил наряд из третьей роты.

Принесли список наряда. Командир думал, взвешивал, вычеркивал фамилии. Осталось всего несколько человек, и среди них прежде судимый рядовой Коломиец. Прямых улик, конечно, не было, но комполка нюхом чуял — это и есть вор.

Наутро Лазаренко выстроил полк, вышел перед строем.

— Товарищи солдаты и сержанты, я знаю того, кто украл часы. Он стоит сейчас в строю. Даю ему трое суток.

Командир выдержал паузу. Полк затаил дыхание.

— Сам придешь, — обратился он к вору, — под суд трибунала не отдам.

Сказать-то сказал, слово дал, а военная прокуратура тут как тут. Подумать только, этакое ЧП. Что им слово командирское, они уголовное дело завели и к Лазаренко с претензиями: вы перед строем говорили, что знаете имя того, кто украл часы? Говорил. Называйте вора. Не назову. Тогда мы привлечем вас к ответственности за укрывательство преступника.

Так закончился первый день. Вор не пришел. Не было его и на второй день, и на третий тоже. А Лазаренко прокуроры чуть не на дыбу поднимают, того и смотри в наручники закуют.

И все-таки солдат пришел, принес часы, признался. Комполка не ошибся — им оказался тот самый Коломиец.

А от прокурорского гнева спас Лазаренко командующий округом генерал-полковник Пеньковский. Он приехал в полк как раз в этот день. Приехал и спрашивает:

— Как дела?

— Да плохи, товарищ командующий.

— Что случилось?

Рассказал Александр Иванович все как на духу. Нахмурился командующий.

— Слово ты, конечно, зря давал... Но уж если дал — командирское слово — кремень. Назад ходу нет.

Пеньковский заулыбался, тряхнул головой.

— Силен ты, однако, Александр Иванович. Ладно, с прокурором договорюсь, а то ведь неудобно как-то получается. Я тебе повышение хочу предложить, генеральскую должность, а у тебя на хвосте прокуратура висит...

Видя, как растерялся командир полка, командующий расхохотался:

— Ну ты даешь, Лазаренко. Как с прокурорами, так ты кремень, а как на генеральскую должность, так дар речи потерял. Пойдешь ко мне начальником разведки округа?

— Пойду, товарищ командующий.

— Вот это другое дело... Четко и ясно. В общем, жди приказа.

На том и расстались.

А вскоре в округ прилетел командующий ВДВ генерал Маргелов. Поднял 217-й полк по тревоге, приказал совершить марш, десантирование.

Полк показал себя лучшим образом. Маргелов остался доволен. А после подведения итогов вызвал к себе Лазаренко.

— Вот что, Александр Иванович, у меня начальник разведки ВДВ увольняется. Пойдешь ко мне в Москву?

Комполка улыбнулся: ну надо же, не было ни гроша, да вдруг алтын. Сразу два предложения, и какие предложения!..

— Я жду ответа... — сказал Маргелов.

— Согласен, товарищ командующий, только вот генерал-полковник Пеньковский хочет взять меня в округ, на разведку.

— А это уже не твоя забота. Завтра в Москву прилечу, приказ у министра обороны лично подпишу, и дело будет сделано.

Как сказал Маргелов, так и случилось. Через неделю пришла телеграмма: полковника Лазаренко откомандировать в штаб ВДВ в город Москву, в связи с назначением его начальником разведки воздушно-десантных войск.

Два года отслужил в этой должности Лазаренко. Ничто не предвещало резких поворотов в его жизни. Но судьба вновь преподнесла ему сюрприз.

Однажды раздался телефонный звонок: полковника Лазаренко приглашали в Комитет госбезопасности. Что мог в ту пору думать человек, когда его вызывали в КГБ? Все что угодно, но никак не хорошее.

Так и начальник разведки ВДВ терялся в догадках. Перебирал события

последних месяцев, что писал, что говорил, куда ездил. Вроде бы все в порядке, а на сердце тревожно.

На Лубянке Александра Ивановича проводили к генерал-полковнику Петру Ивашутину. Позже он станет начальником ГРУ, а тогда еще генерал служил в КГБ. Без долгого вступления Ивашутин сказал, что есть мнение предложить Лазаренко перейти в Комитет госбезопасности.

Лазаренко отказался наотрез.

Ивашутин долго молчал, потом тоном, не терпящим возражений, сказал: «Вы нам нужны». И добавил: «Это дело уже решенное».

Что тут скажешь? Он человек военный: решенное, так решенное.

«Громкие» дела 13-го отдела

Теперь новая должность Лазаренко называлась — заместитель начальника 13-го отдела при Первом Главном управлении КГБ. Отдел, надо сказать, был непростой. Дела у него громкие. В разведке среди своих его нередко называли «отделом мокрых дел». Он и действительно предназначался для проведения диверсионных актов за пределами страны.

История этого подразделения давняя, уходит корнями в 20-е годы, когда на Западном фронте была создана нелегальная военная организация (НВО). Уже тогда уровень секретности был такой, что о существовании НВО не знал даже командующий фронтом.

В 1924 году за рубежом белогвардейцами создается Русский общевоинский союз (РОВС). Он объединяет почти 30 тысяч солдат и офицеров бывшей Русской армии.

Формальный глава Союза — главнокомандующий барон Врангель, фактический — генерал Кутепов. РОВС представлял реальную силу. В Москве знали, что он сохранил строгую армейскую структуру, дисциплину, вполне активен и работоспособен. Отделы Союза охватили своей сетью всю Европу от Финляндии на севере до Италии на юге. Располагались они и в Египте, в Персии, на Дальнем Востоке, в Северной и Южной Америке и даже в Австралии.

Руководство Общевоинского Союза не сидело сложа руки, оно действовало — открывались учебные курсы и школы, летние лагеря для подготовки и обучения диверсионному мастерству. И хотя Врангель не поддерживал подобные методы борьбы, Кутепов сделал ставку именно на диверсии и террор.

Было совершено несколько террористических актов на территории Советского Союза. Особую огласку получил взрыв в здании партклуба в Ленинграде в июне 1927 года, когда погибло и было ранено 26 человек.

Кутепов не только разрабатывает диверсионно-террористические операции, но и лично провожает боевиков через границу.

В Москве становится известно, что готовится убийство Сталина, руководителей ОГПУ, командующих нескольких военных округов, а также взрывы на заводах.

Чекисты разрабатывают спецоперацию и похищают Кутепова. По одной из версий, у генерала во время проведения операции останавливается сердце.

Преемник Кутепова генерал Миллер идет, по сути, той же дорогой, но задачи еще более масштабные — подготовка кадров для ведения диверсионной войны в тылу Красной армии. В Париже даже создается школа для подготовки таких специалистов.

В 1937 году Миллер, как и его предшественник, похищен, вывезен в СССР и казнен.

В этом же году был осуществлен захват архивов Троцкого, а еще через три года агент НКВД Рамон Меркадер убивает и самого Лейбу Троцкого.

В 1938-м один из опытейших боевиков диверсионной службы Павел Судоплатов подарил в Роттердаме главе ОУН полковнику Коновальцу коробку шоколадных конфет. В эту коробочку специалисты-оперативники подложили взрывное устройство.

Любимец Гитлера Коновалец погиб. Судоплатов благополучно возвратился на Родину.

В этот же период офицеры диверсионной службы выезжают в Испанию, где воюют с фашистами.

Потом была Великая Отечественная война, развертывание разведывательно-диверсионного управления под руководством Павла Судоплатова отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), работа по подготовке и заброске в тыл противника диверсионных групп.

В ряду величайших имен легендарный разведчик Второй мировой войны Николай Кузнецов. Вместе с командиром партизанского отряда «Победитель» Дмитрием Медведевым они разрабатывают смелые, дерзкие спецоперации, и Кузнецов вместе с боевыми друзьями казнит верховного судью Украины оберфюрера СС А. Функа, заместителя рейхскомиссара Украины генерала Г. Кнута, министерского советника финансов Г. Геля, гитлеровского палача А. Винера, вице-губернатора Галиции Бауэра.

Это он, Николай Иванович, выкрадет из собственной резиденции командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена.

Как узнает теперь Лазаренко, за несколько лет до его прихода в КГБ отдел разработает и осуществит ликвидацию Льва Ребета, ближайшего преспешника Бандеры, а позже уничтожит и самого Бандеру.

Правда, после того, как сбежит на Запад агент Богдан Сташинский, осуществивший эти акции, разгорится крупный скандал, и пришедший к власти в 1964 году генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев прекратит практику политических убийств.

Вскоре Александр Иванович Лазаренко убедится в этом сам.

«Увидев нас, Дубчек заплакал...»

А пока ему, как заместителю начальника, предстояло войти в курс дела. Шефом у Лазаренко был легендарный разведчик генерал-майор Родин. О нем еще Аллен Даллес писал в своей книге «Искусство разведки». Правда, фамилия там у Родина другая. Но это не меняет сути дела.

Отдел делился на направления: первое, второе, третье, оперативно-техническое, спецопераций и связи.

На отдел замыкалась бригада специального назначения, состоящая из шести полков. Правда, полки были полностью кадровированные и разворачивались по полному штату только в военный период.

Еще в подчинении начальника 13-го отдела — ныне достаточно известные курсы переподготовки офицеров КГБ в Балашихе, так называемый КУОС.

Александрю Ивановичу поручили курировать техническое направление.

Вот как он сам рассказывал о своей работе.

«Не стану хвастаться, но судите сами. За свои труды я получил Государственную премию СССР в области науки и специальной техники.

Вот, к примеру, пистолет, назовем его, к примеру, “ВУЛ”. Долго мы работали над ним, но могу с уверенностью сказать — получился шедевр. Убойная сила, как у пистолета Макарова, а бесшумность абсолютная.

Я как-то показал этот пистолет бывшим своим коллегам из ГРУ, те за голову схватились. Они что создали — макаровский пистолет с глушителем. Но он все равно издает шум. А в нашем все патроны в пистолете остаются.

Когда я был на Кубе, с разрешения начальника ПГУ Крючкова показал этот пистолет местным спецназовцам. Их бригадный генерал два раза выстрелил и побежал к Фиделю показать оружие.

Создали и мину принципиально нового принципа действия. Название мы ей дали музыкальное, красивое. Какое, не скажу. Так вот там шариковый замыкатель. Положил ее, чуть сдвинул, и взрыв. Кстати, начальник ГРУ Ивашутин просил у нас эти мины».

Разумеется, заниматься приходилось не только спецтехникой и оружием. Все самые малые военные конфликты, «заварушки», в которых в той или иной мере участвовал Советский Союз, не могли пройти мимо офицеров отдела.

Первой такой «заварушкой» для Лазаренко стала «пражская весна» 1968 года.

...За несколько дней до ввода войск в Чехословакию, будучи уже в Праге, полковник Александр Лазаренко встретился накоротке с одним из своих чешских агентов. Тот был не на шутку встревожен.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лазаренко.

Агент с недоверием посмотрел на московского шефа.

— Войска все-таки вводят...

— Ничего не путаешь? — пришло время сомневаться Лазаренко.

— Да нет, не путаю, мне позвонили из Польши.

«Чертовщина какая-то...» — подумал полковник.

Он вспомнил прилет в Прагу председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, их встречу в посольстве.

Главком ГСВГ маршал Иван Якубовский, генерал КГБ Иванов, он — Лазаренко и еще два офицера. Косыгин внимательно выслушал каждого из них. Все были едины во мнении: войска вводить нецелесообразно. Маршал Якубовский поддержал их.

Косыгин поблагодарил генералов и офицеров и пообещал доложить их мнение на Политбюро ЦК.

Но кто знает, доложил ли он, да и вообще что там произошло, на заседании Политбюро, — трудно сказать.

Теперь уже известно, что решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС и получило одобрение остальных представителей компартий, стран — участниц вторжения. Эта встреча состоялась в Москве 18 августа.

В ночь с 20 на 21 августа войска Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили на территорию Чехословакии. Однако четкое и быстрое осуществление военной операции не было поддержано мерами политического характера.

По существу, политикам не удалось добиться намеченного — Президиум ЦК Компартии Чехословакии так и не обратился к государствам — участникам Варшавского договора за помощью, марионеточное правительство не было создано, партийный съезд состоялся, и он осудил вторжение. Не получилось также справиться и с пассивным сопротивлением народа.

Член Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, прибывший в Прагу под именем генерала Трофимова, телеграфировал в Москву: «Правые активизируются, левые пассивны... Предлагаем еще раз переговорить с Дубчеком и Черником. Вечером может быть поздно, и в Праге дойдет до

настоящих сражений».

Положение усугублялось тем, что акция вооруженных сил пяти государств расценивалась большей частью стран мира как агрессия. Ее осудили фактически все крупнейшие компартии, в том числе итальянская и французская.

Событиями в Чехословакии были встревожены Югославия и Румыния. Правда, США и многие западные страны «пражскую весну» считали домашней разборкой на собственной коммунистической кухне и избегали открытого вмешательства в дела региона.

13-й разведывательно-диверсионный отдел Первого Главного управления КГБ принимал самое активное участие в пражских событиях. Да иначе и быть не могло.

Еще 2 мая 1968 года замначотдела Александра Лазаренко вызвал к себе начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский.

Приказ звучал коротко: «Бери своих ребят, все, что нужно для работы, и сегодня же в Прагу».

Еще не было московских переговоров, в ходе которых Дубчек пытался убедить Брежнева, Подгорного и Косыгина воспринять события в Чехословакии как поиск путей совершенствования системы, устранение пережитков сталинизма. Еще министр иностранных дел И. Гаек не услышал от А. Громыко упрека в том, что в Чехословакии контрреволюция поднимает голову. Еще не состоялась в столице СССР встреча пяти руководителей восточноевропейских компартий, обсуждавших положение в Чехословакии. Все это еще будет, но 13-й отдел КГБ уже летел в Прагу.

Не обошлось и без курьезов. Один из сотрудников отдела был прилично пьян. Все-таки 2 мая — праздник. Пришлось «загрузить» его в машину, потом в самолет. Пока летели, протрезвел.

Протрезвели и остальные, хотя и не пили. Обстановка развивалась стремительно и ухудшалась с каждым часом.

Военные развернули штабные учения «Шумава», политики пытались найти выход из создавшегося положения. Все чаще звучали речи о военной помощи Чехословакии.

Еще был свеж в памяти 1956 год, Венгрия, когда по советским солдатам и офицерам стреляли с крыш, с чердаков зданий, из подвалов. Потери исчислялись сотнями военнослужащих.

Ничего подобного нельзя было допустить в Чехословакии, дабы не пролить крови ни с той ни с другой стороны.

Но как это сделать, если невдалеке от пражского аэродрома развернута танковая дивизия Чехословацкой народной армии? В соединении — 450

танков. Мощная сила! Как поведут себя танкисты в случае конфликта, на чьей стороне они будут? На этот вопрос не брался ответить никто. Стало быть, выход единственный — ни один танк не должен двинуться с места.

Пригласили в посольство министра обороны Чехословакии Мартина Дзура. Предупредили: как бы ни развивались события, дивизия должна оставаться в местах постоянной дислокации. Дзур дал слово, что ни один танк не двинется с места.

Так, собственно, и случилось. Не отдай этот приказ Дзур, «пражская весна» могла бы закончиться жертвами и кровью. К счастью, этого не произошло.

Как известно, в первоначальном варианте никто не собирался интернировать в Советский Союз Дубчека и его окружение. Москва видела Дубчека в отпуске, в это время из Президиума ЦК КПЧ выводились несколько наиболее «несговорчивых» деятелей, в результате чаша весов склонялась в сторону промосковской группировки. Потом сам Дубчек, опираясь на помощь союзных войск, наводит в стране порядок.

Увы, жизнь разыграла иной сценарий. Был получен приказ доставить Дубчека и его соратников в Москву. Выполнять приказ пришлось полковнику Лазаренко и его подчиненным.

Весь рассказ об этом укладывается у Александра Ивановича в несколько предложений. «Вместе с десантниками я вошел к нему в кабинет. Увидев нас, Дубчек заплакал. Ну что, вывели, посадили в бронетранспортер и отправили в Польшу, оттуда в Москву. Вот и все...»

Сегодня в России негативно оценивают ввод союзных войск в Чехословакию. Действительно, было сделано много ошибок, нанесен удар по престижу нашей страны. Отвергая любые силовые методы разрешения международных конфликтов, тем не менее нынешним политикам следует взять из «брежневского коммунистического арсенала» одно весьма нужное качество — стремление жестко отстаивать интересы своей страны.

Пусть брежневское Политбюро делало это «тоталитарно неуклюже», однако оно это делало.

В июле 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой лидеров КПСС и КПЧ предсовмина Косыгин сказал: «Осознайте, что ваша западная граница представляет собой нашу границу».

Возможно, кто-либо скажет, что от этих слов веет духом застойного времени. Возможно, но тогда хочется спросить: «А где сегодня наша западная граница?» Смею напомнить: у стен Смоленска, господа.

Убрать предателя...

Надо признать, что 13-му отделу не везло. В 1954 году на Запад сбежал сотрудник отдела капитан Николай Хохлов, которому было поручено уничтожить одного из лидеров Народно-трудового союза (НТС) Георгия Околовича. В 1961-м в ФРГ сдался властям агент отдела Богдан Сташинский, признавшийся в убийстве Льва Ребета и Степана Бандеры, через десять лет из лондонской резидентуры скрылся капитан Олег Лялин, завербованный английской МИ-5.

Ни с Хохловым, ни со Сташинским полковник Лазаренко, к счастью, знаком не был, а вот Лялина знал.

На допросе в британских спецслужбах Лялин наболтает такого, чего и в страшном сне не приснится. Якобы тот самый отдел, в котором ему пришлось служить, готовил диверсии в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Бонне, Риме. Особенно он упирал на Англию. Мол, советские чекисты собирались затопить лондонское метро, взорвать станцию раннего оповещения о ядерном ударе в Северном Йоркшире, уничтожить стратегические бомбардировщики, а также другие военные объекты.

Эти дикие факты тем не менее были положены в основу обвинения Советского Союза в подрывной деятельности на территории Великобритании, и правительство Эдуарда Хита пошло на беспрецедентный шаг — выслало из страны 105 советских дипломатов. Разумеется, среди них было немало и разведчиков. Благодаря усилиям предателя Лялина британские спецслужбы нанесли мощный удар по лондонской резидентуре.

Газета «Правда» в сентябре 1971 года писала: «В шпионаже клеветнически обвиняют работников советского посольства, торгпредства, Совэкспортфильма, Интуриста и т. д. Но и этого мало. “Ньюс оф уорлд”, расписывая “смелые и действенные меры” консерваторов, требует немедленно ополчиться против “сотрудников” посольств восточноевропейских стран.

«Санди телеграф» откровенно называет в качестве новых мишеней британских властей посольства Чехословакии, Польши, а также Египта и Ирана...»

До сих пор, как только в российской печати появляются публикации о предателе Олеге Лялине, сразу же возникают два утверждения. Первое — после побега Лялина отдел претерпел большую чистку, а некоторые авторы

убеждают нас, что он и вовсе был закрыт, и второе — якобы взбешенный председатель КГБ Юрий Андропов приказал ликвидировать предателя. Только вот почему он был не ликвидирован — неизвестно?

Что ответить на эти утверждения? Да, действительно, предательство Лялина нанесло большой вред как нашей дипломатии, так и разведке.

В одном из своих интервью генерал Юрий Кобаладзе, бывший в начале 90-х годов руководителем пресс-службы внешней разведки России, прокомментировал ситуацию с Лялиным следующим образом:

«Впервые в истории взаимоотношений Советского Союза и Англии была предпринята акция, когда выдворили сразу 105 человек. В практике международных отношений такого не существовало. Разведслужбы есть почти во всех странах мира, и, естественно, бывали случаи, когда кого-то ловили с поличным. Были и скандалы. Но, как правило, это делалось тихо — просто высылали из страны. А тут сразу огромное количество высланных, причем не все из них имели отношения к разведке.

...На самом деле чем он (Лялин) был опасен — своей принадлежностью к подразделению “В”. И, конечно, он там страсти-мордасти порассказал».

Сам же Александр Иванович Лазаренко о побеге Лялина и его последствиях вспоминал так:

«Вот пишут теперь кому не лень, мол, после побега предателя Лялина отдел пострадал, его расформировали. Да никто его не расформировывал. Просто стал называться по-другому — 8-м отделом. Убрали одного из замов начальника отдела Василия Власова. И правильно сделали.

Разумеется, Олег Лялин теперь не кто иной, как борец с коммунизмом и тоталитаризмом, который сражался, как герой, за светлые идеи демократии. А на самом деле он просто предатель, иуда.

Но дело в том, что предателя Лялина и последующей трагедии с высылкой 105 советских дипломатов и разведчиков могло не быть.

Однажды на имя начальника Первого Главного управления генерала Сахаровского приходит письмо. Пишет ему наш ветеран КГБ из второго Главка: “Капитан Лялин в разведке работать не может. Он бабник и болтун”.

Оказывается, этот ветеран был отцом любовницы Лялина. Тот часто навещался в их дом, напивался и хвастался: “Не смотрите, что я капитан. Я большой человек, разведчик-агентурщик”. И далее его обычно несло, как Остапа Бендера.

Ветеран наш хоть и был старенький, уже 84 года, слушал— слушал, да и не выдержал: написал письмо Сахаровскому. Все рассказал. Поручили

эту жалобу проверить полковнику Василию Власову. Он поехал к ветерану, побеседовал. И вместо того, чтобы прислушаться к мнению, серьезно разобраться, отмахнулся, а на письме этак высокомерно черкнул свое заключение: “Бред сивой кобылы”. И отправил в архив.

А когда вскоре Лялин сбежал, сдал четверых наших ценных агентов, да еще 105 человек выслали из страны, письмо извлекли из архива и припомнили Власову этот “бред”.

Мы ведь читали распечатку допроса Лялина там, в Англии. Он обо всех сотрудниках отдела рассказал: и о Филимонове, и о Ботяне, а меня назвал “хитрым хохлом”. Так что все у нас было, все знали. И достать его могли. Разведали, где прячется...»

Помнится, слушая Лазаренко, я тогда искренне удивился:

— Так почему же не достали?

Александр Иванович отрицательно покачал головой.

— Вы что, сотрудников разведывательно-диверсионного отдела КГБ представляете себе, как неких «свободных стрелков»? Захотели — убрали, не захотели — помиловали.

Да, я всегда считал, что предатель должен отвечать за свои преступления, за страдания, а то и гибель преданных им товарищей. И мы писали генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. До сих пор помню этот конверт. Гриф: «Секретно. Особой важности» на письме, красная полоса — никто, кроме адресата, вскрывать не мог.

Но Леонид Ильич не дал «добро». Он вообще не был сторонником таких методов. А так ведь у нас все было подготовлено — и соответствующий нелегал, и оружие...

...Почти четверть века после своего предательства прожил Лялин в одном из английских графств. А в 1995 году тихо скончался на 58-м году жизни.

Что поделаешь, приходилось заниматься и такими людьми — предателями, террористами, убийцами. Разгребать их грязные дела. Особого удовольствия подобная работа не приносила. Но работа была крайне необходимой. Сегодня, в период необычайного разгула терроризма, это становится особенно очевидным.

Полковник Александр Лазаренко был одним из тех, кто, по сути, первым принял удар террористов, оценил всю опасность этого явления и готовил адекватный ответ.

Итак, 1970 год. Человечество еще не осознало опасность «чумы XX века». До мюнхенского кошмара Олимпиады 1972 года целых два года. Только Израиль в 1968 году в ответ на захват палестинскими террористами

«Боинга-707» авиакомпании «Эль-Ал» провел операцию «Подарок» и уничтожил 13 авиалайнеров в Бейрутском международном аэропорту. Но это было воспринято мировым сообществом как очередной виток арабо-израильского противостояния.

А мир тем не менее стоял на пороге эры воздушного терроризма.

В СССР в ту пору террористические акты были редкостью, а уж о захватах самолетов никто и не помышлял.

Однако такой захват случился. В 1970 году, в Советском Союзе.

Террористы отец и сын Бразинкасы бандитски захватили самолет, совершавший полет по маршруту Батуми — Краснодар. Они убили юную девятнадцатилетнюю бортпроводницу Надю Курченко, ранили двух членов экипажа и принудили командира корабля совершить посадку в Турции, в городе Трабзоне.

Ничего подобного прежде не происходило в нашей стране. Это был первый угон самолета в другое государство, да еще с такими трагическими последствиями. Советский Союз был в шоке. Обсуждалось предложение высадить в Трабзоне десантников и захватить террористов. Однако от него отказались.

Но если предложение о применении десанта было скорее из области фантастики, то в разведывательно-диверсионном отделе КГБ служили вполне трезвые, смелые и высокопрофессиональные сотрудники. Они считали, что кровавые убийцы должны понести заслуженное наказание. Ибо Турция не собиралась карать террористов: их сначала отпустили, потом старшего, о Пранаса, якобы осудили, но он вскоре оказался на свободе, а его сын Альгирдас и вовсе оказался неподсуден по малолетству.

И тогда сотрудниками отдела была разработана операция по уничтожению террористов Бразинкасов.

О том, как она готовилась и осуществлялась, рассказал мне сам Лазаренко:

«Знаете, тот террористический акт, убийство Нади Курченко, потряс нашу страну. К тому же он послужил дурным примером для других бандитов. Террористы, захватившие самолет в Грузии в 1983 году, что потом говорили на суде? Когда их спросили, почему они поступили так жестоко, не предъявляя никаких требований, пять раз выстрелили в лицо пилоту Шарбатяну, три раза в пилота Плотко, убили бортпроводницу, они ответили: мол, тихо, по турпутевке, не собирались уезжать в Турцию и там оставаться. Ссылались на Бразинкасов, что вот убили Надю Курченко, так их там с распростертыми объятиями приняли.

Так оно и было. Несмотря на все требования нашей страны, Турция не

выдала нам террористов-убийц.

Наш отдел тщательно разработал операцию по уничтожению террористов.

Бразинскасы жили на вилле под Стамбулом. Всюду ходили вместе — в город, на рынок. Вот там, на рынке в Стамбуле, мы и решили провести операцию.

В Москву был вызван агент. Я работал с ним сам. Сначала предполагалось, что он уберет террористов из бесшумного пистолета, но потом от этой идеи отказались. Решили использовать микропулю. Специальное устройство зашили в подошвы туфель. Он поднимал ногу и делал бесшумный выстрел. Важно было просто попасть в террориста. Пули были отравлены и вскоре сделали бы свое дело.

Спасли террористов-убийц Бразинскасов... спецслужбы США. Они, заметая следы, вывезли их сначала в Италию, потом в Венесуэлу и, наконец, в Америку. Есть о чем задуматься, не правда ли?»

Да, истинная правда. Тем более, что эта история имеет поразительное продолжение, или, скорее всего, хочется верить, окончание.

Что уж греха таить, в последние годы эта кровавая история порядком подзабыта. И нынешние юноши и девушки вряд ли назовут имя своей ровесницы, которая была убита террористами на борту самолета. И вдруг в феврале 2002 года многие наши газеты, некоторые телепрограммы вновь вспомнили о теракте более чем 30-летней давности.

Что послужило толчком к этому? Оказывается, в США по обвинению в убийстве был арестован некий Альберт Виктор Уайт, 46-летний житель городка Санта-Моника. Но какое нам дело, спросите вы, до далекого американского городка и до убийцы Уайта? У нас и своих подонков хватает. Однако дело в том, что американский Альберт Виктор Уайт в какой-то мере тоже наш. Хотя очень не хочется причислять его к нашим. Но что поделаешь, так распорядилась история. Уайт — не кто иной, как Альгирдас Бразинскас. Да, тот самый младший Бразинскас, который вместе со своим отцом, Пранасом Бразинскасом, захватил наш самолет. Они жили в Калифорнии, сменив фамилию.

И вот теперь 46-летний Альгирдас убивает своего 77-летнего отца. Пока неизвестно, как это случилось. Ясно только — один террорист-убийца взрастил другого убийцу и сам пал от его руки.

Может быть, подводя итог этой истории, надо сказать: собаке собачья смерть, — и поставить точку. Но нет, помните, как в песне — «ничто на земле не проходит бесследно». Не прошел бесследно для нашей страны и кровавый пример Бразинскасов. Об этом говорил генерал Лазаренко. Они

стали своего рода символом для последующих террористов.

А выдай их в ту пору Турция — и, возможно, не было бы у нас кровавых терактов в Тбилиси в 1983 году, в Ленинграде в 1988-м, в Орджоникидзе — в том же году.

Так что нам есть о чем подумать и о чем порассуждать. И не только нам. После событий 11 сентября и удара воздушных террористов в США вряд ли кто вспомнит Бразинскасов. Не до того им, да и не с руки. А ведь это они, американцы, и их спецслужбы спасли, вывезли, дали другие фамилии, приютили у себя убийц-террористов.

Наверное, если бы сейчас зашла речь, американцы в очередной раз попытались бы все списать на холодную войну. Действительно, чего уж там. Иммиграционный судья Роберт Гриффит до последнего борется за террористов и настаивает на политическом убежище этих подонков. Старший Бразинскас признан чуть ли не диссидентом: оказывается, он, бедняга, подвергался в СССР преследованиям за участие в «литовском сопротивлении» (так в США именуют банды «лесных братьев»).

Да уж, поразительная штука жизнь. Как по-иному с руин Всемирного торгового центра видится и оценивается преступление террористов-убийц Бразинскасов, то бишь Уайтов.

Говорят, что Бразинскасы последние годы прожили в забвении, не нажив себе славы и капитала за свое «диссидентское» прошлое. Но они прожили эти годы в тихой и благополучной Америке, а Нади Курченко, прекрасной молодой девушки, нет на свете уже тридцать с лишним лет.

Откровенно говоря, мне очень жаль, что Александр Иванович Лазаренко не «достал» их тогда в Турции. Но сын через столько лет сам «достал» отца-убийцу. И к этому нечего добавить.

«Афганистан» или «Авганистан»?

В 1979 году полковнику Александру Лазаренко исполнилось 57 лет. Возраст вполне солидный, чтобы с чувством исполненного долга уйти на покой. Послужил он Отчизне немало, правда, на пенсию пока не собирался — были еще силы, здоровье и, что самое важное, опыт.

Однако скажи кто-либо в те годы, что впереди у него еще одна война, — не поверил бы. Великой Отечественной хватило за глаза... Но, как говорят, человек всего лишь предполагает...

В том же году, еще до ввода наших войск, Лазаренко послали в Кабул. Глава Афганистана Хафизулла Амин «бомбардировал» Москву постоянными просьбами об экономической и военной помощи, просил ввести советские войска на территорию страны для обеспечения независимости и защиты завоеваний Апрельской революции.

Следовало прояснить некоторые вопросы, и руководство Первого Главного управления командировало в Афганистан Александра Ивановича. Вопросы он свои прояснил и даже встретился с Амином. Однако встреча эта, говоря языком дипломатов, «на высоком государственном уровне», оставила тяжелое впечатление.

«Моя первая командировка в Афганистан, — вспоминал позже Лазаренко, — состоялась в мае 1979 года. Амин принял меня, мы долго разговаривали с ним. Помню, удивленный некоторыми его декретами, спросил: “Товарищ Амин, вы издали несколько декретов, паранджу ликвидировали, недовольство вызвали. Стоило ли это делать?”

Амин отмахнулся: “Какая паранджа? Мы скоро атомную бомбу будем иметь”.

Страна в средневековье живет, всюду поразительная бедность, темнота, безграмотность, а он — атомная бомба».

Уезжая тогда из Кабула, полковник Лазаренко и представить себе не мог, что через год с небольшим он вновь вернется сюда. Только не для дружеских бесед с Амином, а на войну.

В декабре 1979-го воспитанники курсов переподготовки офицерского состава КГБ (КУОСа), объединенные в подразделение «Зенит», вместе с группой «Гром», при поддержке десантников и так называемого «мусульманского батальона» захватят дворец Амина и другие важнейшие государственные и правительственные объекты в Кабуле. В ходе штурма дворца погибнут начальник КУОСа полковник Григорий Бояринов и еще

несколько офицеров. Бояринов посмертно будет удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в рядах идущих на приступ дворца Тадж-Бек будет действовать помощник начальника разведывательно-диверсионного отдела капитан 2-го ранга Эвальд Козлов. Он также получит Золотую Звезду Героя.

Руководил и координировал действия спецназовцев начальник управления «С» (нелегальная разведка) генерал-майор Юрий Дроздов.

Так их 8-й отдел и подчиненные ему подразделения вступили в девятилетнюю афганскую войну.

Фронтоник полковник Лазаренко знал: война живет и развивается по своим законам. А это значит, что там, «за речкой», необходимы их подразделения. У армии на войне свои задачи, у спецслужб — свои. И им не обойтись друг без друга.

Так, собственно, и случилось. Едва успел вступить в свои права новый 1980 год, как начальника отдела и его, Лазаренко, вызвал к себе руководитель Первого Главного управления Владимир Крючков.

Оказывается, руководством страны принято решение развернуть до полного штата бригаду особого назначения КГБ СССР. Офицеры этой бригады должны были организовать эффективную агентурную и оперативную работу, оказать помощь в создании местных органов безопасности и, разумеется, быть готовыми к проведению спецмероприятий против врагов нынешней афганской власти.

Лазаренко слушал Крючкова и чувствовал, как нарастает его внутреннее волнение: легко сказать — развернуть бригаду... Да это же несколько тысяч офицеров-оперативников. А где их взять?

На местах, в областных управлениях у них была совсем другая работа. Тоже важная, напряженная, но все-таки в условиях мирного времени и на своей территории. А там война. Это, значит, все иное — задачи, ритм работы, уровень опасности, местное население — афганцы, которых мы совсем не знаем, их обычаи, традиции, язык, история.

Он вспомнил, как недавно один из его подчиненных в шутку спросил: «Александр Иванович, а как правильно писать: “Афганистан” или “Авганистан”, через “фэ” или через “вэ”?» Откровенно говоря, он тогда едва сдержался. Только, сдаётся, таких сотрудников по необъятному Советскому Союзу немало. И других у нас просто нет.

Тем временем, закончив рассказ о задачах бригады, начальник ПГУ подвел итог:

— Командовать этой бригадой и выполнять столь непростые задачи

поручено вам...

И он назвал фамилию начальника отдела.

— Вы опытный разведчик, оперативных знаний не занимать, вам и карты в руки.

Лазаренко видел, как побледнел его шеф, услышав собственное имя. Однако Крючков этого не заметил. К сказанному он весомо добавил:

— С Юрием Владимировичем Андроповым ваша кандидатура согласована. Здесь, в Москве, на хозяйстве вместо вас останется полковник Лазаренко.

Повисла пауза. Крючков, видимо, был уверен, что сейчас услышит четкое, по-военному, «есть» или более демократичное, чекистское «все понятно, разрешите выполнять», но не тут-то было.

Начальник спецотдела со вздохом развел руками.

— Владимир Александрович, — обратился он к Крючкову, — поймите правильно, если соглашусь на это назначение, боюсь повредить делу. Войсковыми операциями я не занимался, оперативно-боевыми подразделениями тоже не руководил. Так что...

Генерал замялся. Да и продолжать не имело смысла. Все было ясно. Шеф спецотдела просто струсил.

Крючков молчал, в упор глядя на начальника отдела. Чувствовалось, что он едва сдерживает гнев. Начальник ПГУ перевел холодный взгляд на Александра Ивановича:

— Вы тоже боитесь навредить делу?

— Боюсь, — ответил Лазаренко, — но от дела не отказываюсь.

— Тогда вы, — бросил Крючков начальнику спецотдела, — свободны. А вы, Александр Иванович, останьтесь.

Начальник ПГУ сидел молча, не проронив ни слова. Молчал и Лазаренко. Он понимал «большого шефа»: тяжело вдруг сделать открытие, что много лет рядом с тобой работал трус, и в нужную минуту он просто бросил тебя.

Потом Крючков поднял трубку и позвонил председателю КГБ Андропову, пересказал разговор с начальником спецотдела. Когда их беседа была окончена, он, обращаясь уже к Лазаренко, сказал:

— Вы назначены. Юрий Владимирович утвердил вашу кандидатуру.

Крючков встал и протянул руку. Взгляд его потеплел.

— Александр Иванович, начинаете, по сути, с нуля.

Лазаренко кивнул:

— Понимаю...

— И еще, — Крючков задержал его ладонь в своей руке, — учтите,

Афганистан — это...

Начальник ПГУ задумался, словно подбирая нужное слово, а у Лазаренко мелькнуло: да уж, Афганистан — не Буэнос-Айрес.

А Крючков лишь улыбнулся:

— Вот вернетесь оттуда и расскажете мне, что такое Афганистан.

«Отчего же не рассказать, — подумал Лазаренко, — только когда это будет?»

Особая территория на карте планеты

С чего начал полковник Александр Лазаренко свою деятельность в качестве командира бригады специального назначения? С того, что доложил начальнику управления генералу Юрию Дроздову о нецелеобразности развертывания бригады по полному штату.

Руководство выслушало его и с доводами согласилось. Решено было создать сводный отряд, который Лазаренко предложил назвать «Каскад». Состав — тысяча человек.

Вскоре отряд сформировали и перебросили в Фергану, на базу 105-й воздушно-десантной дивизии ВДВ. Здесь бойцы «Каскада» проходили доподготовку, готовились к действиям в Афганистане.

Своя доподготовка была и у командира. Уже первые шаги по осмыслению роли отряда, его тактики, оперативной деятельности показали: первая «горячая», еще не оформившаяся мысль о том, что «Афганистан — не Буэнос-Айрес» — верна и точна.

Но что делать после осознания этой верной и точной мысли? Изучать опыт. К тому же опыт не европейский, а по большей мере среднеазиатский. Например, борьбу с басмачами.

Позже Александр Иванович скажет: «Я собрал соответствующие материалы со всего Советского Союза. Даже историю и методы работы ЧОН изучал. Ибо в Афганистане классические методы разведки не подходили».

Помнится, тогда в одной из работ Лазаренко прочитал: «Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами. Действия басмачей сопровождалось жестоким террором, принимавшим изуверские формы».

Как часто потом, в Афганистане, командир «Каскада» станет вспоминать эти строки. Они окажутся похожи на сообщения из его собственных донесений в Центр. словно и не было шести десятков лет.

Многое он почерпнул из документов, сохранившихся в архивах КГБ со времен махновщины, антоновщины. Позже, уже в послевоенный период — борьба с ОУНовцами на Украине, «лесными братьями» в Прибалтике дала пищу для размышления и изучения тактики националистических банд. Что-то было общее, традиционное в этой партизанщине, и в тоже время — виделись разительные отличия. Ведь обстановка в Афганистане, как

политическая, так и экономическая, идеологическая была иная. На дворе стояли 80-е годы XX столетия. К оценке обстановки следовало добавить еще время и место действия.

В те дни, листая пожелтевшие страницы документов, он записал себе в блокнот: начало басмаческого движения — 1917 год, окончание — 1926-й. Написал и удивился — девять лет борьбы. Нельзя сказать, что для Александра Ивановича цифры эти стали открытием. О долгой борьбе с басмачеством он знал и раньше. Но раньше эти цифры были где-то далеко, а теперь проступили ясно и зримо.

Лазаренко вспомнил, как невольный холодок пробежал по спине — девять лет! «Неужто и мы там застрянем?.. — подумал он и тут же отогнал эту дикую мысль. — Надо же, взбредет такое в голову».

Проштудировал еще раз, заново, и классический учебник М. Дробова: «Малая война: партизанство и диверсии».

Дробов был прав, хотя не все его поняли тогда, в 30-е годы, когда вышел в свет научный труд. Он говорил о том, что «малая война» станет играть значительную, а возможно, и решающую роль в будущем. Его критики основывались на опыте масштабных, мировых войн. И действительно, не забылась еще Первая мировая, пахло порохом уже новой вселенской бойни, какие уж тут «малые войны». Но, оказывается, настало время, как теперь их называют, и «конфликтов малой интенсивности».

Поднял Лазаренко судоплатовские дела. Тут, право, было чему поучиться. На счету сотрудников 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД — оперативные игры с фашистами, умелое проникновение в немецкие центры, штабы, эффективная деятельность как разведгрупп, так и талантливых разведчиков-оперативников.

Эти материалы Александр Иванович читал с особым волнением. Нет, в годы Великой Отечественной ему не посчастливилось работать в легендарном 4-м управлении, он был всего лишь войсковым разведчиком. Но в том, что Судоплатов сегодня на свободе и борется за свою реабилитацию, есть частица и его труда.

Александр Иванович хорошо помнил тот день, когда председатель КГБ Юрий Андропов вызвал к себе начальника Спецотдела генерала Гусева и его, Лазаренко.

Гусев совсем недавно принял отдел и был не в курсе дел. А выполнять очередную задачу руководства пришлось Александру Ивановичу. Задача состояла в том, чтобы тщательно проанализировать обвинительное заключение на Судоплатова, поднять документы и подтвердить или опровергнуть каждый пункт обвинения.

Судоплатовское уголовное дело уместилось в несколько томов. Обвинительное заключение было на 500 страницах. Но делать нечего: приказ есть приказ. Да и за каждой этой строкой — годы заключения Павла Судоплатова.

Чего только не вменяли в вину Судоплатову: например, то, что он находился в плену у Петлюры и скрыл этот факт, вступая в комсомол.

Пришлось поднять комсомольские дела Павла Анатольевича. Сделали запрос на Украину. Выяснилось: ничего он не скрывал. Действительно, будучи в отряде у красных еще пацаном, попал в окружение к петлюровцам. Те его выпороли и отправили домой. Вот и вся вина «красного бойца». А через тридцать лет непонятным образом это лыко попало в строку.

Докопался Александр Иванович и до того, кто оклеветал Судоплатова. Им оказался некто Гольц. Потом он признался, что его заставили оболгать Судоплатова, но следствие почему-то не обратило внимание на это обстоятельство.

Словом, пройдя по всем пунктам обвинения, написал Лазаренко докладную записку на имя председателя КГБ. В ней он доказал, что Судоплатов достоин реабилитации. Позже так и произошло.

Однако теперь, в 1980-м, Павел Судоплатов нужен был командиру «Каскада» не как бывший заключенный Владимирского централа, которого следует реабилитировать, а как начальник разведывательно-диверсионного управления. Вернее, нужен был не сам Павел Анатольевич, а опыт, накопленный его службой за время войны.

И этот фронтовой опыт положили в копилку «Каскада».

Немало помогли Лазаренко и работы известного диверсанта Ильи Старина — тут и дела испанские, и действия советских партизан в фашистском тылу.

В общем, перед командировкой в Афганистан полковник Лазаренко основательно изучил и аккумулировал опыт своих предшественников. Свой же опыт еще предстояло наработать. Тем более, что противники действовали не менее мобильно — уже летом 1980 года на территории Ирана и Пакистана оперативно разворачиваются лагеря подготовки моджахедов.

В свою очередь в «Каскаде» совсем немного сотрудников, которые владеют языком, знают обычаи народов Афганистана. Да и что значит — владеют языком, если в стране пребывания люди говорят более чем на 30 языках и диалектах.

А местные нравы, обычаи... Тут столько тонкостей, особенностей. Что

поделаешь, приходилось все осваивать в ходе работы, как говорится, с колес.

Как и прогнозировал Лазаренко, действовать «каскадерам» пришлось в крайне непривычных для себя условиях, нередко отказываясь от традиционных методов ведения разведывательной работы.

Сам Лазаренко по возвращении из Афганистана так вспоминал о том времени:

«У нас было 480 агентов. И все они внедрены в банды. Но чтобы встретиться хотя бы с одним агентом, надо не три остановки на метро проехать, потом пять на автобусе, и помотаться по городу, проверяясь, нет ли “хвоста”. Тут следует чуть ли не целую войсковую операцию готовить. Зачастую под прикрытием бронетранспортера выезжали в поле, и туда выходил агент.

А как проверить свою агентуру? В европейских странах это делается просто, но попробуйте сделать в Афганистане. Ладно, если речь идет о Кабуле, Кандагаре, Фарахе. Это достаточно большие города, они под нашим контролем. А маленькие селения банды контролировали. Отсюда и трудности, о которых не подозревают европейские разведчики».

Да уж, жизнь еще раз подтвердила, что Афганистан — особая территория на карте мира. Во всяком случае для командира «Каскада» она стала именно такой.

«Придется тряхнуть стариной...»

Догорал ташкентский знойный июнь 1980 года. 25-го утром со взлетной полосы аэродрома стартовали несколько самолетов. Курс на Кабул, Кандагар, Шиндант. В грузовых отделениях лайнеров — боевая техника: бронетранспортеры, радиyjne машины, а также боеприпасы, оружие, бойцы спецподразделения «Каскад».

К месту размещения в Кундузе и Мазари-Шарифе колонна отряда выдвинулась своим ходом.

Так «каскадеры» вошли в Афганистан. Штаб отряда расположился в Кабуле. Возглавил его опытный сотрудник КГБ Поляков.

На войне говорят, что штаб — всему голова. Это Лазаренко усвоил еще со времен Великой Отечественной. Да и потом, в послевоенные годы, Александр Иванович сам был штабным офицером и имел в подчинении штаб, как командир полка.

Разумеется, задачи такого специфического подразделения, как «Каскад», отличалась от задач, к примеру, десантного полка. И потому штаб отряда, кроме обычного, традиционного планирования и ведения боевой и кадровой работы, руководства оперативными группами, обеспечивал ежедневную связь с Москвой. Телеграммы подписывал сам командир.

На полковника Лазаренко возлагалось также взаимодействие с членами оперативной группы, в которую кроме представителя Комитета госбезопасности, главного партийного советника и советского посла входили маршал Сергей Соколов и генерал армии Сергей Ахромеев. Вскоре в эту группу включили и командира «Каскада». Александр Иванович прекрасно понимал, как важны для его отряда добрые отношения с армейцами. Как, впрочем, и наоборот.

Придет время, и в ходе разбора итогов армейской боевой операции, проведенной в районе Герата, один из комдивов 40-й армии обратится с просьбой к маршалу Соколову — при разработке всех последующих боевых действий соединения жизненно необходимо участие оперативных офицеров «Каскада». Это было уже серьезное признание результатов их разведработы.

Но все это придет потом, со временем. А пока «каскадеры», что называется, зубами вгрызались в боевую обстановку. Как воздух, необходимы источники информации. Позже Лазаренко с гордостью скажет:

«У “Каскада” было 480 агентов. Однако мы начинали с нуля».

Да, среди агентов находились люди образованные — врачи, педагоги, инженеры, некогда закончившие советские вузы, владеющие русским языком, но большинство — крестьяне, духанщики, торговцы — были безграмотны, темны, религиозны. Попробуйте таких научить премудростям разведывательной практики, например, операциям с использованием тайников. Это бесполезная трата времени.

Однако разведсведения нужны. И тогда на встречу с агентом в пустыню или в предгорные районы «каскадеры» выезжали на бронетранспортере, а в городе старались встречаться не на явочной квартире, а в самом людном месте — на базаре.

Так что сложности возникали самые неожиданные. Афганистан — религиозная, мусульманская страна, и авторитет муллы там незыблем. «Каскадеры» не раз предостерегали своих агентов об опасности чистосердечного признания в ходе исповеди. Но, увы, чаще верили не им, а мулле. А мулла не забывал докладывать тайны исповедующихся своим хозяевам из иностранных разведок. Таким образом, нередко самые ценные агенты оказывались в лапах врага.

А враг был силен. Для разведки он использовал все, что возможно, — религиозный фактор, о котором мы уже говорили, родственно-племенные связи, подкуп, угрозы, кровную месть. Надо признать, моджахеды и их покровители имели сильную опережающую развединформацию.

Достаточно вспомнить охоту на одного из лидеров движения моджахедов — Ахмад-шах Масуда. Сегодня уже известно, что в его окружении находилось около полутора десятков наших агентов. И что же? Многочисленные операции «каскадеров» по ликвидации «льва Пандшера» окончились неудачей. Каким-то образом Масуду становилось известно о них заранее, и он ускользал в самый последний момент.

И тем не менее, преодолевая трудности, осваивая премудрости разведнауки на афганском театре военных действий, «каскадовцы» обретали знания, опыт, авторитет.

Авторитет нужен был и самому командиру отряда. Ведь общаться приходилось с маршалом, многозвездными генералами, а Лазаренко, как ни крути, всего лишь полковник.

Однако это никогда не смущало Александра Ивановича. Наперед всех должностей, лампас и погон он ставил дело. Так произошло и в тот раз, когда оперативная группа обсуждала предложение армейцев об операции под Джелалабадом. Предлагалось войти в долину и силами двух полков очистить ее от бандформирований.

Все склонились над картой, представитель 40-й армии докладывал. Лазаренко сразу понял: замысел операции был так себе, слабоват. Ну, войдут полки в долину, выдавят бандитов в горы. Те отсилятся и через неделю-другую вновь вернуться, опять установят свой контроль над долиной.

Но его ли это дело — вмешиваться в спор общевоинских командиров? У Лазаренко своих забот полон рот. И тем не менее он не смолчал. Обратившись к Ахромееву, высказал свои сомнения.

Генерал армии поморщился: мол, вот еще один советчик, и со вздохом спросил:

— Лазаренко, тут же войсковая операция. Ты в этом что понимаешь?

— Да кое-что понимаю...

Ахромеев только руками развел:

— Тогда докладывай.

Александр Иванович подошел к карте.

— Я бы, товарищ генерал армии, на отходных путях бандформирований выбросил крепкие десантные группы. Небольшие, с хорошим вооружением, мобильные. А потом силами двух полков вошел в долину.

Ахромеев задумался: толковые предложения у этого полковника-кагэбиста. Тогда еще генерал армии не знал, что, прежде чем стать гэбистом, Александр Иванович как начопер десантной дивизии разработал не одну такую операцию, а как командир полка осуществил ее на учениях.

Кстати, та операция под Джелалабадом прошла успешно. И маршал Соколов, и генерал Ахромеев совсем иными глазами стали смотреть на гэбиста Лазаренко.

Когда в кишлаке Чаквардак группа «каскадеров» с ротой Царандоя и несколькими местными «хадовцами» попали в окружение, именно маршал Соколов передал под команду Лазаренко парашютно-десантный батальон.

А случилось это так. Опытный оперативник, преподаватель КУОСа, а ныне сотрудник «Каскада» подполковник Набоков нередко возглавлял группы, которые помогали на местах утверждать народную власть. Подобные рейды были зачастую успешными, однако и враг, как говорится, не почивал на лаврах. В кишлаке Чаквардак группа «каскадеров» натолкнулась на крупную банду. Завязался бой.

Набоков прислал радиogramму о том, что его атакуют 300 моджахедов, и он в лучшем случае продержится до утра. Телеграмма пришла в девять вечера. У Лазаренко оставалась ночь, чтобы выручить подчиненных.

Но как им помочь? Ведь у командира «Каскада» в подчинении не было

войск, только офицеры-оперативники, да водители бронетранспортеров, и те разбросаны по всему Афганистану.

Лазаренко бросился к маршалу Соколову: погибают ребята. Тот отдает приказ комдиву Витебской десантной дивизии — выделить батальон.

— А вот командира дать не могу, — сказал маршал, — нет его у меня. Батальоном командует молодой старший лейтенант, только назначен.

И Соколов, выдержав паузу, улыбнулся:

— Придется тебе потрянуть стариной, Александр Иванович. Ты же полком командовал, а с батальоном, уверен, справишься. Удачи!

Поблагодарив маршала, Лазаренко отправился на аэродром. Там его уже ждал батальон 103-й воздушно-десантной дивизии.

«Кишлак Чаквардак расположен в 80-ти километрах от Кабула, — вспоминал Александр Иванович. — Уже темно, вечер. Вытянулись в колонну — танки с тралами, минометная батарея. У меня командирская боевая машина десанта, связь со всеми ротными командирами.

Взял азимут на объект под Чаквардаком, координаты которого в радиограмме указал Набоков.

Колонна вытянулась километров на десять. Шли всю ночь. Под тралом первого танка взорвалась мина. Меня бросило на крышку люка, ударился челюстью, полетели зубы.

Однако мы упорно двигались вперед».

Утром батальон прибыл под Чаквардак. Судя по всему, дозоры бандформирований известили своих о приближении колонны, и моджахеды отошли в кишлак.

Бронетранспортеры, посланные на разведку, были обстреляны из гранатометов. По точкам, откуда стреляли душманы, отработали «грады». Однако в дальнейший затяжной бой Лазаренко решил не вступать. Батальон действовал в отрыве от основных сил, да и численный перевес над бандитами был незначительным.

В этом бою душманы потеряли два десятка человек убитыми. Лазаренко «тряхнул стариной», да и «каскадеры» увидели командира в новом качестве и убедились — даже в самых трудных ситуациях их выручат.

Конечно же, подобные марш-броски во главе батальона — исключение из правил. Но война есть война. Она преподносит сюрпризы. Руководитель «Каскада», не задумываясь, бросился на выручку своим боевым товарищам, став, пусть и на несколько часов, командиром парашютно-десантного батальона.

Но вот если десантный батальон он возглавил добровольно и сдал

действующему комбату сразу после боя, то «отвертеться» от руководства отрядом «Кобальт» Министерства внутренних дел Лазаренко не удалось.

Однажды заместитель министра милицейского ведомства, приехав в Афганистан в командировку и побывав на совместном совещании, предложил Александру Ивановичу взять под свою команду и «Кобальт».

— Да ну что вы, — возмутился Лазаренко, — у меня другие задачи. Дай Бог с ними справиться.

Но вскоре после убийства замминистра в Москву в Кабул пришла телеграмма из Центра, в которой говорилось, что отряд спецназначения МВД «Кобальт» переходит в подчинение Лазаренко.

Мало было Александру Ивановичу своих тысячи подчиненных, теперь еще 600 «кобальтовцев» добавилось.

Но и тут Лазаренко смог вынести пользу для дела — как для отряда «Кобальт», так и для «Каскада». Когда сотрудники милиции совместно с бойцами Царандоя обустроивали блокпосты на основных дорогах и магистралях, предоставилась возможность развернуть агентурно-оперативную работу. Особо пристальное внимание к тем, кто прибывает на территорию Афганистана из-за кордона — из Ирана, Пакистана. А «гостей», надо сказать, было немало.

Так набирались опыта и работали сотрудники спецподразделения КГБ «Каскад» во главе со своим командиром.

ХАД на страже безопасности

Разворачивая агентурную и оперативную работу в Афганистане, а также проведение спецопераций против наиболее одиозных главарей бандформирований, полковник Лазаренко никогда не забывал, что находится со своими «каскадерами» на чужой земле. И потому считал, что новую власть, пусть и с помощью «шурави», могут утвердить только сами афганцы.

Именно поэтому одна из трех основных задач спецподразделения КГБ СССР «Каскад» так и звучала — помощь афганцам в создании своих органов безопасности.

Однако и после того, как был развернут ХАД (афганское КГБ), вскоре стало ясно — мало иметь службу, отвечающую в целом за безопасность государства. Нужен эффективный инструмент в подавлении бандитизма. Так появилось управление, целью которого стало планирование и проведение спецоперации против моджахедов. Назвали его 5-м управлением ХАДа.

Опытного в оперативном отношении сотрудника не нашлось, и поэтому на должность начальника управления был назначен в прошлом медицинский работник, по афганским меркам достаточно образованный, политически грамотный человек.

В свое время он учился в Советском Союзе, знал русский язык, однако был себе на уме. Мог и обмануть, дабы подзаработать. Как-то убедил Александра Ивановича в том, что есть возможность захватить в плен нескольких американцев, агентов ЦРУ. И попросил на осуществление этой трудной операции 200 тысяч афгани.

Лазаренко сообщил в Центр. В Москве согласились выдать эту немалую сумму. Да и понятно, кто же откажется от подобного заманчивого предложения.

Но вскоре начальник 5-го управления только руками развел: мол, не удалась операция. Исполнители, судя по всему, оказались предателями, взяли деньги и словно сквозь землю провалились. Что тут скажешь? Лазаренко предстояло неприятное объяснение с Центром.

Этот пример говорит о том, с какими людьми приходилось работать в Афганистане.

Разумеется, все необходимое для работы 5-го управления было поставлено из Союза. Тут и оружие, боеприпасы, обмундирование,

спецсредства. Одних автоматов Калашникова передали местным «хадовцам» более 10 тысяч единиц.

Да еще потом дополняли, когда вооружали специальный полк, подчиненный управлению.

Обучать афганцев порой приходилось самому элементарному. Например, правилам обращения с оружием.

В то же время Лазаренко понимал: для новой службы крайне необходима специальная радиосвязь. И вот по его просьбе из Советского Союза в Афганистан завозятся радиостанции, ремонтная база, приезжают специалисты.

Как ни горько это осознавать, но нередко подобную заботу афганцы воспринимали иждивенчески: вы нас обули, одели, вооружили, а теперь и в бой идите вместо нас. Ведь вы опытнее, умнее.

Нечто подобное случилось и у командира «Каскада». Однажды при обсуждении плана спецоперации по уничтожению лидера Исламской партии Афганистана Хекматияра в Пакистане начальник 5-го управления неожиданно предложил «поработать» советским специалистам. Мол, так будет вернее. На что Александр Иванович твердо ответил: проведение подобных акций — дело афганцев.

Начальник «пятерки» неспроста хотел переложить тяжесть проведения операции на «шурави». Его «спецам», к сожалению, так и не удалось уничтожить Хекматияра. Правда, справедливости ради надо отметить: мост, по которому ехал лидер Исламской партии Афганистана, был взорван, но Хекматияр не пострадал.

Как выяснилось позже, у руководителей моджахедов были свои агенты в ХАДе, и даже в 5-м управлении. А вот «хадовская» контрразведка действовала неэффективно.

В работе «Каскада» и 5-го управления были, разумеется, не только провалы, но и победы. С годами «хадовцы» трудно, медленно, но набирали темп. К исходу 1981 года в управлении уже четко знали, где располагается какая банда, какова ее численность, откуда поступает оружие, финансовые средства.

Примером совместной успешной разведывательной деятельности «пятерки» ХАД и «Каскада» может служить итог операции по уничтожению крупной банды в крепости в районе Газни.

Разведданные оказались точны, и удар советской авиации навсегда похоронил бандформирование под обломками крепости.

На счету сотрудников 5-го управления были и другие успешно проведенные спецоперации, засады, захваты «языков», налеты на объекты

и места расположения моджахедов

«Четко трудится разведка...»

Разумеется, самые эффективные спецоперации проводили сотрудники «Каскада». Часто инициатором их являлся командир подразделения полковник Лазаренко.

В одну из наших первых встреч Александр Иванович поведал мне интереснейшую историю. А «выросла» она из крупного ЧП на аэродроме в Кандагаре. Там располагалась советская авиационная часть. Пилоты летали на «МиГах». Здесь же дислоцировались афганские вертолетчики.

Ночью на посту солдату-часовому показалось, что кто-то ходит у самолетов. Кто может ходить в такую пору? Разумеется, бандиты. Он сорвал с плеча автомат и дал очередь.

И надо же случиться такому — пуля, выпущенная из «Калаша», попала во взрыватель бомбы, которые тут же были сложены в штабель. История почти фантастическая, ведь взрыватель — размером не более чем двухкопеечная монета. Но тем не менее это случилось. От взрыва взлетели на воздух три советских самолета и два афганских вертолета.

Обо всем этом сразу после происшествия полковнику Лазаренко доложил руководитель команды «Каскад» в Кандагаре подполковник Алейников. Кстати говоря, Александр Иванович ценил Алейникова. Когда ему присвоили звание генерал-майора, свой погон положил на плечо подполковнику, сказал: «Вот тебе, Анатолий, один генеральский погон, второй сам зарабатываешь». И он действительно заработал, стал генерал-лейтенантом, первым заместителем председателя КГБ. Правда, время, когда он принял эту должность, было тяжелое для Комитета госбезопасности, 1991 год. Тогда КГБ возглавил печально известный Бакатин, и Алейников быстро понял, с какой целью пришел этот «демократ». Цель одна — разрушать. И справедливости ради надо сказать, Бакатину многое удалось.

Однако вернемся к событиям в Афганистане. Узнав о ЧП, Лазаренко сразу же вылетел в Кандагар. Его встретил подполковник Алейников, подробно обо всем доложил. Александр Иванович внимательно выслушал доклад и произнес:

— А теперь, Анатолий Аввакумович, начинается наша работа.

Судя по всему, подполковник поначалу и не понял: какая работа? А у Лазаренко уже родился оперативный план.

Пришлось кое-что втолковать поначалу командиру авиационного полка.

— Солдата оставь в покое. Пусть себе гуляет, только язык за зубами держит. А ты вместе с замполитом и начштаба всюду рассказывай, мол, это дело рук моджахедов. Напали, сожгли самолеты...

Командир полка не соглашается. Солдата уже задержали, началось расследование.

— А ты выпусти его, расследование закрой.

— Да не могу я, — кипит командир. — Не в моей это компетенции: открыл расследование — закрыл.

— Тебе указания заместителя начальника Генштаба достаточно?

— Вполне.

— Добро, будет тебе указание.

Вечером того же дня комполка получил от генерала армии Ахромеева приказ: действовать по указанию Лазаренко.

«Дальше подполковник Анатолий Алейников, — вспоминал Александр Иванович, — с помощью местных “хадовцев” подобрал трех афганцев из числа кандагарской агентуры. Один был непосредственно офицером ХАДа, старшим лейтенантом, двое других — агентами. Целый месяц мы готовили их на своей базе. Учили основательно, и как тол из бомбы выплавлять, и как изготовить заряды...»

Каждую ночь эта тройка ходила из города в аэропорт. А расстояние там не маленькое — 22 километра. По возвращении сам лично проверял, выпрашивал, что встречали по дороге — кусты, овраги, переходили ли речку?

Агенты заучивали легенды, условия связи, тренировались в обеспечении собственной безопасности.

Конечно же, не раз проводили мы репетиции и на аэродроме, отрабатывали детали якобы совершенного диверсионного акта.

А тем временем повсюду распространялись слухи о крупной диверсии на аэродроме, проведенной моджахедами».

После первичной подготовки наступил следующий этап спецоперации по внедрению агентов в бандформирования. Старший лейтенант — «хадовец» был заброшен в одну банду, двое агентов — в другую. Разумеется, всем троим устроили тщательную проверку. Они рассказали о «диверсии», о том, как после ее совершения уходили к границе с Пакистаном и по дороге потерялись. Двое агентов даже высказали предположение, что их старший, возможно, погиб.

Бандиты проверили: действительно уничтожены три «МиГа» и два вертолета, «шурави» уверены, что это нападение моджахедов. Контрразведка противника пыталась поймать агентов на мелочах,

выспрашивала подробности «диверсии». Однако легенда, подготовленная «каскадерами», выдержала испытание. Агентам поверили. В Пешаваре им устроили торжественную встречу, чествовали, возносили как героев, наградили, хорошо заплатили.

И агентурная группа начала работать. Однажды, рассказывая о внедрении «тройки» в банду, Александр Иванович воскликнет: «Какие агенты были, какие разведданные давали!»

Действительно, двое вели наблюдение, слушали, расспрашивали, и потом обо всем докладывали офицеру-«хадовцу». Тот, в свою очередь, записывал информацию и закладывал ее в тайник.

Теперь «каскадеры» знали имена лидеров банд, караванные пути, по которым везли оружие и боеприпасы, а главное — планы моджахедов.

Ценнейшей информацией стало оперативное сообщение группы о том, что главари бандформирований решили взорвать индийское консульство в Кандагаре как раз во время визита генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в Дели. Каков был бы резонанс в мире — советского руководителя принимают в Индии, а в это время на воздух взлетает индийское консульство в Афганистане. Конечно же, этот теракт удалось предотвратить.

К сожалению, судьба этой оперативной тройки трагична. После всех наград и поощрений им недолго удалось поработать. Их неожиданно арестовали и расстреляли. Долгое время «каскадеры» не могли понять и узнать причину провала. Уже накануне своего отъезда из Афганистана Лазаренко выяснил: виной всему — исповедь. Один из агентов признался о своих делах мулле. Тот сразу же доложил об услышанном своим покровителям.

А ведь агентов предупреждали!

Это лишь рассказ об одной агентурной группе, о трех агентах, а их у «каскадеров» (помните, признавался Лазаренко) было 480. Их разведданные сберегли жизни многим — от руководителей Афганистана до рядовых солдат.

Вот только один пример.

«В Кабуле, — вспоминал сам Лазаренко, — у нас был очень ценный агент — мулла. И вот накануне 7 ноября, дня Великой Октябрьской социалистической революции, он дает сведения. Во время приема в советском посольстве будет убит руководитель Афганистана Бабрак Кармаль.

Представляете, Бабрак убит в советском посольстве...

Мы накрыли банду, стрелки которой собирались засесть в дуканах и

сделать роковой выстрел».

Вот лишь несколько эпизодов боевой работы «Каскада» и его командира. Хотелось бы рассказать обо всех или о многих, но, видимо, сделать это трудно, да и пока нецелесообразно. Не пришло время. И потому повествование о делах «каскадерских» завершаю стихами неизвестного автора. Мне кажется, поэт уловил суть работы подразделения специального назначения «Каскад».

Четко трудится разведка
Спят спокойно «Кобальт», ХАД,
Потому что очень редко
Ошибается «Каскад».

«Не надо высоких наград...»

Командировка Александра Лазаренко в Афганистан продлилась без малого два года. Отвоевав положенный срок, убывали в Советский Союз «каскадеры», а командир оставался на месте. Таким образом, он руководил «Каскадом-1», «Каскадом-2» и «Каскадом-3».

Весной 1982 года Лазаренко сменил полковник Евгений Савинцев.

За эти долгие месяцы войны Александра Ивановича дважды к себе приглашал председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Люди, знающие всесильного шефа Комитета госбезопасности, утверждают, что он умел слушать и слышать.

Встречу с Андроповым Лазаренко вспоминал так: *«Это было в 1981 году. Андропов вызвал меня из Афганистана. Обстановку я и без того знал хорошо, но все-таки шел к самому Председателю КГБ и потому выучил доклад на зубок.*

Стал докладывать. А он — стоп, остановил. И начал задавать вопросы. Полтора часа спрашивал. “Кто готовит пищу?” “Сами офицеры, — отвечаю, — по очереди”. “А кто стирает?” “Тоже сами”. “А вши есть? Говори откровенно...” “Бывает, Юрий Владимирович, — признался я. — Живем-то не просто, война”.

Андропов пристально посмотрел и спрашивает: “Что надо, чем помочь?” “Машины стиральные нужны”. “Все, договорились, — ответил он. — Двадцать стиральных машин отправляем немедленно”.

Вот такой был разговор.

В конце Андропов встал, подошел, положил руку на плечо:

— Мы вас очень уважаем и ценим, Александр Иванович.

А у меня ком к горлу. Такое не забывается».

После разговора с председателем КГБ полковник Лазаренко получил пять суток отпуска.

После возвращения в Кабул вскоре ему позвонил кадровик, генерал Андрианов. Они давно знали друг друга, были добрыми приятелями. Потому сообщение Андрианова о том, что его фамилия в проекте приказа на присвоение звания генерал-майора, воспринял скорее как шутку.

— Да ладно, Володя, какой генерал? У меня же должность полковничья.

— Полковничья, — согласился Андрианов, — но все в руках... — Он замялся и добавил: — Все в руках Андропова.

Однако и вправду через несколько дней уже на проводе был сам начальник Первого Главного управления КГБ. Он поздравил командира «Каскада» с присвоением ему высокого звания генерал-майор. Для вручения генеральских погон Лазаренко вновь вызывали в Москву.

«В Ясенево, в нашей штаб-квартире, — признавался сам Александр Иванович, — накрыли стол. Я из Кабула привез два больших арбуза. Генеральские погоны вручали не только мне, было еще несколько человек. Все шло как обычно: Крючков вручает, поздравляет. Новоиспеченные генералы говорят стандартные слова, благодарят партию, правительство, Председателя КГБ, а я думаю: “Что же сказать, как сказать?”

Потом Крючков поздравил меня, сказал о мужестве бойцов “Каскада”. Ответное слово за мной. Собрался с духом:

— Дорогие друзья! Есть старая поговорка: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но плох тот генерал, который, став генералом, перестает быть солдатом».

Зал разразился аплодисментами. Какие это были аплодисменты!

На следующий день, едва успев примерить генеральский мундир, Лазаренко вновь улетел в Афганистан. Впереди была большая работа.

В следующем году, через двадцать один месяц войны, командир «Каскада» возвратится на Родину.

Ему исполнится 60. Однако на пенсию генерала отпустят только через пять лет.

Шла война в Афганистане, и ей не видно было конца. Опыт Лазаренко по руководству оперативно-боевыми подразделениями по борьбе с современными бандформированиями оказался весьма ценным. И он делился этим опытом, передавал его молодым сотрудникам.

Однако годы брали свое. В 1986-м генерал Лазаренко ушел в отставку.

Встречались мы с Александром Ивановичем в начале 90-х. Многого поведал он мне тогда.

— А что больше всего запомнилось из той, афганской войны? — спросил я однажды и тут же понял нелепость своего вопроса. Почти два года напряженной оперативно-боевой работы, огромное количество событий, ну как тут ответишь.

Но Александр Иванович воспринял мой не очень удачный вопрос вполне серьезно.

Он хмыкнул, усмехнулся:

— Не поверите, но в этом потоке дел, забот, встреч, боев запомнился один подарок. Когда я, получив генерала, возвратился в Кабул, на каком-то

из «обмываний» моих лампас кто-то из «каскадеров» подарил папку, а в ней листочек.

Александр Иванович позвал жену и попросил подать ему папку. Жена безошибочно открыла шкаф и протянула тоненькую лидериновую папочку. Генерал открыл ее. Там действительно лежал единственный пожелтевший листочек.

Не надо высоких наград,
Ни к чему нам парадный мундир.
Да здравствует славный «Каскад»
И его боевой командир!

— прочел он.

Я видел, как слезы навернулись на его глаза.

Пеленг генерала Шмырева

1939 год. Ленинград. Электротехническая академия имени С.М. Буденного. Только что возвратившиеся из отпуска слушатели толпятся у стенда, на котором вывешено расписание занятий.

— Так, где тут наш родной третий курс? — медленно, с растяжкой, делая ударение на слове «третий», произносит кто-то за спиной у Петра Шмырева.

Этот кто-то — Петя Костин, однокурсник Шмырева, и голос его он может узнать из тысяч голосов. Давит Петр на слово «третий» совершенно правильно: теперь они — третьекурсники.

Пробежав взглядом знакомые предметы, Шмырев словно спотыкается: «А это что? Такого еще не было».

Костин тычет кулаком в бок.

— Смотри, новые отделения — радиоакустики, отделение связи ВВС...

Но Шмырев не слушает товарища, он уже уцепился взглядом за название. Прочел раз, другой. «Отделение особого назначения».

Доходит наконец и до Костина: «Ух, ты! Гляди, Петруха, отделение особого назначения».

Шмырев оглядывается и видит перед собой круглолицего, покрасневшего от возбуждения сокурсника.

— Хотел бы попасть?

— Куда? — делает вид Шмырев, словно не понимает вопроса.

— Да ладно тебе, прикидываться, — обижается Петр.

— Конечно, хотел бы... — сдается Шмырев.

— Ну так в чем же дело, будем учиться в этом...ООН, — торжественно произносит Костин, словно зачисление в столь интригующее отделение — дело решенное.

— Я двумя руками «за», — хитро улыбается Шмырев, — только вот ты случайно не знаешь, что это такое — ООН?

Костин скорчил грустную физиономию.

— Петя, ты все испортил своим рациональным вопросом. Ну, какое это имеет значение — знаем, не знаем. Зато как романтично звучит: «отделение особого назначения».

И они оба рассмеялись.

К счастью, долго мучиться в неведении не пришлось. Уже на следующий день на утреннем построении старшина курса, вытащив из нагрудного кармана листок бумаги, прочитал фамилии: Акулин, Баусов, Бутченко, Дубович, Костин, и в конце назвал его — слушателя Шмырева. Всего двадцать человек. «Это и есть отделение особого назначения», — понизив голос на полтона, закончил старшина.

А потом их собрали в учебном классе, пришел начальник курса капитан Степан Акопович Ягджян.

Они любили своего начальника курса. И через 70 лет вспоминая Ягджяна, у Петра Спиридоновича Шмырева теплели глаза: *«Чудесный был человек, — говорил он. — Чудесный, внимательный. Заботился о нас. Настоящий командир».*

Когда началась война, капитан Степан Ягджян, выпустив в свет свой курс, попросился на фронт. Его направили начальником связи в одну из кавалерийских дивизий, которая вела бои на Кавказе. Воевал. Тяжелораненый попал в плен. Выжил. Был направлен в концлагерь, во Францию. Из концлагеря Ягджян бежал, примкнул к движению Сопротивления, вступил в отряд французских маки. Вновь воевал умело и храбро. Стал командиром партизанского отряда.

После освобождения Франции союзники интернировали капитана Ягджяна на Родину. Ну а Родина, знамо дело, встретила героя французского Сопротивления «с распростертыми объятиями». Из армии Степана Акоповича выгнали, из партии исключили. В тюрьму, правда, не посадили. Что ж, и на том спасибо.

Кое-как устроился их бывший начальник курса на питерскую фабрику «Светлана». Так бы и жил Степан Акопович с клеймом пленного, что в ту пору, почитай, к предательству приравнялось, да повезло ему. К 30-летию Великой Победы вспомнили о нем французы. Приехали в нашу страну ветераны — летчики из знаменитого полка «Нормандия — Неман» и говорят: *«Живет у вас капитан Ягджян Степан Акопович, герой Сопротивления, очень уважаемый во Франции человек. Наш президент наградил его орденом за мужество, проявленное в боях с фашистами».*

«Ну как же, как же, знаем, — мило улыбаются наши чиновники, — Степан Акопович и у нас очень любим и уважаем. Давайте орден, мы вручим».

Но французы орден не отдали, сказали, что им поручено лично вручить награду герою.

Судорожно стали искать Ягджяна. Где он, Степан Акопович? Наконец нашли в Ленинграде. Тихо живет себе в коммуналке, честно работает на

фабрике. Но как же такую высокую делегацию в коммуналке встречать? Срочно выделили Ягджяну квартиру. Надо отдать должное, после отъезда французских ветеранов и вручения ордена квартиру не отобрали, оставили.

В том же 1975 году генералу Шмыреву попался в руки журнал «Огонек». Развернул его Павел Спиридонович и ахнул: на фото их начальник курса в окружении французов с орденом на голубой ленте.

В первый же приезд в родной город Шмырев разыскал своего начальника курса Степана Акоповича Ягджяна. Они обнялись по-братски и уже больше не расставались — дружили, встречались, созванивались.

Однако в далеком 1939 году Шмырев был пока еще слушателем академии, Ягджян — его командиром, и никто не знал, что ждет их в будущем.

Начальник курса вошел в класс и, окинув взглядом своих подопечных, сказал совсем коротко: «Вас интересует, что такое отделение особого назначения? Это разведка».

Капитан сделал паузу и продолжил.

— После академии вы пойдете служить в разведку. Если будете достойны, конечно.

Они и вправду оказались достойными. Однако на этом пути случалось всякое. Учились старательно, не раз завоевывали первые места в академии по успеваемости, получали призы. Как-то получая приз победителей, Ягджян говорил о них с гордостью и назвал отделение «маленьким, но дружным коллективом». А после такого всеакадемического триумфа случилось то, что называется головокружением от успехов. На следующей сессии они провалили первый же зачет. Над ними тогда еще долго подшучивали в академии: вон, мол, идет «маленький, но дружный коллектив».

...Дипломы об окончании академии они должны были получить летом 1941 года. 22 июня началась война. 25-го выпускники сдавали последний государственный экзамен. Предстояла преддипломная практика. Однако война изменила привычный порядок. Им сказали ясно и четко: «Вот вам, ребята, дипломы, а практику пройдете на войне».

Слушатели привинтили к петлицам по третьему «кубарю» и стали воентехниками 1-го ранга, сфотографировались отдельно и вместе. Эта уникальная фотография, как дорогая реликвия, хранится в доме Петра Спиридоновича Шмырева и по сей день. На ней 15 выпускников Электротехнической академии имени С.М. Буденного.

Семеро из них станут генералами, а еще учеными, лауреатами различных государственных премий. Петр Костин будет стоять у истоков

создания нашей космической разведки и закончит службу генерал-лейтенантом, заместителем начальника ГРУ; Виктор Чайка также получит высокое звание генерал-лейтенанта, возглавит оперативно-техническое управление, потом Гостехинспецию. Михаил Прокошин станет начальником службы спецрадиосвязи, дослужится до генерал-майора; Владимир Афанасьев за свою научную работу будет удостоен Ленинской премии и звания Героя Социалистического Труда. Борис Дубович получит назначение на ответственную должность начальника европейского управления военной разведки, ему присвоят звание генерал-лейтенанта.

Сам же Петр Шмырев как начнет свой путь воентехником в радиоразведке, так и закончит генерал-лейтенантом, начальником этой службы. Но все это будет потом, через много лет.

А тогда, в 1941 году, путь молодых офицеров лежал на вокзал. Их ждали в Москве, в Главном разведывательном управлении Красной армии.

На Ленинградском фронте

В столицу они прибыли поездом равно через месяц после начала войны. При подъезде к городу попали под бомбежку и ночь провели в метро на станции «Комсомольская». Рано утром 23 июля 1941 года явились в отдел кадров Главного разведуправления по адресу: улица Карла Маркса, дом 17.

В тот же день их отправили в летний лагерь разведуправления, в поселок Загорянка. Там располагались курсы усовершенствования офицеров военной разведки. Практические занятия проходили, но основательно усаживать за парты «академиков», как их тогда называли, никто не собирался, а вот приглядывались к ним внимательно.

Вскоре в их группу из Москвы прибыл подполковник Рукавицын и предложил: «Есть три вакантных должности заместителей командиров дивизионов по технической части на Ленинградский фронт. Желающие есть?» Желающих было много. Надоело сидеть на курсах, все рвались в бой, но на этот раз повезло троим — ленинградцам Игорю Бутченко, Борису Дубовичу и Петру Шмыреву. Видимо, руководство решило, что именно ленинградцам будет сподручнее служить на земле малой родины.

Вскоре пришел приказ, что все они назначены на Ленинградский фронт. Однако попасть к месту службы было не так просто. К тому времени кольцо блокады вокруг города на Неве замкнулось. И трое воентехников словно повисли в воздухе. Юридически они уже были в Ленинграде, в Загорянке их сняли со всех видов довольствия, денег не платили. А кушать, однако, очень хотелось.

Как-то начальник отделения радиосвязи и радиоразведки генерал Рябов, заметив, что молодые воентехники не торопятся на обед, поинтересовался:

- Вы что, ребята, в столовую не идете?
- Не хочется что-то, — замялись ребята.
- Может, у вас денег нет?
- Денег, товарищ генерал, у нас давно нет...

Рябов понимающе кивнул и раздал каждому по тридцатке. Шмырев запомнил ту тридцатку на всю жизнь — купюра большая, ярко-красная, с портретом Ленина. Кто-то из них тогда пошутил: мол, после войны вернем.

Генералу шутка понравилась.

- После войны? Согласен, а сейчас дуйте в столовую.

И воентехники дунули. Ох, и вкусный же борщ был в тот день!

...Однако время шло, а отправить воентехников к месту службы не представлялось возможным. Им стали уже намекать: мол, можно написать рапорта и перевестись на другой фронт. Но ленинградцы хотели защищать родной город и рапорта писать отказались наотрез.

Наконец в последний день сентября Бутченко, Дубовича и Шмырева подняли по тревоге, они погрузились в машину и отправились на центральный аэродром, который располагался тогда на Ходынке. Там стоял готовый к полету «дуглас», который должен был доставить каучук, закупленный в Индонезии, для ленинградского завода «Севкабель».

Полет от Москвы до Ленинграда прошел вполне благополучно. Правда, стрелок время от времени стрелял в темное ночное небо, но это скорее для поддержания боевого духа, поскольку даже гула вражеских самолетов они не слышали. Приземлились на северо-восточной окраине Ленинграда, на аэродроме Всеволожское. Договорились, что хоть на часок забегут к своим родным, а уж потом на службу.

У Петра Шмырева в Питере, на улице Скороходовой жила мама. Отец умер еще в 1932 году от инфаркта, или, как тогда говорили, от разрыва сердца. Он заведовал столовой на заводе им. Сталина и, возвращаясь из Москвы, с совещания работников общественного питания, почувствовал себя плохо. Не выдержало сердце.

Без отца жилось тяжело. Спасибо тетке, маминой сестре. Она жила в Минске, и каждое лето Петя Шмырев проводил там. Тетка кормила, обувала, одевала его, словом, поддерживала материально.

А когда Петр подрос и окончил школу, мама уговаривала пойти в военно-медицинскую академию, но он решил по-своему. И вот теперь воентехник Шмырев ехал к маме.

Вера Алексеевна встретила его слезами радости, а он, обняв мать, деловито открыл вещмешок, вытащил оттуда московские подарки: консервы, тушенку, сгущенку, печенье, и главное — хлеб. Он помнит, как смотрела его мама на обычную буханку ржаного хлеба. Тогда впервые в душе шелохнулась тревога: выходит, в Москве он мало что знал о ленинградской блокаде.

...В разведотделе фронта, который располагался недалеко от Исаакиевского собора, на Красной улице, его встретил подполковник Иван Миронов. Он получил это звание недавно, которое, собственно, и было введено после финской кампании. В петлицах у Ивана Мироновича красовались три шпалы. Должность — помощник начальника разведотдела фронта по радиоразведке и специальной радиосвязи.

После беседы с Мироновым воентехник получил предписание в 623-й отдельный радиодивизион особого назначения. Дивизион располагался на Звенигородской улице, дом 5.

Петр Шмырев был назначен, пожалуй, на одну из самых ответственных и сложных должностей в дивизионе — помощником командира по технической и хозяйственной части. Однако техническая часть его вовсе не пугала, а вот хозяйственная... Откровенно говоря, в свои неполные 22 года хозяйственными вопросами воентехник Шмырев никогда не занимался, в академии этому тоже не учили. Помог ему Николай Иванович Лебедев, начальник продслужбы дивизиона. По возрасту он годился Петру в отцы, призван был с гражданки, где до войны руководил крупнейшим гастрономом в Ленинграде. По сути, он и взвалил на себя все дивизионное хозяйство, а Шмырев занимался техникой.

«Знаете, — сказал как-то в разговоре Петр Спиридонович, — в войну нам очень помогал, а точнее, спасал, Ленинград».

Поначалу я не понял, что имел в виду Шмырев, переспросил: «В каком смысле спасал?» «Да в прямом, — ответил он. — Представьте, у нас на обычных сержантских должностях в войну служили опытные радиоинженеры из научно-исследовательских институтов, с заводов. Умнейшие люди, инженеры от Бога, они могли блоху подковать. Только в радиотехнике, конечно... Так что интеллект Ленинграда крепко помогал его обороне».

Дивизион — хозяйство немалое, как людское, так и техническое. Личного состава около 200 человек. Из них — 25 офицеров. Состоял он из радицентра, который вел перехват передач противника; радиопеленгаторных пунктов, вынесенных на периферию и осуществляющих засечки для определения местоположения работающих станций фашистов. По координатам станции соответственно определялись данные штаба немцев. Третьим составляющим в системе дивизиона был узел связи.

В дивизионе служили не только инженеры экстра-класса, но и столь же опытные, знающие переводчики. Петр Спиридонович до сих пор помнит их по именам: например, Ольга Николаевна Климова, владевшая добрым десятком иностранных языков, Марта Алексеевна Ахменайнен, в совершенстве знавшая финский язык.

А однажды к ним в дивизион прямо из военкомата привезли изможденного, голодного, еле живого парня. Фамилия его Колодников. Родители умерли от голода, а он чудом остался жив. До войны парень учился в спецшколе, хорошо владел немецким языком. Вот военкоматские

офицеры и попросили забрать к себе, иначе ведь пропадет парень.

В дивизион его взяли, откормили, и он стал прекрасно работать. Перед зимним наступлением 1944 года командование дивизиона создало радиопеленгаторный пункт. Но чтобы работать в ультракоротковолновом диапазоне, надо иметь прямую видимость на противника, и потому для Колодникова устроили площадку на самой высокой сосне, закрыли ее плащ-палатками. Там он располагался, следил за передачами противника.

Как-то Шмырев, приехав в дивизию, которая действовала на Стрельненском направлении, решил посмотреть на работу Колодникова. Дали ему провожатого, чтобы на переднем крае не заплутал, прошли они лесом, к сосне, где и был устроен радиопеленгаторный пункт. А там висит указатель, поднятый вверх, на котором написано: «Хозяйство Колодникова». Вот так, целое хозяйство.

Вообще, обстановка на Ленинградском фронте была такова, что любой выезд на пеленгаторный пункт превращался в своего рода небольшую спецоперацию. Когда кольцо блокады окончательно сжалось, пришлось на Ораниенбаумский плацдарм перебросить два пеленгаторных пункта. Лед на Финском заливе уже подтаял, но другого выхода не было.

Чтобы проехать на пункт в Лисьем Носу, на КПП машину тормозили и заставляли побелить. После этого ставили в командировочном удостоверении штамп: «Въезд в военно-морскую крепость Кронштадт разрешен». И только после этого машина выезжала на лед. Регулировщик спрашивал у водителя: «Ну что, солдат, быстро ездить умеешь?» — «Умею». — «Тогда гони». И солдат гнал по ледяной дороге, обозначенной слева и справа вешками. Повезет — проскочишь. Не повезет — значит, геройски погиб за Родину. Воентехнику Петру Шмыреву везло.

...После прорыва блокады Ленинграда и взятия Выборга обстановка на фронте резко изменилась. 472-й радиодивизион ушел под Нарву, в Прибалтику. Там он отличился в боях и был удостоен ордена Красного Знамени, а 623-й дивизион, в котором продолжал служить Шмырев, остался в Выборге.

Финляндия вышла из войны, немцев погнали на Запад, и после напряженных фронтовых будней установилось непривычное затишье. Шмыреву даже показалось, что о них забыли. Однако он ошибался. Вскоре пришла телеграмма из Москвы: начштаба дивизиона Лопакову и помпотеху Шмыреву прибыть в столицу.

Приказ есть приказ. Прибыли. И узнали: полковник Миронов (тот самый, который встречал их в разведотделе в 1941 году) формирует 1-ю отдельную радиобригаду. Дивизионы этой бригады располагались на

разных фронтах. Лopaкoвa нaзнaчили нa 1-й Белорусский фронт, a Шмырева — нa 2-й Украинский, в 97-й дивизион этой бригады.

Свой дивизион Петр Спиридонович догнал уже в Бухаресте. Румыния вышла из войны. Запомнились плакаты, развешанные на улицах румынских городов. Заголовок гласил: «Члены Антигитлеровской коалиции». И в центре плаката — крупные портреты короля Михая и его мамы, а под ними небольшие фото остальных членов коалиции — Сталина, Черчилля, Рузвельта.

Войну Петр Шмырев закончил под Братиславой, в деревне Мадьярский Бель. Там собралось несколько радиодивизионов — два фронтовых, один бригадный, да еще дивизион НКВД. Что и говорить, многовато для мирного времени. Все прекрасно понимали: их ждет скорое сокращение или передислокация, перевод в другие регионы.

Случилось и то и другое. Комбриг, теперь уже генерал Миронов издал приказ: по дивизиону остаются в Германии и в Австрии, а 97-й отправляется в Болгарию. Остальные части подлежат сокращению.

Годы свершений

...В Болгарию дивизионная колонна добиралась через Сербию. На границе в городе Цереброе сербские пограничники долго проверяли документы советских военнослужащих, попросили выйти из машин, проверили по списку личный состав подразделения и наконец пропустили.

Болгары, наоборот, встретили с распростертыми объятиями. Встречавший Шмырева офицер тут же предложил обменяться личным оружием.

— Какой у вас пистолет? — поинтересовался.

— Отличный пистолет, «зауэр», трофейный.

— Махнемся?

Махнулись. Так начиналась служба на территории Болгарии.

Место дислокации дивизиону определили под Софией, на так называемой вилле журналистов. В этом большом красивом здании и расположился штаб и другие подразделения.

Там у Шмырева было много интересных встреч, но одна запомнилась особенно. Как-то в парке встретил он человека с ведром в одной руке и со штативом от фотоаппарата в другой. «Фотограф, наверное», — мелькнула мысль. Когда подошел ближе, «фотограф» на русском языке приветствовал его:

— Здравствуйте!

Павел Спиридонович ответил.

— Как там у вас Семен Михайлович поживает? — спрашивает.

— Какой Семен Михайлович?

— Буденный.

— А вы его знаете?

— Как же... В одном полку служили. Он был вахмистром, а я — фельдфебелем. Когда Гражданская война началась, он к красным подался, а я к белым.

Говоривший умолк, потом вздохнул:

— Теперь он у вас маршал, а я здесь фотограф...

В 1946 году майора Шмырева впервые за много лет отпустили в отпуск. В конце сентября со своей будущей женой, врачом части, они улетели в Ленинград.

В самолете, где собрались офицеры-отпускники из разных подразделений, летела вместе с ними женщина, подполковник медицинской

службы. Гадала на картах летчикам.

Петр Спиридонович, приглядевшись, послушав, заинтересовался, хотя в гадания не особенно-то верил. Попросил и ему погадать. Подполковник согласилась, но сказала: «Подождите, карты устали, пусть отдохнут».

После «отдыха» карты устами подполковника-медика нарекли ему будущее. Да такое, что исполнилось точь-в-точь.

— Эта женщина, с которой вы летите, — сказала гадалка, — не ваша жена. Но она станет женой. Вы проживете с ней долгую и счастливую жизнь.

Так и случилось. Они прожили вместе 55 лет.

— Вы, скорее всего, ленинградец, а не москвич, — продолжала подполковник. — Но в Ленинграде вы не останетесь служить. Получите повышение и уедете в маленький городок недалеко от Москвы.

Насчет будущей супружеской жизни Павел Спиридонович возразить ничего не мог, что же касается предстоящей службы, то лишь усмехнулся про себя: «Промахнулась гадалка. Под Москвой у нашей бригады частей нет». Уж это он знал точно.

Однако гадалка знала точнее. Уже состоялось решение, и в состав их бригады вошел учебный полк, расквартированный в небольшом городке Спасске-Рязанском.

После отпуска ему прикажут сдать дела другому офицеру, а самому следовать в этой самый Спасск, на должность заместителя командира полка по технической части. Гадалка оказалась права.

Четыре года прослужил Петр Шмырев в Спасске-Рязанском, а новый 1950-й уже встречал в Москве — заместителем командира бригады по технической части. Командовал бригадой все тот же генерал Иван Миронов.

1-я отдельная радиобригада ОСНАЗ имела в своем составе три полка и батальон. Полки были развернуты в Германии, в Австрии и на территории Советского Союза — на Кавказе. Батальон располагался под Москвой.

Расстояния между частями огромные, задачи не менее масштабные, но работалось, как говорит сам Шмырев, «в удовольствие». Комбриг — опытный командир, умел руководить, управлять, доверять. А Петр Спиридонович ценил доверие, командира не подводил. Словом, жили они душа в душу.

Шмырев получил звание полковника, квартиру. Рядом была любящая жена, подрастал сын. Казалось бы, живи, служи и радуйся.

Однако судьба распорядилась по-своему. Ему неожиданно предложили перейти в войска противовоздушной обороны страны. Он отказался, не

хотел покидать родную бригаду. И тем не менее пришлось уйти, правда, на повышение, в центральный аппарат ГРУ, в отдел радиоразведки. В этом же отделе трудился и его сокурсник, товарищ по академии Петр Трофимович Костин.

О службе Шмырева в центральном аппарате рассказывать трудно. Он проработал здесь 32 года. Был начальником направления, заместителем начальника управления, а в 1972 году возглавил 6-е управление. И в этой должности трудился полтора десятилетия.

При начальнике ГРУ генерал-полковнике Михаиле Шалине Петр Спиридонович поработал недолго. В начале 1956 года военную разведку возглавлял генерал-лейтенант Сергей Штеменко. Человек со сложной судьбой, крепко битый жизнью, Сергей Матвеевич еще молодым, сорокаоднолетним генералом возглавил Генеральный штаб. Однако через несколько лет его неожиданно перевели с понижением в Группу Советских войск в Германии, а потом, после ареста Берии, и вовсе понизили в звании и направили в Сибирский военный округ.

Вытащил его из Сибири новый министр обороны маршал Георгий Жуков. Он назначил Штеменко начальником ГРУ.

Несмотря на все удары судьбы, Штеменко не потерял вкуса к службе и взялся за новое дело с охотой. А дело, откровенно говоря, требовало много сил и энергии. Взять ту же радиоразведку, которую недавно возглавил Шмырев. Со времени окончания войны прошло более десяти лет. Первая послевоенная система вооружения радиоразведки оказалась не самой удачной и тяжело приживалась в войсках.

Некоторые технические средства были слишком громоздкими, конструктивно несовершенными, сложными в эксплуатации. Словом, к середине 50-х годов они морально устарели. Это особенно остро чувствовали специалисты-радиоразведчики. Но чувства, как говорят, к делу не пришьешь. Проблему следовало довести до ушей начальства и сделать так, чтобы она стала и их проблемой и заботой.

У Петра Шмырева это получилось. Они заранее договорились с начальником радиотехнической разведки Костиным и на первой же встрече с новым руководителем ГРУ сосредоточили основное внимание именно на техническом перевооружении.

Судя по всему, убеждали они Штеменко горячо и профессионально. И убедили. Ибо то, что было сделано потом, иначе как огромной победой назвать нельзя.

Подготовленную в недрах военной разведки директиву Штеменко лично подписал у министра Жукова. Теперь ГРУ предоставлялось

преимущественное право на получение современной разведтехники, оно становилось прямым получателем новейших образцов наряду с видами вооруженных сил. А по некоторым образцам на главк возлагались обязанности генерального заказчика. Директива открывала дорогу 6-му управлению ГРУ в Госплан. Иными словами, новая система помогала максимально использовать возможности Министерства обороны для перевооружения радиоразведки.

Тогда, в 1957 году, полковник Петр Шмырев и представить себе не мог, что все последующие три десятка лет он будет постоянно заниматься этой проблемой. Ибо ведение радиоразведки, а тем более освоение новых источников получения разведсведений, немыслимо без передовой, современной техники.

Его подчиненный и сослуживец, сам впоследствии ставший начальником управления, генерал-майор Юрий Крестовский об этом скажет так: *«Шмырев, хорошо ориентируясь в оперативной обстановке, зная в совершенстве реальное состояние выполнения разведзадач, был еще и инженером высокой квалификации. Поэтому вопросы по совершенствованию оснащения частей 6-го управления новой специальной техникой, которые ставились им, были конкретны и требовали практической реализации в короткие сроки. Для офицеров управления проблемы техники были всегда на первом плане».*

В подтверждение сказанному — строительство четырех кораблей радиоэлектронной разведки, которые были спущены на воду в рекордно короткие сроки. И хотя в осуществлении этого уникального для нашей разведки проекта были задействованы сотни специалистов, главной направляющей и организующей силой был он — генерал Шмырев.

Тот же Крестовский очень высоко оценивает роль Шмырева в «судьбе» кораблей.

«Мне неоднократно приходилось присутствовать на совещаниях, — рассказывает он, — которые проводил Шмырев со специалистами-корабелями, особенно на начальном этапе создания судов, когда было очень важно определиться со сроками и объемом проектных и строительных работ. Петр Спиридонович обладал всеми необходимыми знаниями, а главное — умел убеждать, и потому очень грамотно, тактично, без лишнего давления добивался согласия кораблестроителей. Хотя первоначально мы встречали их отчаянное сопротивление.

Потом, в ходе строительства, работы велись в очень высоком темпе. Вся техника, которая определялась проектом, была поставлена в короткие сроки».

Так было и с сооружением вышек радиоэлектронной разведки в Дисдорфе и Эйгенридене, особенно когда пришлось просить начальника ГРУ о выделении дополнительных финансовых средств. Однако и это удалось Петру Шмыреву, и центры были введены в строй вовремя и встали на боевое дежурство.

Много сил генерал Петр Шмырев вложил в совершенствование группы «Тростник» на Кубе, экспедиции «Горизонт» в Монголии, в развертывание системы «Звезда».

«Служба наша особого назначения, ОСНАЗ, — говорит генерал Валентин Цыганков, — и патриархом этой службы является Петр Спиридонович Шмырев. А мы — птенцы гнезда Петрова.

Человек он был незаурядный. Очень доступный генерал, военный интеллигент. Мы, молодые офицеры, безумно любили его, гордились, что служим под знаменами такого великого командира. Он тоже любил посидеть с лейтенантами, поговорить, послушать нас. Найдите мне сегодня генерала, который умеет слушать лейтенантов.

Вот, к примеру, группа “Тростник”, которой мне пришлось командовать. Шмырев уделял самое серьезное внимание ее технической оснащенности. Прилетал в командировку на несколько дней и устраивал научно-практическую конференцию. Приглашал выступить всех, кто хотел, со своими проблемами. Спрашивал: какой бы вы хотели видеть вашу группу в будущем, в перспективе. Пофантазируйте. И мы фантазировали. А потом наши фантазии, глядишь, через год-другой превращались в реальность».

Конечно, за долгие годы службы бывало всякое. Много событий произошло в мире — войны, конфликты, боестолкновения, ухудшение международной обстановки, революции и государственные перевороты. Советский Союз был мощным и влиятельным государством, умеющим отстаивать свои интересы в различных районах земного шара. К разведке предъявлялись высокие требования. Карибский кризис, обострение отношений с Китаем, ближневосточные войны, афганские события — вот лишь некоторые «горячие точки» на планете, где, естественно, работала советская разведка, как, впрочем, и другие разведки ведущих стран мира.

Однако интересен тот факт, что радиоразведка ГРУ не только выполняла свои прямые обязанности. Она участвовала в мероприятиях общегосударственного масштаба, которые, казалось бы, прямого отношения к действиям военной разведки не имеют. Например, освоение космоса. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что служба радиоразведки Главного разведывательного управления внесла свой

решающий вклад в наблюдение за первым в мире искусственным спутником Земли. Кстати говоря, случилось это, когда начальником направления был Петр Спиридонович Шмырев.

«С Петром Спиридоновичем, — рассказывает полковник в отставке Игорь Ботнер, — я познакомился в 1961 году. Это был конец марта или начало апреля, сейчас уже точно не помню. Меня вызвали в Москву, в управление. Предстояло обеспечить полет Гагарина.

Инструктаж со мной проводил Шмырев. Культурный офицер, интеллигент. Инструктаж прошел без каких-либо заморочек, со знанием дела, поскольку он сам специалист в этой области.

Мы должны были провести радиослежение за работой бортового передатчика первого космонавта.

Знаете, мне нравился Шмырев. Он никогда не давил, не капал на мозги. Профессионально и четко ставил задачи, и подчиненные знали, что нужно делать. А еще доверял тем, кому поручал».

Надо отметить и еще одну особенность генерала Шмырева. Он был патриотом своей службы. И оставался им при любых обстоятельствах.

Так в конце 1973 года по решению ЦК КПСС и Совмина в Министерстве обороны создаются две структуры — Гостехкомиссия и Гостехинспекция. Председателем Гостехкомиссии назначили генерал-полковника Николая Огаркова. Он хорошо знал, ценил Шмырева, и предложил перейти к нему заместителем. Петр Спиридонович, поблагодарив за доверие, тем не менее отказался. Кстати говоря, назначенный потом на эту должность коллега Шмырева — Строилов получил звание генерал-полковника. Петр Спиридонович остался генерал-лейтенантом, но знаю, он был счастлив служить родной радиоразведке.

...В 1987 году, ровно через 50 лет после того как он надел военную форму, Петр Спиридонович Шмырев ушел в отставку. В управлении, в войсках остались его ученики.

Наш человек в Бонне

Июнь 1941 года. Для Алексея Елагина весь месяц уложился в короткий промежуток времени — от среды до среды.

18 июня, в среду, у них в Новосергиевской средней школе, что в Оренбуржье, был выпускной вечер. 22-го, в воскресенье, началась война, а 25-го, в следующую среду, его призвали в армию.

На фронт не послали. Отправили в Ленинградское военное училище связи.

В городе уже, почитай, каждый день звучал сигнал тревоги. Курсанты, вооружившись лопатами, выезжали на окраину Питера, рыли окопы. Однако основное время уходило на изучение радиостанций и освоение морзянки, работу на ключе.

Курсант Елагин показал себя весьма способным и старательным учеником. Через полгода, в начале января 1942 года, в числе семи лучших, он получил звание лейтенанта. Остальные 93 человека выпустились младшими лейтенантами.

Молодой лейтенант убыл на Южный фронт и принял под свою команду 60 человек личного состава. А Алексею не было еще и девятнадцати лет.

В отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне 56-й армии Южного фронта насчитывалось более десятка подразделений, и в каждом — его радиостанция 12-РБ. Кроме того, лейтенант Елагин являлся начальником станции РСБФ (радиостанция самолетная фургонная) и обеспечивал прямую связь между командиром батальона и лично командующим армией.

Штаб армии находился в Армавире, а батальон — в Новочеркасске. Так они и отступали, через Старочеркасск на Туапсе.

Вскоре Елагина назначили заместителем командира разведроты, а когда в ноябре 1943 года была сформирована отдельная Приморская армия, он стал помощником начальника штаба — начальником связи гвардейского зенитно-артиллерийского полка.

С этим полком Алексей Елагин освобождал Керчь, Феодосию, Симферополь, штурмовал Сапун-гору. Первым принял известие о капитуляции фашистов. Не спал всю ночь, слушал эфир, чтобы эту радостную весть доложить командиру полка.

Отгремели победные салюты, и начальник связи стал задумываться над своей судьбой. За спиной был немалый боевой опыт, да вот образования, особенно военного, считай, ноль — полгода училища. Его послали на курсы усовершенствования офицеров-связистов в Киев. Он их окончил с отличием. Только что ж курсы, они и есть курсы, это не полноценное обучение в военном училище, тем более не в академии.

Тем временем пришла разрядка, и по приказу командования он убыл для дальнейшего прохождения службы в Группу советских оккупационных войск в Германии. Назначение получил в 57-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая стояла в городе Наумбурге, на должность начальника штаба батальона связи. Шел 1947 год.

Через три года заменился и приехал служить в батальон связи 10-го стрелкового корпуса, в городе Кишиневе. Однако надолго здесь не задержался. Его, как перспективного офицера, перевели с повышением в штаб Одесского военного округа.

И вот тут судьба сделала крутой поворот. Она словно протянула руку помощи Алексею Елагину. Ты хотел учиться? Вот тебе предложение стать кандидатом в академию. А называлась та академия военно-дипломатической. О такой Елагин и слыхом не слыхивал.

Откровенно говоря, когда Алексей Илларионович услышал о военной дипломатии, его бросило в жар. Он так и сказал прямо и открыто полковнику из Москвы, который пригласил его на беседу: какой из меня дипломат, мальчишка-пастушок. Действительно детство и юность прошла на селе, в подпасках у отца-конюха. Когда же повзрослел, летом на каникулах подрабатывал путевым обходчиком. Вот и вся его дипломатия...

Столичный полковник улыбнулся:

— Потом воевали, служили Родине. Когда ж было учиться? Вот теперь мы и предлагаем сесть за академическую парту.

Елагин готов был за эту парту хоть завтра. Но военным дипломатом он себя никак не видел. Однако «покупатель», как звали этих людей в частях, оказался человеком мудрым и настойчивым. Судя по всему, начштаба батальона связи ему понравился, и полковник уговорил Алексея Илларионовича попробовать поступить в академию. Тот попробовал и поступил. На дворе стоял 1952 год.

Учился Елагин четыре года, окончил академию в 1956-м. И направили его в Австрию, «под крышу» посольства в Вене.

До столицы Австрии пришлось добираться обходными путями: в Венгрии прошли первые студенческие демонстрации, возбужденные группы людей выходили на улицы городов. В Будапеште чувствовалась

напряженность.

Австрия пока еще жила обычной, размеренной жизнью. Однако вскоре через ее границы хлынут потоки венгерских беженцев. Так что времени на вхождение в должность атташе посольства у Елагина практически не было. Что же касается его основной разведывательной работы, то в нее пришлось включиться в первые же дни после прибытия.

В мае прошлого 1955 года между СССР и Австрией был подписан мирный договор. Советские войска, находившиеся здесь в составе Центральной группы войск, были выведены на Родину. Разведуправление группы работало достаточно активно и, уходя, оставило резидентуре «богатое наследство» — большое количество агентуры. Так, Алексею Елагину передали на руководство ни много ни мало — сразу восемь (!) агентов. Однако, признаться, толку от них было мало.

«Под боком у Австрии, в соседней Венгрии стремительно разворачивались драматические события. Центр требовал ежедневной информации, — вспоминал о тех днях Алексей Илларионович, — а у меня на связи столько агентов! И что это значит? Только одно: я должен с ними встречаться, работать, назначать время будущих встреч, подбирать место для тайников. Но эффективность от такой бурной деятельности — ноль.

Наше посольство находилось под пристальным вниманием американских и немецких спецслужб. Когда заканчивался трудовой день в диппредставительстве, все шли домой отдыхать, а нам надо было улизнуть от слежки и уйти в “поле”.

Стало известно, что американцы снабжают оружием венгерских повстанцев. И делают это через территорию Австрии».

Подполковнику Елагину была поставлена задача — отследить маршрут снабжения. Правда, осуществить это оказалось весьма непросто. Резидентура после ухода советских войск только разворачивалась, становилась на ноги, да и время непростое, на всех один старенький автомобиль. А до венского аэропорта Швехат — почти два десятка километров.

А выезжать туда надо было постоянно. По оперативным данным, каждую ночь на взлетно-посадочную полосу этого аэродрома садились американские самолеты с оружием.

Однако информацию следовало подтвердить или опровергнуть. Впрочем, опровергать ничего не пришлось. Елагин регулярно дежурил в аэропорту и собственными глазами видел натовские самолеты, установил график их прибытия, время разгрузки. К утру, к началу рабочего дня в

посольстве, он возвращался, а ценная информация шла в Москву.

Приходилось выезжать и в приграничные районы. Венгерские пограничники перешли на сторону восставших. Граница была открыта. На трехцветных национальных флагах, которые развивались над заставами, красные звезды были вырезаны.

Навстречу беженцам из Австрии двигались автомашины с оружием, медикаментами, продуктами, а то и просто вещами для перепродажи. Австрийцы выдвинули свои воинские части к границе.

После подавления мятежа в Австрию уже бежали повстанцы. В первые дни местные газеты сочувственно писали «о жертвах Красной армии», коммунистического режима. Однако, когда эти «жертвы», среди которых было немало бывших уголовников, стали творить в тихой Вене бесчинства, грабить магазины, нападать на местных жителей, тон прессы изменился. Появились требования как можно быстрее разместить беженцев в отдельных лагерях. Что, собственно, и было сделано.

Однако венгерский кризис завершился, и жизнь в Австрии входила в привычное русло. Алексей Елагин получил повышение по «крышевой» должности — стал третьим секретарем посольства, а потом и вторым. Это говорило о том, что он старался соответствовать своему легальному прикрытию, дабы у контрразведки не вызывать излишние подозрения. На практике это означало одно — активную работу в посольстве. А забот тут хватало.

В июле 1960 года в Австрийскую Республику с государственным визитом прибыл Никита Хрущев. Разумеется, все заботы и хлопоты по организации визита руководителя страны легли на плечи посольских работников.

Позже в своих мемуарах «Время. Люди. Власть» Хрущев напишет: «... Нам организовали путешествие по стране. Сейчас, к сожалению, не могу припомнить маршрут, но он был очень интересным. Мы с удовольствием приняли предложение, и во мне остался прекрасный след о пребывании в Австрии. Это — сказочная страна. Там отличные дороги, очень красивые холмы, лужайки, заросшие зеленью, пейзажи, которые ласкают глаз».

Все, что написал Хрущев, — это правда.

Алексей Елагин, как сотрудник посольства, сопровождал главу государства в этой поездке и видел все собственными глазами.

«Хрущева пригласили посетить фермерское хозяйство в городке Руст, что в Нижней Австрии, — рассказал Алексей Илларионович. — Оно принадлежало семье бывшего федерального канцлера, а ныне председателя парламента Леопольда Фигля.

Поскольку Леопольд занимался политикой, хозяйство вел его брат Йозеф. Хотя и Леопольд, как страстный охотник, часто посещал семейные уголья.

Я был прекрасно знаком с Йозефом, и поскольку в посольстве отвечал за вопросы экономики и сельского хозяйства, не раз бывал на ферме Фиглей.

Так вот Никита Сергеевич разглядел в хозяйстве Фиглей свою любимицу кукурузу. Она обычно давала высокий урожай, а в тот год почему-то не уродилась. И вот Хрущев, узрев эти низкорослые “хвосты”, торжественно объявил, что советская культура урожайнее австрийской в десять раз. Особенно если ее посадить квадратно-гнездовым методом.

Австрийцы усомнились в такой урожайности. На что Хрущев ответил: “Если не верите, давайте поспорим. Кто проиграет — отдает победителю хорошую племенную свинью”. На том и ударили по рукам. Кстати, этот случай вошел в австрийские учебники по истории как “кукурузное пари”».

Братья Фигли восприняли этот спор как шутку, но советник Хрущева на следующий день вполне серьезно сказал Елагину: «Алексей Илларионович, до осени мы вам пришлем сто килограмм семян кукурузы». И, что интересно, не забыли, прислали.

Посылке из Москвы немало были удивлены и австрийцы. Но пари есть пари. Елагин доставил семена Йозефу Фиглю, и тот посеял австрийскую и русскую кукурузу рядом. Когда убрали урожай, он оказался, по сути, одинаковым. Хрущев пари проиграл. Но обещанную свинью Фигль так и не дождался. «А надо было с Никиты содрать свинью, — признался Елагин. — Проиграл — плати, что ж языком трепаться».

Участие в подобных акциях, конечно же, было на руку советскому военному разведчику. Как ни крути, а «кукурузное пари» проходило на уровне первых лиц Советского Союза и Австрии, и Елагин выступал экспертом по сельскому хозяйству от одной из сторон. Это, разумеется, укрепляло его авторитет как дипломата.

В конце 1961 года первая зарубежная командировка Елагина закончилась. За успешную работу Алексея Илларионовича наградили медалью «За боевые заслуги».

Его определили в центральный аппарат в европейское управление. Однако долго засиживаться в Москве ему не пришлось. Через полтора года Алексей Елагин вновь убыл в Австрию, в посольство, теперь уже первым секретарем. Важнее было другое: в Вену он возвращался уже руководителем разведаппарата. Откровенно говоря, такое встретишь

нечасто. Вторая командировка, казалось, еще вчера молодой оперативный офицер, а сегодня — исключительно ответственная должность резидента. Что ж, Елагин явился исключением из общих правил. Случается и такое. Но, судя по всему, его начальники имели свои резоны, назначая Алексея Илларионовича на этот пост. И не ошиблись. Полковника Елагина по итогам второй командировки в Австрию удостоили ордена Красной Звезды. Что же касается работы резидентуры, то она была признана успешной, как по добыванию военной информации, так и образцов вооружения. На связи находились несколько ценных агентов. Одним из них, офицером Британской Рейнской армии, руководил сам Алексей Илларионович Елагин.

Австрийская командировка завершилась в 1967 году, он возвратился в родное европейское управление и возглавил одно из направлений.

В 1971 году полковнику Елагину предложили поехать в Федеративную Республику Германию. Снова под «крышей» посольства, но теперь уже на высокую должность советника. Ему также предстояло возглавить резидентуру военной разведки.

По-прежнему, наряду с разведывательной деятельностью, приходилось много сил отдавать «крышевой» работе.

Послом в ФРГ в ту пору был назначен Валентин Фалин. Главной заботой нашей дипломатии стал Московский договор 1970 года, подписанный в столице Советского Союза председателем Совета Министров СССР Алексеем Косыгиным и министром иностранных дел Андреем Громыко, а с германской стороны — федеральным канцлером Вилли Брандтом и министром иностранных дел Вальтером Шеелем.

Договор этот был необычайно важен, ведь он касался главных принципов взаимоотношений между обеими странами и их подхода к решению мировых проблем и базировался на признании европейских политических и территориальных реальностей.

Принципиально важное значение имело договорное закрепление нерушимости существующих в Европе границ, как и территориальной целостности государств континента.

Однако не все в Германии положительно оценивали этот договор. Консервативные круги ФРГ старались не допустить ратификации Московского договора. По требованию Вашингтона его ратификация бундестагом была обусловлена предварительным урегулированием по Западному Берлину.

К решению этой непростой задачи был подключен посол, его советники и, конечно же, разведка. Общие усилия увенчались успехом. 17

мая 1972 года бундестаг принял решение о ратификации Московского договора.

В том же году полковник Алексей Елагин стал генерал-майором.

Впрочем, несмотря на свое генеральское звание, Алексей Илларионович в резидентуре не засиживался. Отстаивать авторитет страны он готов был в любом уголке Германии, перед любой аудиторией. Как-то на одном из дипломатических приемов к нему подошел депутат бундестага.

— Вот вы, господин Елагин, все сражаетесь за Советский Союз, говорите, что он самая мирная страна, а вы не хотели бы съездить в Баварию и выступить в клубе перед молодыми немцами?

— А это, что за молодые немцы? Можно конкретнее?

— Ну, не простые ребята... — замялся депутат.

Елагин понял, что речь идет о членах Христианско-социального союза Франца Йозефа Штрауса. Неприятная и даже опасная аудитория. Однако отступить он не собирался.

— Хорошо, — сказал Алексей Илларионович, — собирайте своих непростых «штраусят». Я приеду.

И он один, на поезде, приехал в Баварию. Пришел в клуб. Надо отдать должное, здесь был полный аншлаг. У него с тех пор еще сохранилась листовка, в которой члены ХСС приглашались на встречу с советником советского посольства.

Елагин выступал, отвечал на вопросы несколько часов. Слушали его очень внимательно, спорили, не соглашались. Порой он замечал на лицах этих молодых немцев удивление, сомнение, а то и растерянность. Многие из них впервые услышали о событиях, рассказанных из уст советского дипломата, об исторических фактах, которые в местной прессе трактовались совсем иначе. Так что необходима была и такая работа.

...В 1976 году генерал Елагин возвратился из очередной зарубежной, третьей по счету, командировки. Двадцать лет пробыл он на оперативной работе и в ином качестве себя не представлял. Но руководство ГРУ предложило ему интересную альтернативу — возглавить научно-исследовательский институт.

Более десяти лет руководил Алексей Илларионович этим учреждением. Написал диссертацию, защитился, стал кандидатом наук. Удостоился Государственной премии СССР.

После увольнения из Вооруженных Сил проводил активную общественную работу, участвовал в ветеранском движении.

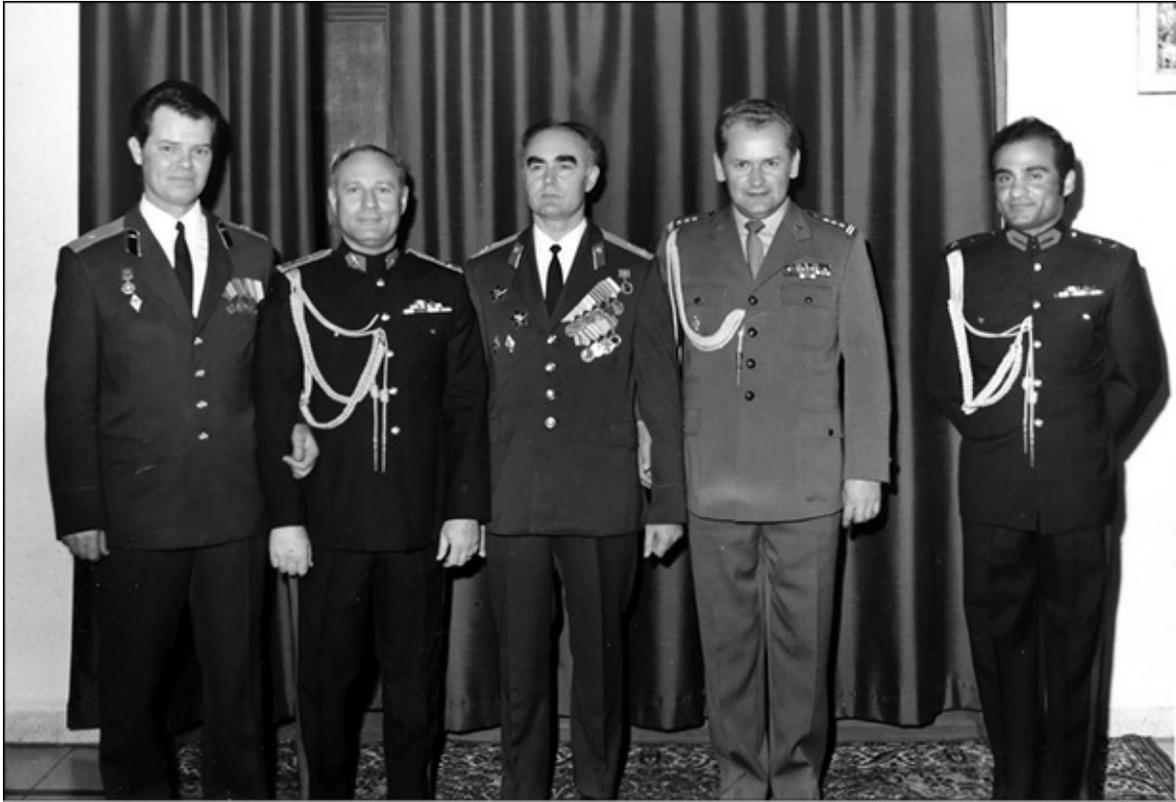
Иллюстрации

Лейтенант Александр Никифоров

Военный атташе полковник Александр Никифоров приветствует гостей

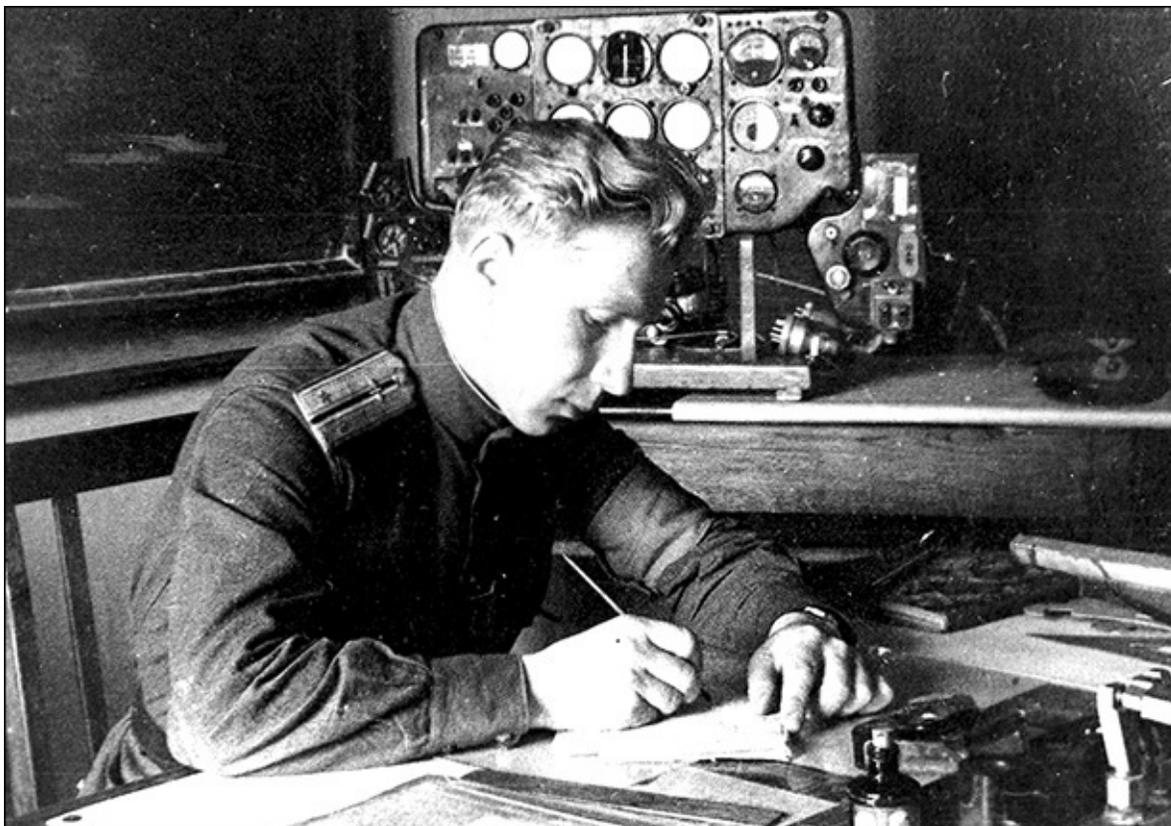
А. Никифоров с коллегами — военными атташе других стран

На приеме в советском посольстве.
А. Никифоров (второй справа) с супругой

А. Никифоров (слева) на встрече с друзьями-ветеранами

Лейтенант Владимир Глухов

Местечко Бухгольц под Берлином. Звено лейтенанта Михоля.
Владимир Глухов (третий слева). Май 1945 г.

Подполковник Владимир Глухов

Делегация Голландии осматривает сверхзвуковой лайнер ТУ-144.
Посол Голландии в СССР (второй слева), В. Глухов (второй справа).
Москва. Аэропорт Шереметьево

Начальник Главного разведывательного управления генерал армии Петр Ивашутин вручает награду Владимиру Глухову. Москва. 1985 г.

Григорий Михляев. Нижний Тагил. 1938 г.

Майор Г. Михляев (справа). Действующая армия.
В районе Бендер. 1944 г.

Подполковник А. Шкурко и Г. Михляев (справа).
Город Бад Зайцуфлен, английская зона оккупации Германии. 1951 г.

Полковник Григорий Михляев с внучкой Наташей. 1975 г.

Капитан Иван Банов. Снимок фронтовой поры

Герой Советского Союза полковник Иван Банов

Капитан Алексей Лебедев, командир эскадрильи штурмовиков

Алексей Лебедев (второй слева) проводит разбор полетов

После приземления. А. Лебедев (справа)

Военные атташе с супругами. А. Лебедев (второй слева).
Париж. 1958 г.

С коллегами-офицерами аппарата военного атташе.

А. Лебедев (в центре)

Советский военный атташе генерал-майор
А. Лебедев (второй слева) с вьетнамцами

Генерал А. Лебедев (в центре) на дипломатическом приеме. Париж

Капитан Петр Шмырев. Ленинградский фронт. 1943 г.

Генерал Петр Шмырев (третий справа) прибыл в одну из подчиненных частей, дислоцирующуюся в Монголии. Октябрь 1978 г.

Генерал-лейтенант Петр Шмырев

Корабль радиоэлектронной разведки «Титан»

Начальник штаба батальона связи 10-го гвардейского стрелкового корпуса Одесского военного округа майор Алексей Елагин.
Кишинев. 1950 г.

Генерал-майор А. Елагин. 1989 г.

Визит Н. Хрущева в Австрию. Встреча в советском посольстве.
А. Елагин (первый справа) пожимает руку руководителю государства

notes

Примечания

1

Гриша — позывной командира отряда М. Линькова.

2

Оперативное название радистов партизанских отрядов.